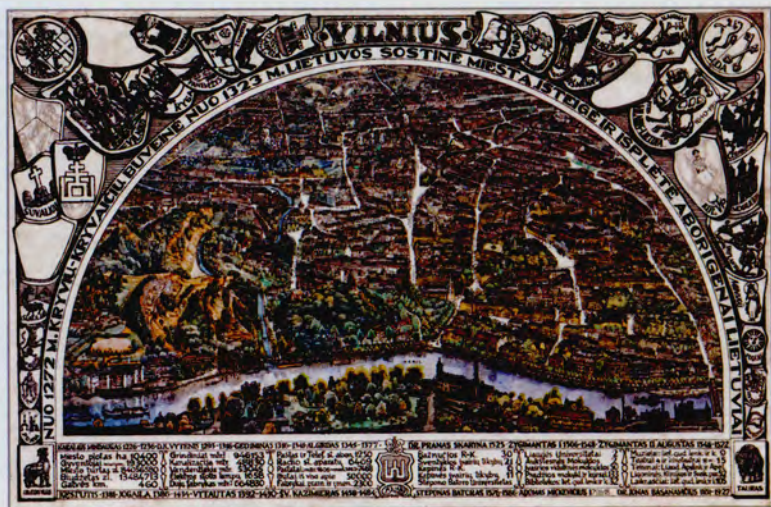

Российская академия наук
Институт славяноведения
Центр балто-славянских исследований

ВИЛЬНЮССКИЕ ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

Москва
2015

Российская академия наук
Институт славяноведения
Центр балто-славянских исследований

ВИЛЬНЮССКИЕ ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

Москва
2015

Перевод с литовского и польского языков и комментарии:

М.В. Завьялова

Предисловия: Т. Венцлова, М.В. Завьялова

УДК - 398.2

В46

Перевод по изданиям:

Dr. Władysław Zahorski. Podania i legendy Wileńskie. Wilno.

Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1925;

Vilniaus padavimai / [Sekdamas d-ru Zahorskiu parašė P. Vingis].

Vilnius: "Alka", 1990 (2-asis fotografuot. leid. 1-asis "Aitra", 1931 m.)

Редакторы: **Н.А. Михайлов**, Т.В. Цивьян

Рецензенты: д.ф.н. И.А. Седакова, к.ф.н. Т.М. Судник

**Печатается по решению Ученого совета Института
славяноведения РАН**

ISBN: 978-5-7576-0335-3

В книге использованы иллюстрации из фондов Литовского художественного музея (LDM), Литовского национального музея (LNM) и Литовского государственного исторического архива (LVIA).
Подбор иллюстраций: Рита Балкуте, Эдита Повилайтите.
Оцифровка иллюстраций: Вайдотас Аукштайтис, Антанас Лукшенас.

Настоящее издание опирается на два источника: польские предания о Вильнюсе, собранные историком В. Захорским, и их (измененный и дополненный предисловием) перевод на литовский, сделанный публицистом П. Вингисом. В русском переводе учтены и прокомментированы разночтения обоих источников. Собрание включает 45 преданий и легенд, описывающих историю Вильнюса с языческих времен до XX века. Книга снабжена предисловиями, комментариями, иллюстрациями. Издание предназначено для филологов, историков и всех, интересующихся Балтией, Литвой и Вильнюсом.

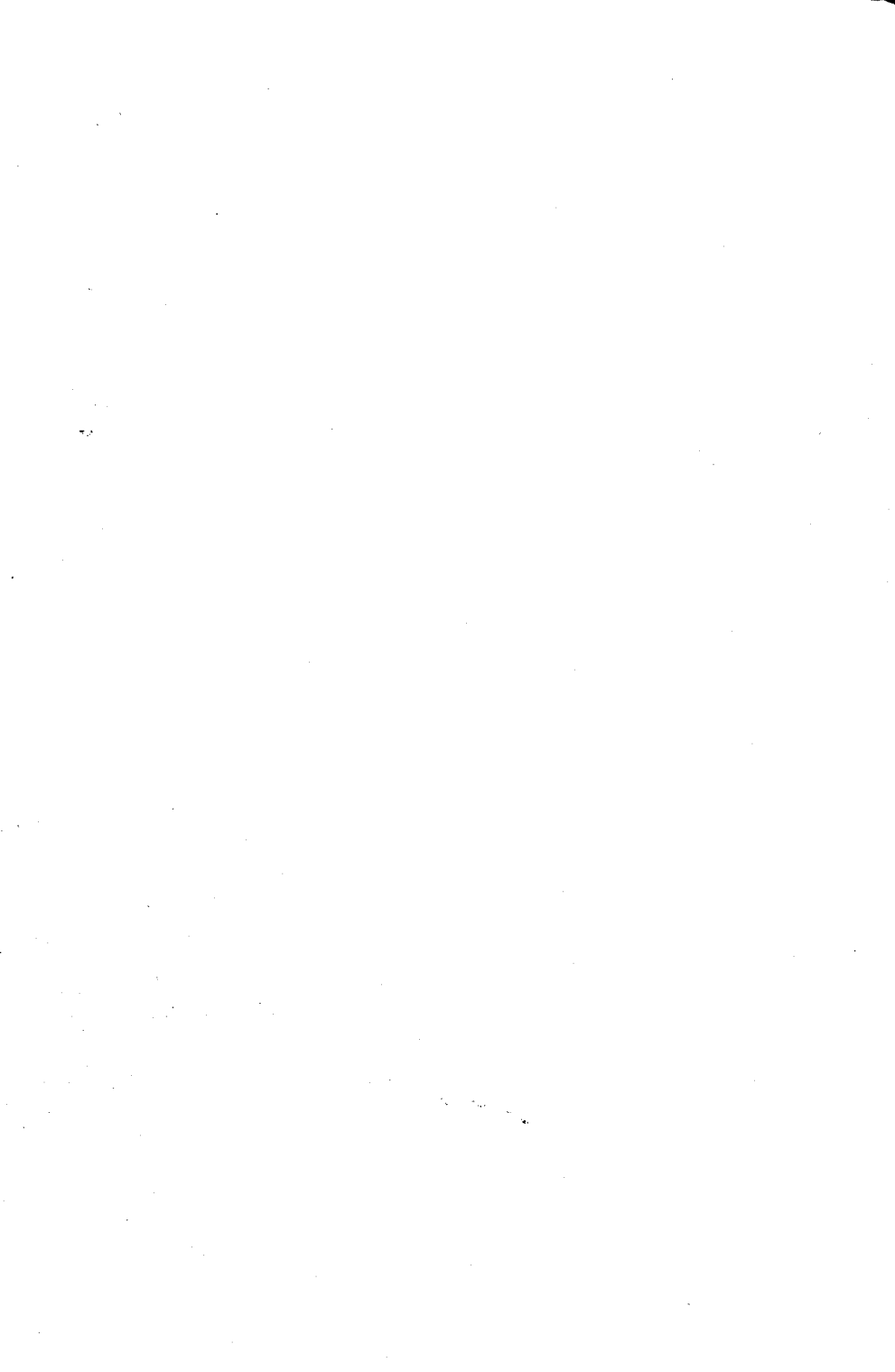
Иллюстрация на обложке: Ю. Камараускас. План города Вильнюса. 1929. Бумага, акварель, тушь. LDM.

© Институт славяноведения РАН, 2015

© М.В. Завьялова, перевод, вступительная статья, комментарии, 2015

© Томас Венцлова, вступительная статья, 2015

Посвящается памяти моего учителя Николая Михайлова

Содержание

Об этой книге:

Мария Завьялова. Слово переводчика.....	9
Томас Венцлова. Мифология Вильнюса.....	12
Мария Завьялова. Многонациональный Вильнюс в преданиях Захорского/Вингиса.....	19

Из истории этой книги:

Предисловие В. Захорского к польскому изданию.....	28
Дополнение П. Вингиса к предисловию В. Захорского.....	30
Пранас Вингис. Важнейшие вехи истории Вильнюса.....	31

Вильнюсские предания и легенды

Василиск.....	69
Святылище Перкунаса.....	76
Лиздейка.....	79
Железный волк.....	84
Вайделотка.....	87
Основание Вильнюса.....	91
Соловей и роза.....	94
Похороны Кястутиса.....	99
Колодец в костеле св. Креста.....	105
Крест Кафедрального собора.....	107
Ясинские.....	110
Давайнис.....	115
Костел св. Анны.....	118
Епископ Вайтекус Таборас и нищий Студинский.....	124
Троерукий образ святого Казимира.....	130
Призрак Барборы.....	132

Дух Зигманта Августа.....	137
Книга Твардаускаса.....	139
Каспар Бекеш.....	141
Распятие в костеле св. Иоанна.....	143
Проклятые в костеле св. Иоанна.....	145
Аист святого Казимира.....	149
Петух князя Радвиласа.....	151
Шведы в Вильнюсе.....	154
Серебряная цепь в Воротах Зари.....	158
Костел свв. Петра и Павла.....	162
Золотаренко.....	165
Привидение во дворе костела Базилианцев.....	167
Заколдованный клад в пещерах горы Бокшто (Башенной).....	170
Два друга.....	173
Невинно осужденный.....	174
Священник-злодей.....	177
Необыкновенный ребенок.....	180
Скряга.....	183
Камни Шнипишкес.....	185
Волчья лапа.....	187
Статуя Христа в Шнипишкес.....	189
Отец Мельхиор и дьявол.....	194
История о праведно обращенном.....	196
Рабби Элия.....	200
Наказанный сквернослов.....	203
Костел св. Иосифа и св. Никодима.....	205
Загадочный чужеземец.....	206
Привидение в подземельях костела Доминиканцев.....	211
Предание от 1923 года.....	214

Мария Завьялова

Слово переводчика

На заре литовской независимости (которая была провозглашена 11 марта 1990 года) в Вильнюсе большим тиражом вышли «Вильнюсские предания» — точная копия издания 1931 года¹. Автор на титульном листе не значился, и только из краткой аннотации можно было узнать, что предания эти записал «следуя д-ру Захорскому» некий П. Вингис. На самом деле это перевод на литовский язык преданий, собранных и изданных в 1925 году по-польски Владиславом Захорским. Владислав Захорский (1858—1927) — врач, историк, литератор и общественный деятель — очень интересовался историей Вильнюса. Он опубликовал множество работ по его истории и архитектуре, в частности, о вильнюсских костелах: св. Анны (1905), св. Михаила (1911, 1915), св. Николая (1910, 1921), о часовне св. Казимира в Виленском Кафедральном соборе (1901), в 1904 году издал обильно иллюстрированную книгу «Виленский Кафедральный собор». Захорский — автор путеводителя по Вильнюсу (1910), книги о Тракай и тракайских замках (1902).

В отличие от него, П. Вингис (псевдоним, под которым скрывается Пранас Жукаускас (1892—1957)²) специально историей не занимался, он был общественным деятелем, публицистом, издателем. В 1912—14 гг. он жил в США, потом переехал в Вильнюс, где стал книгоиздателем, руководил типографией, в разное время был ответственным редактором нескольких газет, занимался культурной и общественной деятельно-

¹ В процессе подготовки этой книги стало известно, что в 2013 году в Вильнюсе вышло еще одно переиздание сборника преданий Вингиса/Захорского, снабженное комментариями и иллюстрациями, однако без вводной части об истории Вильнюса, написанной Вингисом.

² Lietuvių enciklopedija, XXXV. South Boston: Lietuvių enciklopedijos leidykla, 1966, p. 423.

стью, играл в театральной студии. В 1929 г., скрываясь от преследований польских властей, переселился в независимую часть Литвы, работал в типографиях, в самоуправлениях, занимался режиссерской деятельностью, сотрудничал в периодике, публикуя фельетоны под псевдонимом Микас Смайляносис (Остроносый). «Вильнюсские предания» являются его единственной книгой.

П. Вингис-Жукаускас не все перевел в точности, кое-что добавил, что-то сократил, какие-то тексты не включил в свое собрание и снабдил книгу подробным обзором основных событий в истории Вильнюса, в котором особое внимание уделил доказательствам того, что Вильнюс все время был истинно литовским городом, несмотря на проводившуюся в нем в течение долгих веков полонизаторскую политику. Такой патристический пафос понятен — П. Вингис издал свою книгу в то время, когда Вильнюс и треть литовских земель были заняты поляками. Он еще не знал, что предстоит пережить его родному краю в скором будущем, какие новые страшные испытания придется вынести народу в плену других завоевателей. Сейчас все это уже позади, Литва свободна более 20 лет и в 2009 году отметила свое тысячелетие (в 1009 году Литва впервые была упомянута в исторических источниках).

В русском переводе учтены оба источника: польский В. Захорского и литовский П. Вингиса (сначала был сделан перевод с литовского, после чего он был сверен с польским оригиналом). В русский перевод были включены все тексты и комментарии В. Захорского, опущенные П. Вингисом, а также все добавления и уточнения, внесенные литовским переводчиком. Отдельную проблему представляет передача имен и названий, которые в польском и литовском вариантах подчас сильно различаются (например, у В. Захорского две вильнюсские речки называются Виленка и Вилия, а у Вингиса — Вильняле и Нерис). В таких случаях в русском переводе литовские имена и названия местностей транслитерируются на основе литовского варианта, а польские — на основе польского. (Хотя иногда

их бывает трудно различить). Такая языковая путаница отражает и многонациональный характер самого Вильнюса – переплетение литовской, польской, русской, татарской и еврейской культур создает его неповторимый облик и самобытность. В этом и предлагаем убедиться читателю, погрузившись в загадочный мир вильнюсских древностей.

Переводчик благодарит за ценные комментарии и уточнения, данные в процессе подготовки издания: Т. Венцлову, К. Дубнов, Ю.А. Лабынцева, В.В. Мочалову, Е.Л. Назарову, В.В. Федченко, Т.В. Цивьян.

Томас Венцлова

Мифология Вильнюса

Перед вами странная книга, повествующая о давних временах и сама относящаяся к достаточно давнему времени — двадцатым и тридцатым годам прошлого века. У нее по меньшей мере несколько авторов — летописцы, католические проповедники, романтические писатели, историки-любители, а в конечном счете два литератора очень разного толка и разных взглядов: поляк Владислав Захорский, окончивший медицинский факультет в Москве, но посвятивший свою жизнь изучению восточноевропейского города, который он считал польским и называл Вильно, и литовец Пранас Жукаускас, писавший под псевдонимом Вингис, для которого тот же город был безусловно литовским и мог называться только Вильнюсом. Книга не всегда соответствует современным вкусам, местами может казаться наивной, сентиментальной, местами нарочито пугающей. Все же она до сих пор не без удовольствия читается и в Польше, и в Литве (польские переиздания появились в 1991 и 2000 годах, литовское в 1990 году). Это сорок пять преданий разного рода, связанных со столицей Литвы.

Вильнюс — очень необычный город, его трудно описать и невозможно втиснуть ни в какую формулу. Его архитектура многослойна: в основном это барокко XVII и XVIII веков, но с ним соседствуют великолепные готические и классицистские здания. Почти с момента основания литовской столицы здесь были и православные церкви, и синагоги, и мечети (византийские купола сохранились, но из доброй сотни синагог после второй мировой войны осталась одна, а мечети сейчас попадаются только в окрестных селениях). В Вильнюсе — пожалуй, больше, чем в любом европейском городе — скрещивались и сосуществовали не только многие религии, но и десятки наци-

ональностей: едва ли не каждая из них стремилась доминировать, но никогда этого полностью не достигала. Говорят, что «исторических» национальностей семь: литовцы, поляки, белорусы, русские, евреи, татары и караимы (не считая примерно восьмидесяти других — в городе жили и немцы, и итальянцы, и греки, и французы, и шведы, и латыши, и финны, и армяне, случалось, что и корейцы, и африканцы). Положение на самой границе Востока и Запада — как бы ни были условны эти слова — усложняло судьбу Вильнюса. Город без конца переходил из рук в руки, оказывался под разными режимами — иногда сносными, иногда преступными — и только недавно вновь обрел тот статус, который имел в средние века: стал столицей независимого прибалтийского государства. Такая судьба способствует созданию мифов и поэзии.

Мифология Вильнюса многообразна и вполне соответствует его эксцентрическому облику. Захорский собрал, а Вингис пересказал предания всевозможных эпох и всевозможного происхождения. Здесь можно выделить разные слои: у Вильнюса есть несколько «мифогенных» времен и не одно «мифогенное» место или урочище. Легенды отличаются друг от друга и по типу: кроме древних мифов, имеющих соответствия во многих индоевропейских (и не только индоевропейских) культурах, в книге много так называемого городского фольклора — пугающих и анекдотических «случаев», историй о духах, привидениях и преступлениях, где находят себе выход человеческие страхи, иной раз преподносится и нравственный урок.

Первый слой преданий относится к эпохе язычества. Литва и Вильнюс известны тем, что христианство пришло сюда много позже, чем в другие области Европы — лет на четыреста позже, чем в Польшу и на Русь. Город был основан как столица языческой страны: в этом он сходен с Афинами, Римом, даже с Мехико-Сити — наследником ацтекского Теночтитлана. Легенды об этой ранней поре можно найти не только в книге Захорского-Вингиса — их слышал едва ли не каждый, кто посещал Вильнюс или живет

в нем. Они связаны с мифическим центром литовской столицы — замком Гедимина и долиной Швентарагиса, в которой на месте языческого капища стоит Кафедральный собор. Есть и легенда о драконе или василиске, которую относят к эпохе до основания города, к подземельям на улице Бокшто (они считались доисторическими, но на самом деле это бастион XVII века). Василиск, гибнущий от своего собственного отражения — частый мотив средневековых рассказов. В двадцатые-тридцатые годы прошлого столетия этот мотив дал начало особому вильнюсскому обычаю — карнавальному шествию с «чучелом» дракона (увы, этот обычай прекратился в советские времена).

Большинство легенд о Швентарагисе, Гедимине, Железном волке, Лиздейке восходят к литовским летописям (которые, кстати, писались на славянском языке — иногда его называют старобелорусским). В них легко просматриваются архаические темы. Так, тема волка связана с основанием города и в предании о Риме, а история жреца Лиздейки, найденного в гнезде орла, напоминает рассказы о шаманах, причем не только сибирских, но и американских. В летописях записана легенда о весталке (по-литовски этому слову соответствует «вайдилуте», по-польски «вайделотка»): речь идет о Бируте, похищенной Кястутисом и ставшей матерью Витаутаса, самого знаменитого князя древней Литвы. Этой легенды в книге нет, ибо она связана не с Вильнюсом, а с Палангой и Тракаем: ее заменяют предания явно позднего, литературного происхождения — о весталке Успариме, о романтической любви Дайнюса и Скайстуте. Популярная легенда о строительстве вильнюсского замка и связанной с этим «строительной жертве» — бродячий сюжет, известный многим народам. Наконец, текст о похоронах Кястутиса — строго говоря, не предание, а реконструкция исторического события, в которой используются дошедшие до нас известия о литовских языческих обрядах.

Исторические перипетии древней Литвы отражают легенды о воинах Ясинском и Давайнисе (кстати, эти дворянские фамилии стали хорошо известными

в более поздние эпохи: Якуб Ясинский был одним из предводителей восстания 1794—95 года, а Мечисловас Давайнис — фольклористом, деятелем литовского национального возрождения). Многие предания связаны с христианизацией Литвы и Вильнюса. Это благочестивые католические рассказы, подчас не лишённые неприязни к иноверцам: в них появляются новые «мифогенные места», вроде костела Бонифратров, Базилианцев, Доминиканцев, св. Иоанна, свв. Петра и Павла, св. Рафаила, св. Стефана и особенно т.н. Святых Ворот (Ворота Зари, Остра Брама, Aušros Vartai) со знаменитым образом Мадонны. Несколько особняком стоит рассказ о соперничестве двух мастеров при строительстве готического костела св. Анны (на самом деле построенном, видимо, одним мастером — чехом Бенедиктом Рейтом, работавшим и на пражских Градчанах). Своеобразна, слегка комична легенда времен контрреформации — о том, как обратился в католичество Миколас Радвила (Радзивилл Сиротка), перепуганный «воскресшим» жареным петухом. Сейчас, кстати, полагают, что это могла быть шутка, подстроенная его слугами.

«Мифогенной» фигурой является венгр-полководец Каспар Бекеш, который был антитринитарием — то есть еретиком с католической точки зрения — и поэтому нашел себе посмертное пристанище только на отшибе — на холме над речкой Вильней (откуда, кстати, открывается едва ли не лучший вид на город). Но еще популярнее вильнюсский миф, также основанный на историческом событии — куртуазной и трагической любви короля Зигманта (Сигизмунда) Августа и Барборы Радвилайте (Барбары Радзивилл). Неожиданный отзвук его дошел до самых последних времен: советская цензура загубила театральную постановку о Барборе, и режиссер этой постановки стал диссидентом поневоле... У Захорского-Вингиса легенда о Зигманте и Барборе связана с чародеем Твардаускасом (Твардовским), польско-литовским вариантом доктора Фауста, который, как и Фауст, одно время жил в Виттенберге и выступает в одной из баллад Мицкевича. Твардаускас-

Твардовский оставил две книги, которые не сохранились до наших дней — учебник магии и энциклопедию наук. Первую из этих книг предание помещает в знаменитую библиотеку Вильнюсского университета.

Целый ряд поздних легенд напоминает современные фильмы ужасов или приключенческие истории с чудесными спасениями и наказаниями. Некоторые из них варьируют бродячие сюжеты: так, предание о скряге соответствует преданию о луковке, которое использовал Достоевский в «Братьях Карамазовых», а рассказ о разрушенном костеле св. Иосифа и Никодима — рассказу о граде Китеже. Легенда «Необыкновенный ребенок» кажется то ли просто барочной фантазией, то ли описанием редкой болезни (подобные болезни известны современной генетике). История о привидении в подземельях костела Доминиканцев характерно рационализирует фольклорный мотив, объясняя его естественными причинами. Книга завершается новейшими преданиями: в одном из них выступает даже гостиница «Италия», здание которой относится уже к XX веку (сейчас она называется «Астория»).

«Мифическое время» в книге простирается вплоть до 1920 года: последняя легенда говорит о жителе города, ставшем жертвой большевиков. Увы, в том году испытания Вильнюса и вильнюсцев не прекратились. Существуют и позднейшие предания о жертвах тоталитарных режимов (гитлеровского и сталинского), которые Захорскому и Вингису не могли быть известны. Не все они собраны, и не все отделены от чисто исторических свидетельств. Как ни печально, эта работа необходима.

Кроме христианских легенд, Захорский включил в книгу две еврейские — о Гер-Цедеке Потоцком и о вильнюсском Гаоне — прославленном талмудисте XVIII века, который в вильнюсской традиции играет примерно ту же роль, что в пражской традиции раввин Лев бен Бецалель, создатель Голема. Вингис от этих преданий отказался — он не был антисемитом, но, как многие литовцы, настаивал на моноэтничном

характере вильнюсского прошлого. В заключение надо сказать несколько слов об этой проблеме мнимой мнимоэтничности, ибо она, в конце концов, тоже относится к области мифологии.

В сознании литовцев Вильнюс — неоспоримая столица народа и его страны, примерно как Иерусалим для Израиля. Сейчас всеми государствами признано, что город принадлежит Литве и никому другому. Однако многие века это отнюдь не было очевидным. Вильнюс основали и строили литовцы, но с самого начала в нем присутствовал и славянский компонент. После того, как в конце XIV века литовский князь Ягайла (Йогайла, Ягайло) стал королем Польши, и особенно после Люблинской унии (1569), литовское дворянство быстро полонизировалось, то есть забыло свой балтийский язык: впрочем, оно вплоть до XX века называло себя литвинами. Эти литвины (сейчас историки их называют старолитвинами или старолитовцами) были патриотами единого польско-литовского государства — Речи Посполитой, исчезнувшей из-за разделов в 1795 году, но при этом противопоставляли себя «короням» — полякам из Варшавы, Кракова или Познани. В XVII—XIX веках город говорил почти исключительно по-польски (и на идиш), а литовский был оттеснен в деревни. Однако во второй половине XIX века появилась новая литовская интеллигенция (младолитвины или младолитовцы), возродившая древний балтийский язык и решившая создать государство, независимое от Польши. Спор старолитвинов и младолитвинов привел к тому, что к 1918 году, когда на карте появились и Польша и Литва, обе страны немедленно поссорились из-за Вильнюса. В городе явно преобладали старолитвины, поэтому он — с нарушением международного договора — был аннексирован Польшей, что продолжалось до 1939 года. Литва восприняла это как польскую оккупацию, более того, как глубокую обиду, граничащую с преступлением. Одной из главных целей молодого литовского государства (с временной столицей в Каунасе) стало возвращение

Вильнюса. В конце концов это удалось, но только после сложнейших перипетий второй мировой войны.

В двадцатые-тридцатые годы прошлого века литовцы пытались доказать себе и всему миру, что Вильнюс всегда был литовским и только литовским, так что польские претензии на город незаконны. Это утверждение об исключительно литовском характере столицы стало еще одним вильнюсским мифом, который, кстати, до сих пор сохраняется в сознании народа и воздействует на политику. В обзоре истории Вильнюса, написанном Вингисом, и в его добавлениях к тексту преданий, очень силен этот мифологизирующий элемент. Ягайла (который был неплохим правителем) однозначно изображен как предатель; полонизация города (которая шла в основном «своим ходом») — как злонамеренная польская акция; Люблинская уния — как начало распада, обнищания и всяческих бед (в то время как реально она, по крайней мере в первое время, была благотворной — в частности, способствовала расцвету вильнюсской архитектуры). Совершенно умалчивается о таких важных эпохах жизни Вильнюса, как времена романтизма (впрочем, не говорится и о наполеоновской поре). У Вингиса город — иногда очень наивно — «литуанизируется» задним числом. Например, православные мученики Круглец и Кумец, которые были русинами (а русины — предки белорусов) превращаются в литовцев Киклиса и Миклиса; испанец Руис де Моро (Роизиус) — в литовца Райзюса; цитируются сомнительные исторические источники, такие, как дневник графа Кибурга, который уже с конца XIX века считают подделкой. Сейчас на эти патриотические эксцессы можно смотреть с улыбкой и даже с некоторым пониманием; но необходимо отдавать себе отчет, что это именно эксцессы.

Мария Завьялова

Многонациональный Вильнюс в преданиях Захорского/Вингиса

Наибольшее отличие во взглядах Вингиса и Захорского на историю Вильнюса заключается в том, что Вингис большое внимание уделяет национальной теме. Это особенно ярко проявилось в его очерке по истории города. Вкратце его основную мысль можно передать так: «в Вильнюсе все время жили литовцы, и жили хорошо, а поляки постоянно пытались им портить жизнь». Вингис утверждает, что в Вильнюсе «было только небольшое количество славянских колонистов, немецких ремесленников и евреев», а в остальном во все времена его жителями были литовцы. И через весь очерк красной нитью проходит мысль о том, что во всех несчастьях Литвы с самого начала ее истории виноваты поляки: до крещения Литвы она процветала, была сильным и могущественным государством, но вот пришел Ягайла, и все изменилось. Он пишет, что Ягайла раздал польским шляхтичам литовские земли и отдал литовцев в руки новых господ. По мнению Вингиса, Люблинская уния окончательно погубила Литву и посеяла раздор между жителями Вильнюса. Ссылаясь на впечатления финского герцога Иоанна, сына Густава Вазы, он пишет, что в начале XVI века в столице было великое множество жителей разных национальностей: литовцы, белорусы, евреи и татары, и все они мирно уживались. «Только после губительной для Литвы Люблинской унии, которая образовалась в 1569 году, началось натравливание людей друг на друга, не закончившееся и по сей день», — пишет Вингис. С этого же времени, по мнению Вингиса, началась усиленная колонизация, орудием которой был прежде всего костел.

Говоря о других врагах Литвы, он подчеркивает, что они тоже появились по вине поляков: например,

русские разорили и почти уничтожили Литву из-за польского восстания 1861—1863 гг., усмирять которое в Вильнюс был прислан генерал Муравьев по прозвищу «вешатель». «Вся Литва потонула в слезах и крови. Русские ловили литовцев, вешали их или отправляли в Сибирь, а на их место присылали в Литву бурлаков-конокрадов, снабжая их землями и денежными пособиями», — так Вингис описывает разгром Литвы русскими. Пожалуй, наиболее терпимо он относится к немецким оккупантам. При них, как он пишет, «хотя новые оккупанты и весьма притесняли литовцев, они почувствовали себя хозяевами края, поскольку, казалось, что эти пришельцы только гости и их хозяйничанье в наших краях ненадолго. Они начали строить литовские приюты, школы, выпускать учебники и вести культурную и народную работу. Словом, литовская жизнь в Вильнюсе стала кипеть, бить ключом». Однако это длилось недолго, так как вскоре Вильнюс снова захватили «коварные» поляки. Заканчивая свой обзор, он призывает литовцев «не только словом, но и делом доказать миру, что **Мы без Вильнюса не успокоимся!** и всеми силами стараться как можно скорее освободить его из рук мошенников и избавить наших поработанных братьев от тяжелого плена!».

Таким патетическим призывом Вингис заканчивает свой обзор Вильнюсской истории и переходит собственно к преданиям. И в самих преданиях иногда слышны те же нотки, хотя он и старался переводить все в точности. Но все же иногда не удерживался и вставлял свои комментарии или что-то опускал. Прежде всего он, конечно, пропускал упоминания поляков и Польши. Например, Захорский в предисловии пишет: «В Польше немного городов, которые бы имели столько преданий, как Вильнюс». Вингис, естественно, заменяет Польшу на Литву. Далее Вингис опустил указание на все источники, которыми пользовался Захорский, видимо, поскольку большинство авторов — поляки (ксендз Нарамовский, Стрыйковский, Коялович, Гжибовский, Нарбутт, Семенский, Войчицкий, Крашевский, Балинский, Карлович и другие). Есть и

не только польские источники, но их меньшинство, и поэтому, видимо, Вингис решил не упоминать о них вообще.

Теперь обратимся собственно к преданиям. В книгу Захорского вошло 45 преданий (в перевод Вингиса — 38). Они охватывают всю историю Вильнюса с момента его возникновения, и даже более ранний период. Практически все тексты связаны с тем или иным местом в Вильнюсе, костелами и другими историческими памятниками, с известными лицами. Отражаются в них и конкретные исторические события: например, основание Вильнюса, набеги крестоносцев, похороны великого князя Кястутиса, смерть Барборы Радвилайте, захват Вильнюса шведами и русскими и многое другое. Во многих случаях героями преданий являются известные исторические персонажи и реально существовавшие лица: литовские князья, представители духовенства, гетманы и воеводы, чернокнижник Твардаускас и другие.

Что касается национальностей героев преданий, то за редким исключением (когда речь идет о евреях) это в текстах не отражается. Можно судить об этом только по именам действующих лиц, но и здесь это сделать сложно, поскольку Захорский, естественно, пишет имена по-польски, а Вингис — по-литовски. В отдельных случаях в польских вариантах явно «просвечивают» литовские, например, Skajstoy — Skaistutė, Dowojna — Davainis, в других — наоборот, польские, например, Vaitiekus — Wojciech. Но большинство могут существовать в двух вариантах у обоих народов, например, Andrzej — Andrius, Marja — Marytė, Jan — Jonas, Antoni — Antanas. То же касается фамилий, например: Jasiński — Jasinskis, Marcin Studzieński — Martynas Studinskas, Twardowski — Tvardauskas, Mateusz Pokulowicz — Matas Pakulavičius. Да и к тому же имя не всегда четко соотносится с национальностью. Например, епископ Вайтекус Таборас (по-польски у Захорского Wojciech Tabor), согласно примечанию Вингиса, «был истинный литовец, бесконечно

любил Литву и Вильнюс, всеми силами старался заботиться о родине, защищал ее от вторжения польских шляхтичей, отстаивал права литовцев и их самобытность». Понятно, что у Захорского такого примечания не было.

Помимо имен о национальности могли бы свидетельствовать в некоторых случаях указания на конфессиональную принадлежность, поскольку, как известно, костелу принадлежала колонизаторская функция. В этом отношении предания разделяются на относящиеся к языческому времени и к христианскому, после крещения Литвы. Последних большинство, и все они так или иначе связаны с христианскими святынями. Но есть несколько текстов, повествующих о событиях, которые предшествовали крещению или произошли сразу после него. Тут интонации Захорского и Вингиса существенно различаются. Например, когда Захорский просто пишет «Ягайла окрестил Литву», Вингис добавляет: «Ягайла продался полякам, сам был крещен и приказал окрестить всех литовцев». В предании о нападении крестоносцев главный герой Ясинский перед военной операцией в тексте Захорского «исповедовался, всю ночь пролежал крестом, утром выслушал святую мессу в Кафедральном соборе и принял причастие». Вингис заменил все эти подробности на краткую фразу «всю ночь он горячо молился», из которой нельзя сделать вывод о конфессиональной принадлежности героя. В предании о монахах-францисканцах, которых замучили литовские язычники, тоже явно видно, на чьей стороне симпатии авторов. Захорский пишет: «Разъяренная невежественная толпа напала на маленький монастырь, сломала деревянный забор и схватила семерых монахов, которые спокойно, обнявшись и отдавшись на волю Божью, на коленях ожидали смерти. Опозоренных, немилосердно избитых и связанных канатами, их отвели на рынок и в том месте, где сегодня стоит городская ратуша, обезглавили». Вингис более сдержанно и кратко описывает мучения монахов: «...монахи, охваченные ужасным страхом,

ждали смерти. Их схватили, связали, отвели на площадь и... там отрубили им головы».

В текстах, относящихся к более позднему времени, Вингис также не упускает возможности вставить комментарии о поляках. Например, в предании о восстании литовского войска, не получавшего жалования из польской казны, в XVII веке, Захорский пишет: «По подстрекательству злых людей в войске начался бунт». Вингис представляет причины восстания иначе, вместо этой фразы Захорского он вставляет свой текст: «...по пустому месту хоть обухом бей. Так и [назначенные] три комиссара, не получив денег из польской казны, не могли удовлетворить законные требования воинов. Солдаты заподозрили их в бездействии и восстали».

Если в том, что касается жителей Вильнюса, трудно судить об их национальности, то совершенно четкое противопоставление обнаруживается, когда речь идет о завоевателях. В языческие времена это были крестоносцы, и оба автора не жалеют мрачных красок, описывая их зверства в захваченных землях:

«Крестоносцы!.. Крестоносцы!.. Это страшное слово ужасом, отчаянием и ненавистью наполняло сердце каждого литовца. Сколько горя причиняло стране каждое появление этих закованных в сталь монахов, которые на своих плащах несли вышитые кресты, в сердцах — лицемерие, злобу и жадность, а в руках — меч, потопляющий в крови беззащитных детей, женщин и стариков. Эти вооруженные и полные высокомерия апостолы, якобы проповедующие учение Христа, шли по Литве в зареве пожарищ, под стон умирающих от их мечей, по дорогам, омытым слезами матерей, вдов и сирот, которых они разоряли, а отцов, братьев, сыновей и любимых женихов угоняли в тяжелейший плен. После прохода вооруженных полков крестоносцев литовские деревни и города превращались в руины, сотни трупов выстилали дороги и висели на деревьях, а цветущий и спокойный некогда край превращался в пустыни и огромные кладбища. Неудивительно, что литовцы всей душой ненавидели крестоносцев, что, едва только услышав об их вторжении в

Литву, мужчины хватались за топоры и копья, а женщины прятались в непроходимых лесах и крепких замках». Здесь Захорский и Вингис вполне единомышленны, как и по отношению к другим оккупантам — русским и шведам.

«В XVIII веке шведы два раза занимали Вильнюс, а именно в 1702 и в 1706 годах. Особенно жестоки они были во второй раз. Под предводительством полковника Дикера они резали, грабили, бесчестили женщин, убивали стариков и детей. Город, костелы и монастыри обложили огромными контрибуциями, обирали богатых горожан, вырывали чаши из рук священников, когда те шли от алтаря, а некоторые костелы превратили в казармы и конюшни».

Вторжение русских отражено в предании о жестоком казаке Золотаренко:

«Утром 8 августа 1655 года, когда жители Вильнюса были погружены в молитву, в Вильнюс ворвалась сорочатысячная армия казаков, авангард русского царя Алексея Михайловича. Их вел известный своей жестокостью предводитель казаков Золотаренко. Он напал на беззащитные деревни и городишки, разорял их и затем сжигал, а жителей закалывал как поросят. Он не жалел ни стариков, ни женщин, ни детей. Отрывая младенцев от материнской груди, он раскалывал их головы о стену, протыкал копьями или живыми кидал в огонь. ... С живых сдирал кожу, жег на медленном огне ноги, выкалывал глаза, словом, мучить умел самыми разнообразными способами».

Однако текст, в котором описываются подобные зверства литовцев при нападении их на Польшу, Вингис опустил. Это предание есть у Захорского: «Польша имела в лице языческой Литвы беспокойного и назойливого соседа. Литовцы пробирались через леса и болота по только им одним известным дорогам и вторгались в границы Польши, жгли деревни и поселки, грабили имущество, резали стариков и детей и тысячами уводили в плен безоружных людей... Подобный поход предпринял на Польшу в 1384 году великий князь литовский Ягайла. ... Литовцы проявили неслыханное

насилие и жестокость: резали стариков, с некоторых живьем сдирали кожу, или на кол сажали, бесчестили девушек, а младенцев бросали в огонь пылающих усадеб. Грабя и уничтожая все на своем пути, литовцы дошли даже до Вислича; оттуда они, однако, вернулись и по дороге напали на Лысую гору и ограбили древний костел и Бенедиктинский монастырь, славившийся своими богатствами». В этом предании говорится о литовском воине Давайнисе, который влюбился в пленную польскую девушку и женился на ней, получив польский дворянский титул и герб рода жены. Видимо, такое предательство со стороны литовца Вингис вынести не мог, поэтому этот текст переводить не стал. Ну и, конечно, ему неприятно было приводить свидетельства того, что и литовские завоеватели вели себя на чужих землях ничуть не лучше, чем враги, нападавшие на Литву.

Не включил Вингис также в свой перевод текст о Каспаре Бекеше — венгре, именем которого названа гора в Вильнюсе. И, что довольно показательно, опустил два предания о евреях Вильнюса. Первое предание «История о праведно обращенном» повествует о графе Потоцком, который вместе с сыном небогатого дворянина из Жемайтии Зарембой учился в Париже и там познакомился с иудейской традицией. Оба приятеля поклялись перейти в иудаизм и сделали это в Амстердаме, после чего Заремба переехал в израильские земли, а Потоцкий вернулся в Вильнюс и там был сожжен как вероотступник. Во втором предании рассказывается о Рабби Элие, предводителе миснагедов, враждовавших с хасидами. Никаких порочащих литовцев данных в этих преданиях нет. Видимо, Вингис просто не хотел писать о жителях Вильнюса-инородцах.

Таким образом, в преданиях Вингиса Вильнюс получается скорее мононациональным, в отличие от Вильнюса в преданиях Захорского. Исключив евреев, венгров и явные указания на поляков, Вингис создает образ чисто литовского города, любые другие национальности в котором — чужие, завоеватели или просто иностранцы. Одно предание о таком иностранце («Загадочный чужеземец») относится к 1845 году и по-

вествует о том, как неизвестный с помощью служителя костела св. Иоанна пробрался в подземелье через только ему одному известный потайной вход, похитил спрятанные там сокровища, после чего бесследно исчез, а каким-то зельем опоенный служитель помешался и вскоре умер в больнице. По многим признакам этот чужеземец был итальянцем: он жил в гостинице «Италия», ел в столовой макароны, а в номере оставил итальянскую газету. Найти его не удалось, как и таинственный вход в подземелье. Захорский заканчивает предание такими словами: «Что это за подземный коридор, куда он ведет и что находится за таинственной дверью, остается загадкой, которую может быть когда-нибудь поможет разгадать исследование этого подземелья специалистами», а Вингис вместо этого злорадно добавляет: «Недавно газеты сообщили, что оккупационная польская власть в Вильнюсе копалась в горах Вильнюса, подземельях костелов, ища клады, чтобы пополнить свою пустую казну. Но без "помощи" "иностранцев", кажется, они ничего не добьются!». Таким образом для него даже таинственные чужеземцы оказываются предпочтительнее «своих» поляков.

Остается только гадать, по какой причине Вингис опустил последнее предание в сборнике Захорского — относящееся к 1923 году предание о жертве большевиков, закопанном ими заживо голым в землю, который просил проезжающего мимо крестьянина купить ему одежду, только тогда душа его успокоится. Предание это заканчивается словами: «Ты меня спрашивал, кто я и почему хожу голый. Что ж, знай, что я — жертва большевиков, которые, захватив Вильнюс в 1920-м году, сорвали с меня одежду и голого живым закопали в землю, а потому как я умер без исповеди, то только тогда буду спасен, когда какой-нибудь милосердный человек прикроет мою наготу. Ты сжалился надо мной и Бог тебя вознаградит. На прощание скажу тебе еще, что сейчас зима водой течет, а весна потечет кровью!». Таким мрачным предсказанием заканчиваются предания о Вильнюсе, которому действительно после этого довелось пережить еще немало трагических событий, уже не связанных с поляками.

Ю. Камараускас. Панорама Вильнюса. 1935.
Бумага, акварель. LDM.

Предисловие В. Захорского к польскому изданию

Народное творчество находит отражение в песнях, поговорках, пословицах, а также в сказках и преданиях. Если поговорки и пословицы — это кладезь народной мудрости, то сказки и предания отражают веру народа и основаны на исторических фактах и реальных лицах. Все это приукрашено фантазией, почти во всех преданиях появляется сверхъестественная сила, и происходят чудеса. Поэтому, как верно отмечает Л. Семенский, к этой категории народного творчества неприменима литературная критика.

Деревенский народ, общаясь с природой и будучи не в состоянии понять значение всех ее проявлений, думал, что ею управляют сверхъестественные силы, и веками создавал разные вымышленные истории, сказки и легенды, в которых действуют святые, ангелы, черти, волшебники, чародеи, ведьмы, кающиеся души, оборотни, заколдованные клады и т.д.

Городские жители находились в несколько других условиях, и их легенды и предания имеют иной характер. Основу городских преданий и легенд составляют исторические и иные факты, которые поразили воображение своей необычностью.

В Литве³ немного городов, которые бы имели столько преданий, сколько Вильнюс. Почти с каждой горой, с каждым старым домом и костелом связана какая-нибудь легенда, отражающая обычаи и поверья тех времен.

Но, к сожалению, никто до сих пор не занимался сбором всех вильнюсских преданий, поэтому, возможно, многие из них уже навсегда утрачены.

Желая возродить из забвения хотя бы то, что еще можно спасти, я с 30 лет искал предания в старых хро-

³ В переводе на литовский П. Вингис заменил Польшу на Литву. (Прим. пер.)

никах и в трудах древних историков, а также в произведениях авторов более позднего времени и современных писателей.

Несколько легенд привел иезуит кс. Нарамовский в своем "*Facies rerum sarmaticarum et lithuanarum*", отдельные предания встретились у Стрыйковского в его «Хронике», в "*Descriptio Pol.*" Гваньини, в "*Miscellanea*" Кояловича, у Гжибовского, Кногера, а также у писателей: кс. Иллариона, Чацкого, Т. Нарбутта, Л. Семенского, Войчицкого, Ю. И. Крашевского, М. Балинского, Й. Карловича, А. Х. Киркора и других, в хрониках вильнюсских монастырей.

Несколько легенд я опубликовал в Календаре католической благотворительности в Петербурге в 1904 и 1905 годах. Поскольку почти у всех перечисленных авторов встречаются только краткие упоминания о том или другом предании, я считал уместным приводить их в более красочном виде, а также набросать исторический фон, на котором эти легенды появились. Я считаю, что таким образом они станут более понятными, а также читатель сможет ознакомиться с некоторыми деталями из истории Вильнюса, жизни и обычаев его жителей.

Насколько это было возможно, я представил легенды в хронологическом порядке. Семь легенд относятся к языческим временам, остальные более позднего происхождения, последнее же предание современное, оно появилось в январе 1923 г.

Выражаю глубокую признательность г-ну профессору Станиславу Матуцаку за оформление моей работы мастерски выполненными рисунками.

Автор
Вильнюс, 17 марта 1923 года

Дополнение П. Вингиса к предисловию В. Захорского⁴

Хотя бы отчасти желая восполнить этот пробел, я нашел собранные большим любителем старины и историком доктором Захорским, три или четыре года назад умершим в Вильнюсе, вильнюсские предания, написанные по-польски, и, следуя ему, переписал их по-литовски.

Чтобы читателю они были понятнее, я предлагаю очерк важнейших вех истории Вильнюса, может, и не совсем полный, но поскольку я вынужден был добывать себе кусок хлеба тяжким трудом, у меня не было времени углубиться в историю Вильнюса, а в маленькой брошюре и при желании трудно подробнее описать достаточно богатую историю города.

Я писал предания простым народным языком, чтобы каждому они были без труда понятны, и придерживался хронологического порядка, как это делал и доктор Захорский.

P.V.

(П. Вингис)

Каунас, 4 января 1931 г.

⁴ П. Вингис дословно перевел половину предисловия Захорского до фразы «Но, к сожалению, никто до сих пор не занимался сбором всех вильнюсских преданий, поэтому возможно, многие из них уже навсегда утрачены» включительно. Далее, опустив рассказ Захорского о сборе преданий и их источниках, он вставил этот свой текст. (Прим. пер.)

Пранас Вингис

Важнейшие вехи истории Вильнюса

По мнению литовских историков, а также по свидетельству древних документов, название Вильнюса происходит от протекающей через него реки Вильни, а река была так названа пришедшими в этот край литовцами из-за быстроты ее течения (от слова *vilnis* 'волна'). Но некоторые исследователи пытаются доказать, что название реки происходит от слова *vylis* 'обман'. Дело в том, что в древности река была очень полноводна и богата обманчивыми водоворотами и скрытыми ямами, поэтому поглощала немало жертв. Надо думать, что первое мнение правильнее, поскольку оно опирается на большее сходство слов. По всем данным, первые жители Вильнюса появились на крутом берегу реки Вильни, там, где сейчас сходятся улицы Бокшто (Башенная) и Субачяус. Там и теперь еще остались следы крепости — большая подземная пещера, и, по словам людей, очень длинная. Старейшие жители Вильнюсского края до сих пор называют Вильнюс Вильня. М. Балинский, говоря о происхождении названия Вильнюса, пишет: «Само название Вильнюса произошло не от большой реки Вилии, а от меньшей, впадающей в нее Вильни, поскольку первые дома должны были строиться на берегу Вильни; об этом свидетельствуют следы древней крепости». Это подтверждает и доктор Захорский, исследователь и большой любитель вильнюсской старины, добавляя, что еще за несколько столетий до основания города у слияния Вильни и Нериса была большая деревня, которая тоже называлась Вильня.

Место, где теперь находится старейшая часть города, отлогое с юга на север в направлении реки Нерис, с трех сторон окружено высокими горами: с востока — горы Антакальниса, с юга — Панеряй и с запада — Шешкинес. В самом городе также немало высоких гор, таких, как Пликасис (Лысая) (теперь она называ-

ется горой Трех Крестов), высотой 206 футов, Тауракальнис (Пилес)⁵, Перкункальнис⁶, гора Буфало и др. Эти горы, как считают ученые, образовались в ледниковый период и состоят из наносных песчаных и глинистых наслоений. Горы очень украшают окрестности города и скрывают его от прибывающих сюда людей, но зато, поднявшись на какую-нибудь гору, невозможно налюбоваться на открывающиеся оттуда прекрасные виды.

В старину это место было покрыто огромными густыми лесами, которые тянулись до самого Немана. В них почти не заходили люди, поэтому они были настоящим заповедником для зверей. Здесь водились зубры, лоси, туры, серны, лани, медведи, волки, куницы, рыси и др. Из птиц здесь гнездились орлы, соколы, глухари, вальдшнепы и множество других мелких птиц. Деревья также росли самые разнообразные: дуб, сосна, ель, граб, явор, береза, ольха, липа и т.д.

Через эту долину текли две довольно полноводные реки: Вильня и Нерис. В них водилось много рыбы: некоторые, как лосось и ерш, приплывали по Неману из Балтийского моря, а другие — щука, плотва, усач и др., водились здесь же, как и в других реках Литвы.

Место, настолько богатое дарами природы, не могло оставаться незамеченным древними кочевниками, поэтому считается, что еще за несколько столетий до перенесения Гядиминасом⁷ столицы Литвы в Вильнюс на крутом берегу Вильни существовало большое поселение.

Польский историк Длугош говорит, что в том месте, где сейчас находится Вильнюс, сначала поселились племена, пришедшие из Италии, точнее, из Римской империи. Уже в 1129 г. Вильнюс был столицей нескольких областей и им управлял какой-то литовский князь по имени то ли Давилис, то ли Вилис. В том же XII столетии исландский путешественник историк Снорри Стурлуссон, собираясь написать историю Норвегии,

⁵ Тауракальнис — дословно Гора Зубра, Пилес — Замковая. (Прим. пер.)

⁶ Дословно — Гора Перкунаса. (Прим. пер.)

⁷ В русской историографической традиции — Гедимин. (Прим. пер.)

объехал ее и большую часть областей Северной Европы и собрал много важных сведений об этом крае. В описании своего путешествия, упоминая многие литовские местности, он говорит, что обнаружил исландские дома, где мог говорить на своем языке. Эти местности назывались Трик и Вельни. Из этого ученые заключили, что это были Тракай и Вильнюс.

Белорусско-литовские хроники указывают, что Вильнюс упоминался около 1270–72 годов, когда после смерти в 1263 году литовского короля Миндаугаса⁸ в Литве началась большая смута. Крестоносцы воспользовались этим и стали грабить Литву и разрушать святилища. Тогда князь Швентарагис⁹ перенес в Вильнюс разрушенное крестоносцами святилище, которое сначала было в Жемайтии, под Дубисой и Нежежисом. Там же, на слиянии Вильни и Нериса, князь Швентарагис устроил место для сжигания тел князей и их приближенных и приказал своему сыну Геримантасу сжечь там и его останки, после чего в том же месте стали сжигать тела всех умерших князей и знати. Когда умер князь Швентарагис, его сын Геримантас, исполняя волю отца, сложил огромный костер и сжег на нем его тело. Это произошло в 1268 или 1270 году. Кроме того, князь Геримантас велел вырубить вокруг лес, очистил широкую площадку, построил большое святилище в честь Перкунаса, зажег в нем священный огонь. У святилища он поселил жрецов, обязанностью которых было охранять священный огонь и присматривать за святилищем. Без сомнения, такому важному религиозному центру была необходима охрана. Для этого помимо крепости, которая уже давно была построена на берегу Вильни, пришлось строить другую, рядом со святилищем, на горе, в форме вала или насыпи, которая до сих пор видна на Замковой горе с северо-западной стороны.

Теперь посмотрим, кем и когда был построен прочный каменный замок, развалины которого и сегодня сохранились на Замковой горе.

⁸ В русской историографической традиции – Миндовг. (Прим. пер.)

⁹ В русской историографической традиции – Швинторог. (Прим. пер.)

Все литовские историки и летописцы отмечают, что этот замок в Вильнюсе был построен великим литовским князем Гядиминасом около 1322 или 1323 г., или, как считает Крашевский, между 1318 и 1323 г. Но эта дата основания замка не соответствует сведениям, которые приводит летописец крестоносцев Петр фон Дусбург. Он говорит, что замок в Вильнюсе, и, кажется, каменный, уже стоял в 1305 году, поскольку именно тогда, видимо, впервые зимой предводитель крестоносцев Эберард де Вирнебург, комендант Каралючюса¹⁰, оказался у замка Гядиминаса (*castrum Gedimini*), стоял на горе напротив замка, но, не взяв его, отступил. В этом походе были схвачены и убиты тысячи литовцев. В другой раз 24 июня 1317 г. тот же замок Гядиминаса хотел тайно окружить комендант Рагайне Фридрикус де Либенцеле с войском крестоносцев в 150 человек, но литовцы вовремя заметили их и отстояли замок. Крестоносцам удалось только сжечь окрестности замка (скорее всего, нижний деревянный замок). Даже когда Гядиминас уже перенес из Тракай столицу в Вильнюс, крестоносцы, по свидетельству того же Дусбурга, все еще называли замок в Вильнюсе "*castrum Gedimini*". 22 мая 1324 года 44 братьев крестоносцев с войском из Самбии и Натангии в 400 человек под предводительством коменданта из Рагайне сожгли окрестности замка и перебили находившихся там жителей. Выжили только те, кто спрятались в самом замке. Описывая эти события, хроникер крестоносцев, Николай фон Йерошин в этот раз называет замок *Gediminnenburg*. В январе 1330 г. крестоносцы из Рагайне снова тайно окружили замок Гядиминаса, сожгли нижний замок (или замок жрецов), перебили мужчин, женщин и детей, разграбили все имущество. Выжили только 12 мужчин, которые успели скрыться в верхнем каменном замке. Начиная с 1334 г. немецкие хроники называют замок Гядиминаса Вильнюсом и часто описывают, как сюда наведывались курляндские меченосцы и прусские крестоносцы. Так, согласно хроникам, они были в Вильнюсе и его окрестностях

¹⁰ Литовское название Кёнигсберга, сейчас Калининград. (Прим. пер.)

в 1334, 1365, 1367, 1369, 1375, 1377, 1379, 1381, 1382, 1385 и 1390 годах. Во время всех этих многочисленных походов в правление князей Альгирдаса¹¹, Кястутиса¹² и Витаутаса¹³ немцам ни разу не удавалось взять верхний замок, только в 1390 г. они захватили нижний деревянный замок.

Если верить данным Дусбурга о военных походах крестоносцев против замка Гядиминаса, ясно видно, что этот замок был основан до 1305 года.

Историк Нарбутт склонен полагать, что замок Гядиминаса в Вильнюсе был заложен еще отцом Гядиминаса, князем Витянисом¹⁴, в 1257 году и назван именем сына, который родился в том же году. Но такому мнению историка вряд ли можно верить. Намного правдоподобнее другое предположение, что замок был построен самим Гядиминасом во время правления его отца Витяниса (кн. Витянис умер в 1315 г.). Взрослый сын при постаревшем отце занимался делами края, он не только принимал участие в его защите, но ему могло быть также поручено править всей восточной Литвой вместе с Вильнюсом и охранять ее от стремящихся вглубь страны крестоносцев, для чего в важнейших стратегических местах надо было строить замки. Поскольку Гядиминас после смерти Витяниса только в 1316 году стал великим литовским князем, ясно, что замок основан до 1305 года, когда Гядиминас еще не был великим князем. Нарбутт, как и многие другие историки, ошибочно полагает, что тракайский замок Гядиминас заложил в 1321 г., а вильнюсский — в 1322. Он говорит: «В следующем, 1322 году, Гядиминас во время охоты оказался в знаменитом месте сжигания тел великих князей, называемом долиной Швентарагиса, и заметил гору, на которой стоял простой замок, построенный для охраны святилища Перкунаса, и которая могла быть подходящим местом для строительства главной крепости страны».

¹¹ В русской историографической традиции — Ольгерд. (Прим. пер.)

¹² В русской историографической традиции — Кейстут. (Прим. пер.)

¹³ В русской историографической традиции — Витовт. (Прим. пер.)

¹⁴ В русской историографической традиции — Витень. (Прим. пер.)

Но большинство летописей и документов иначе рассказывают о причине основания замка в Вильнюсе:

Великий литовский князь Гядиминас любил охотиться. Однажды он отправился на охоту за 4 мили от Тракай и взшел на большую гору на слиянии Вильни и Нериса, на которой убил зубра. Гора очень понравилась князю, и он назвал ее Тауракальнисом. Так как было поздно возвращаться домой, Гядиминас заночевал в долине Швентарагиса. Ночью ему приснился железный волк, который так громко выл, словно в нем была сотня других волков. Проснувшись, он рассказал сон своим приближенным и попросил растолковать его значение. Но никто из приближенных этого сделать надлежащим образом не смог. Тогда позвали главного литовского священника, верховного жреца Лиздейку, который так истолковал сон: «На горе, где князь видел железного волка, должен быть построен замок, который никто не возьмет, а сотня воющих в нем волков значит, что его слава прогремит на весь мир».

Такое толкование сна князю очень понравилось. Он приказал сразу же рубить деревья, везти камни и кирпичи, и вскоре на горе вырос прочный большой каменный замок, в котором поселились придворные князя, вельможи из его дворца и другие.

Стрыйковский, пересказывая легенду о железном волке, добавляет, что Гядиминас велел украсить золотом рога убитого им зубра, и на торжественных пирах или при приеме иностранных послов из них пили литовский мед. Позже они были помещены в казну и хранились как большая государственная ценность. Они существовали до времен Витаутаса Великого. Один рог Витаутас Великий, собираясь короноваться на трон Литвы, в 1429 году в Луцке на собрании королей и князей, подарил императору Римской империи королю Венгрии Жигмонду.

Основав замки в Вильнюсе, князь Гядиминас не забыл о древних литовских богах и их слугах. Он заметно увеличил святилище, основанное Швентарагисом и его сыном Геримантасом, построил дома для жрецов, пожертвовал богам большой дубовый лес, кото-

рый тянулся от Антакальниса до современных Лукишкес. Кроме того Гядиминас поставил большую статую Перкунаса, держащую в руке кремень, которым жрицы высекали священный огонь.

Как показывают старинные рисунки, верхний замок был каменным и имел четыре высокие шестиугольные башни. В нем жил сам Гядиминас и хранились все княжеские сокровища. С восточной стороны замка Гядиминас устроил небольшое святилище, которое во времена Альгирдаса было превращено в православную церковь, а после крещения Литвы в 1387 году Ягайла¹⁵ сделал его костелом св. Мартинаса. У самой горы, с юго-западной стороны был построен нижний замок, называемый Кривю (Жрецов) (поляки его называют *Krzywy zamek* — наверное, имея в виду не слово *krivè* 'жрец', а слово *krzywy* 'кривой'), ибо здесь жили не только придворные князя, но и главный литовский жрец Криве-Кривайтис. Этот нижний замок был обнесен частоколом, окружен рвом и опоясан двумя рукавами Вильни, один из которых был на том же месте, где течет и сейчас, между горами, а второй тек по сегодняшней улице Каралю (Королевской), через площадь Магдалены, через Базилику, дальше по улице Арсенало и у современного дворца Тышкевича впадал в Нерис.

Кроме этих двух замков упоминается и третий. О нем говорится в связи с походом крестоносцев на Вильнюс в 1390 г. 4 сентября 1390 г. крестоносцы и войско Витаутаса одновременно вошли в Вильнюс. Первый замок крестоносцы заняли и перебили в нем всех, потом осадили верхний и нижний замки. В нижнем замке был гарнизон из 4000 человек. Во время осады в нем по неизвестной причине произошел пожар. Из 4 тысяч человек 2 тысячи попали в плен, а 2 тысячи погибли в пламени или от немецкого меча. Где находился первый замок, документы не указывают, но считается, что речь идет о том замке, который был основан еще до Гядиминаса на крутом берегу Вильни, у улиц Субачяус и Бокшто (Башенной), его остатки и сейчас еще

¹⁵ В русской историографической традиции — Ягайло. (Прим. пер.)

видны; это длинная пещера и большие раздробленные камни, найденные глубоко в земле. Перед войной русские в этом месте устроили приют «Младенца Иисуса» для беспризорных. Русские, отступая из Вильнюса, в 1915 году передали этот приют со всеми домами и принадлежавшей ему землей «Литовскому обществу помощи пострадавшим от войны». Комитет Общества все время немецкой оккупации держал там приют для сирот, называемый «Большой приют», но когда Желиговский силой захватил Вильнюс, поляки разогнали сирот и весь приют и его имущество взяли под свой контроль.

Ознакомившись в общих чертах с историей основания Вильнюса, обратимся к моменту перенесения великим князем Гядиминасом столицы из Тракай в Вильнюс. Это произошло, как пишут историки, около 1322—1323 годов. Юлий Крачковский в описании города Вильнюса отмечает, что «исторический Вильнюс начинается только со времен Гядиминаса, с 1322 года, но нельзя отрицать и то, что в том месте, где сегодня находится город, еще намного ранее XIV века были разбросаны маленькие поселения. Быстрый рост города, его расцвет во времена Гядиминаса, множество будто мгновенно появившихся изб, его особая важность и то, что он быстро обогнал Тракай, первую столицу литовских князей — все это свидетельствует о том, что и место слияния Вильни с Нерисом должно было быть давно известно. Фл. Добрянский говорит: «Вряд ли можно думать, что такая большая деревня, какой он казался при Гядиминасе, могла бы возникнуть внезапно, да еще на пустом месте, окруженным лесом. Надо полагать, что в 1323 году Вильнюс просто стал столицей Великого княжества Литовского, так как до того времени литовские князья жили в Кярнаве и в Тракай». И М. Балинский говорит, что существование Вильнюса в XIII столетии не вызывает сомнений, но настоящая его история начинается только с 1323 года, когда Гядиминас, король Литвы и Белоруссии, стал оттуда писать письма Папе и немецким монахам, называя Вильнюс своим королевским городом. Другой литовский исто-

рик, Й. Ярошевич, пишет: «За дату основания Вильнюса принимается 1322 или 1323 год, когда Гядиминас, успешно завершив свой поход в Южную Русь (1320 г.), перенес столицу из Тракай в Вильнюс». Строительство замка могло быть начато несколько раньше, но трудно предполагать, что за один год можно построить столько домов. О том, что в 1323 г. князь уже жил в Вильнюсе, есть свидетельства из его дипломатических воззваний в том же году к Папе Иоанну XXII, к разным монашеским орденам, к ганзейским городам и к мирным переговорам с ливонским магистром и рижским архиепископом, которые были написаны в Вильнюсе. Но нельзя полагать, что Гядиминас мог бы построить Вильнюс на совсем пустом месте. Долина Швентаргиса, лежащая у слияния Вильни и Нериса, отведенная для сжигания останков князей, не могла не быть обжита намного раньше, чем был основан замок, и поэтому русские хроники утверждают, что Вильнюс существовал уже в XII веке.

О том, что Вильнюс уже в 1323 году был столицей Литвы, свидетельствует и письмо самого Гядиминаса "*Christicolis universis in toto orbe diffusis, viris et mulieribus*", написанное 25 января 1323 года. Кроме того, когда послы ливонских меченосцев, рижского архиепископа и магистрата посетили Гядиминаса в 1322 году, он уже жил в Вильнюсе. И из сохранившихся писем того времени видно, что уже в то время литовской столицей был Вильнюс. Гядиминас в одном письме, написанном в 1323 году Папе Иоанну XXII, просит помощи в защите от ордена немецких крестоносцев, обещая принять крещение. В то же время были написаны два письма провинциалу Саксонского ордена "*praedicatorum*" и другим священникам с объявлением о намерении принять крещение и с просьбой прислать в Литву художников и ремесленников. Также он сообщал, что в его королевском городе — "*in civitate nostra regia dicta Vilna*" — была устроена одна церковь, другая — в Новогрудке, и просил прислать для них 4 монахов, знающих польский, латышский и прусский языки. В том же году в Вильнюсе были на-

писаны письма в Любек, Росток, Грюневальд, Щецин и Готландию с призывом присылать в Литву ремесленников и земледельцев, которым были обещаны разные свободы, также было обещано предоставить им священников, епископов, монахов и всячески заботиться об их материальных и духовных потребностях. В том же 1323 году в Вильнюсе был заключен договор с Эстонией, Видземским и Куршским краями.

Из всего вышесказанного видно, что из Тракай в Вильнюс столица действительно была перенесена Гядиминасом в 1322 или 1323 году. С тех пор Вильнюс стал самым крупным центром литовской культуры и важнейшим очагом литовской духовной жизни. Этот могущественный литовский князь завоевал обширные белорусские и украинские земли, не раз побеждал поляков, сильно их разбивал и многих брал в плен.

В конце XIII — начале XIV вв. Польша была раздроблена на мелкие княжества, которые постоянно воевали между собой. Видя такую слабость Польши, чешский король Вацлав II в 1291 году занял Польшу и управлял ею долгие годы. Потом, хотя поляки и освободились из чешского плена, но в Польше еще долго не было никакого порядка. В условиях внутреннего беспорядка Польша, терпя большую нужду, вынуждена была защищаться от литовцев, крестоносцев и других врагов, которые, уничтожая Польшу огнем и мечом, начали присоединять ее земли к своим. Такая тяжелая ситуация внутри страны и частые нападения соседей привели Польшу к тому, что в 1325 году она вынуждена была заключить договор с Литвой. Чтобы укрепить договор, польский король сын Локетки Казимир женился на дочери Гядиминаса Алдоне. В приданое она получила много золота, серебра, дорогих мехов и 24000 польских пленных. Этот факт ясно показывает, насколько могущественна была в то время Литва, если могла иметь такое количество пленных одного государства.

После смерти Гядиминаса в 1341 году Литвой стали править два его сына: Альгирдас и Кястутис. Альгирдас завладел восточной и южной ее частями со

столицей Вильнюсом, а Кястутису достались Жемайтия и западная часть Литвы с Тракай, который был его столицей. Долгое и счастливое царствование этих двух братьев дало Литве такое могущество, что враги не осмеливались на нее нападать по одному. Зато за это время литовские мечи трижды разбивали ворота Москвы, а белорусские и украинские князья просили Литву принять их под свое покровительство. Польские короли старались поддерживать хорошие отношения с Литвой, а зачастую даже просили помощи у литовцев против своих врагов, которые не давали Польше покоя с запада и севера. Видимо, Литва в это время была намного могущественнее Польши.

Вильнюс тогда играл важнейшую роль в этом большом и сильном государстве. Через него шел торговый путь из Пруссии и Риги в Москву и Киев. Литва была богата медом, звериными шкурами, лесом, которые вывозили за границу, а оттуда получали железо, дорогие ткани и другие товары, которых тогда не хватало в Литве. Литва достигла большого прогресса в культуре, ее благосостояние росло. Вместо деревянных замков более ранней постройки повсюду начали возводиться каменные, большие замки, труднодоступные для врагов. Было вырублено множество лесов, распашаны земли, экономика края улучшилась. Ремесленники, приехавшие из Западной Европы, подняли и развернули производство, которое до тех пор было еще довольно мелким. Благополучие страны достигло высокого уровня.

Все изменилось, когда великим литовским князем стал Ягайла. Он не обращал внимания ни на благополучие страны, ни на развитие столицы, а жаждал только собственной славы. Будучи завистливым и жадным, он задушил своего дядю Кястутиса. То же он хотел сделать и со своим двоюродным братом Витаутасом Великим, но последнему удалось вырваться из его когтей. Ягайла подружился с поляками, принял крещение и женился на польской королевне Ядвиге, а в 1385 году был избран польским королем. В 1387 году с польскими священниками и шляхтича-

ми он приехал в Вильнюс крестить литовцев. С этого времени внешний вид Вильнюса, быт жителей, устройство общества и обычаи людей стали быстро меняться. Нахлынула волна чужеземцев, были разрушены литовские святилища, вместо них появились костелы. Так, в 1387 году на месте святилища Перкунаса был построен костел Богоматери и св. Станислава, позже названный Кафедральным собором, а потом — Базиликой. На фундаменте другого святилища был построен костел св. Иоанна. Проповедуемое в этих костелах слово Божье все равно не доходило до сердец литовцев, так как они не понимали польского языка, которым пользовались прибывшие в Литву польские монахи. Поэтому неудивительно, что литовцы еще долго придерживались своей старой веры. Ягайла раздал польским шляхтичам много литовских земель и отдал литовцев в руки новых господ. Литовцы до этого времени еще не знали ига крепостного права и только с момента братания Ягайлы с поляками попали под их власть, так как с этого времени права литовцев были усечены. Их присвоили польские паны. А Ягайла, «уладив» дела Литвы, переселился в Краков.

Между тем Вильнюс постигло сразу несколько несчастий. В 1390 году в Литву вторглись крестоносцы, они дошли до Вильнюса и сильно его разграбили. Через некоторое время, а именно в 1399 году, в Вильнюсе случился огромный пожар. Он уничтожил большую часть города, сгорели вильнюсский Кафедральный собор, дворец великого князя и множество разных ценностей.

Не мог спокойно смотреть на беды своей дорогой отчизны ее настоящий сын Витаутас. Он вырвался из рук Ягайлы, который хотел его убить, и решил спасти страдающую и разрушенную страну и отомстить двоюродному брату Ягайле за убийство своего отца. С помощью войск крестоносцев и местных жителей Витаутас занял Вильнюс и получил трон отца. Став великим литовским князем, он быстро и толково избавился от покровительства поляков. В его время Вильнюс, как и вся Литва, достигли высочайшего уровня

славы. Он приложил все усилия, чтобы успокоить пострадавшую страну, которая была не только разрушена врагами, но и обессилена внутренними ссорами и раздорами. Витаутас имел большое влияние на немецких крестоносцев и смог удержать их от нападений. Но когда они все-таки осмелились напасть на Литву, его железная рука заставила их повиноваться. Это случилось в 1410 году. Витаутас собрал свое большое войско и с помощью польского войска напрочь разгромил своих вечных врагов крестоносцев. Удар был такой силы, что крестоносцы больше никогда не осмеливались вторгаться в Литву. Позже они даже просили великого литовского князя Зигманта¹⁶ I принять их под свое покровительство (в 1525 г.). С московским и другими русскими князьями Витаутас договорился по-хорошему, так как они, будучи несколько раз им разбиты, не осмеливались возражать могущественному литовскому повелителю. Одни только поляки косо поглядывали на растущее благополучие Литвы и были очень обеспокоены усиливающимся могуществом великого князя. Они хорошо чувствовали широту размаха Витаутаса Великого и видели, что в управляемой им стране исчезли междоусобицы и распри, страна расцвела, Вильнюс стал хорошесть и украшаться новыми творениями зодчества. Чувствуя свою мощь и авторитет литовского государства в глазах всего мира, Витаутас задумал совсем избавиться от поляков, с которыми Ягайла, женившись на польской королевно Ядвиге, связал Литву. А поляки, почувствовав опасность, еще больше стали стремиться в Литву, стараясь укрепить ее связи с Польшей. Немецкий император Сигизмунд, полностью одобряя желание Витаутаса избавиться от поляков, пообещал прислать королевский венец, которым Витаутас должен был короноваться на трон Литвы. Тем временем поляки всячески старались помешать замыслу Витаутаса.

Когда Витаутас собирался торжественно короноваться и созвал в Вильнюс высоких гостей, пришла печальная весть о том, что польская стража поймала

¹⁶ В русской историографической традиции — Сигизмунд. (Прим. пер.)

императорских посланников и захватила королевский венец. Весть, что венец захвачен, поразила этого богатыря смертельным ударом. Проведя всю свою жизнь в битвах и одолев множество могущественных врагов, заслужив уважение всего цивилизованного мира своим умом и смелостью, один из величайших восточных правителей того времени, Витаутас Великий умер в тракайском замке в том же 1430 году и был похоронен в построенном им же Кафедральном соборе, там до сих пор покоится его прах.

Но и после смерти Витаутаса Великого Вильнюс не зачах. Во времена Ягайловичей он рос и стал большим городом. Великие литовские князья Александр, Зигмант и Зигмант Август¹⁷ очень любили Вильнюс и постоянно в нем жили. Число жителей Вильнюса тогда достигало 200000, великолепие княжеских дворцов, роскошная жизнь и богатство вельмож и дворян, промышленность и торговля удивляли каждого иностранного приезжего. Герцог Финляндии Иоанн, сын Густава Вазы, въезжая в Вильнюс по тракайской дороге, был поражен красотой открывающихся видов. Он сказал, что таких городов он видел немного. Удивляло его и разнообразие национальностей жителей столицы: литовцы, белорусы, евреи и татары, все были одеты в национальные костюмы. В те времена люди еще не преследовались ни из-за национальности, ни из-за веры. Только после губительной для Литвы Люблинской унии, которая была заключена в 1569 году, началось натравливание людей друг на друга, не закончившееся и по сей день.

Во времена князя Александра Вильнюс был обнесен новой каменной стеной, ибо после того как город вырос и прежняя стена разрушилась, жители оказались в опасности. Чтобы вильнюсцы усерднее принялись за строительство стены, они на год были отпущены с военной службы и освобождены ото всех налогов.

¹⁷ В русской историографической традиции — Сигизмунд Август.
(Прим. пер.)

Начало строительства городской стены было очень торжественным. Процессии священников, несущих священные образы, обходили вокруг города. В процессиях участвовали сам великий литовский князь, вельможи, дворяне и огромные толпы горожан. Во всех костелах звонили колокола, стреляли из пушек.

В стене было сделано несколько ворот. Самыми известными из них были следующие: Тракайские ворота в конце улицы Траку, позже они были переделаны в колокольню бывшего Францисканского костела, ворота Кревские или Мядининкские, которые позже стали называться Ашмянскими и, наконец, ворота Аушрос (Зари), которые существуют до сих пор. В последних воротах находится часовня Пресвятой Девы и ее чудотворный образ. По названию ворот и этот образ называется Пресвятая Дева Аушрос Варту (Ворот Зари)¹⁸. Ворота Ишганимо (Спасения) стояли на берегу реки Вильни, в конце улицы Бокшто (Башенной). Руднинкские ворота были построены на теперешней площади, где сходятся улицы Руднику и Пилимо (Насыпи). Кроме упомянутых больших ворот еще были проходные башни: Шлапясис (Мокрая), Тоторию (Татарская), Вяльнё (Чёртова) и др. Краеугольные камни каждой башни освящались, и около них читались проповеди. У Мядининкских ворот литовскую проповедь произнес монах-бернардинец.

Вильнюс рос, расцветал и расширялся, пока в нем жили великие литовские князья. Когда была заключена Люблинская уния, закончился период великих литовских князей. Литва лишилась самостоятельности. С этого времени и Вильнюс потерял значение столицы, стал чахнуть, понемногу ополячиваться и лишился своей древней славы. Вильнюсский епископ Протасевич в 1569 году вызвал в Вильнюс монахов-иезуитов и отдал им костел св. Иоанна и много больших домов. В этих домах они обещали устроить школы, библиотеки и другие важные учреждения. Но они не столько заботились о культурном и духовном воспитании общества, сколько о его полонизации. С того времени

¹⁸ По-польски: *Matka Boska Ostrobramska*. (Прим. пер.)

в Вильнюсе и во всей Литве началась религиозная и национальная борьба: фанатичные католики под влиянием иезуитов нападали и высмеивали кальвинистскую церковь, выкапывали и выбрасывали из могил прах кальвинистов, публично сожгли кальвинистскую библию перед костелом св. Иоанна. Кальвинисты ответили тем же. Преследуемые православные также жгли книги Скарги.

Во времена великих литовских князей Гядиминаса — Витаутаса в стране царили народная любовь, терпимость и единство, а во времена фанатика Зигманта III они сменились местью и ненавистью. Разожженная религиозная ненависть вовлекла в губительную борьбу множество духовных и физических сил, вызвала недоверие людей друг к другу, общее уныние и нищету. Прежний достаток и развитие торговли сменились бедностью, нуждой и общим упадком самобытности. К этому всему еще добавились пожары и голод, которые все чаще и чаще стали стучаться в ворота Вильнюса. В 1610 г. пожар совсем ослабил Вильнюс. Тогда сгорело 10 костелов, дворец иезуитской академии, часть Замковых дворцов и большая часть города — 4700 домов.

Как в те времена людей натравляли друг на друга, можно судить по одному событию:

В первые дни октября 1639 г. польский министр Сарновский отмечал крестины. Его квартира находилась напротив костела св. Михаила, рядом с которым был кальвинистский костел. Один из гостей, некий Пекарский, пасынок вильнюсского судьи Наборовского, позвав на помощь слугу Раковского, решил поразвлечься. Увидев на колокольне галок, он начал по ним стрелять. Во время стрельбы одна из пуль попала в образ Пресвятой Марии, который находился над дверями костела св. Михаила. Другая пуля, выбив окно костела, попала в орган. Монахини бенедиктинки, жившие у этого костела, подняли шум, начали звонить в колокола. Сбежавшаяся толпа людей и студенты иезуитской академии, узнав, что случилось, и решив, что виноваты кальвинисты, бросились их бить. Началась страш-

ная драка. С одной стороны стояли фанатичные католики во главе с епископом и множеством сенаторов, а с другой — кальвинисты и другие католики. Было разграблено множество квартир и магазинов, множество людей ранено, а один дворянин даже убит. Вильнюсским воеводой в то время был Криштупас Радвилас¹⁹ (кальвинист). Увидев такую страшную резню, Радвилас прислал войско, которое разогнало собравшуюся толпу. Хотя в тот момент толпа и была усмирена, но преследование отдельных лиц не прекратилось. Особенно преследовались студенты иезуитской академии, один из которых был заколот мечом, другим прилюдно прокололи щеки. После этих событий посыпались жалобы в Варшавский сейм. Была прислана комиссия для расследования этого дела. Обвинили, конечно, кальвинистов, закрыли их костел, а другой позволили строить только за чертой города, то есть за Тракайскими воротами.

С тех пор начались печальные для Вильнюса времена. В первую очередь, как упоминалось ранее, шла сильнейшая религиозная борьба между католиками и иноверцами, особенно кальвинистами. К религиозной борьбе присоединились раздоры дворян, купцов, богатых семей, и поэтому стали быстро приходить в упадок торговля и производство. Кроме того, на ухудшение жизни Вильнюса и всего края сильно повлияло и тяжелое экономическое положение Польши. Часто возникали бунты стоявшего в Вильнюсе войска из-за невыплаты жалования, раздоры одного воеводы (предводителя одной части войска) с другим усугубляли тяжелое положение Вильнюса и всего края и толкали их к гибели. Такое положение продолжалось более 10 лет.

К этому еще добавилась чума 1653 года, которая унесла жизни немало количества иезуитов, оказывавших последнюю помощь больным и умирающим. Среди них был и один литовский иезуит Юргис Гедрайтис, отличавшийся трудолюбием и усердием. При-

¹⁹ В русской историографической традиции принято польское название этого рода — Радзивиллы. (Прим. пер.)

нимая последнюю исповедь у одного бедняка, он зарылся и умер в возрасте 35 лет.

В том же году был выпущен указ, запрещающий евреям держать служанок христианской веры, и вообще права евреев были урезаны.

Польские короли, которые одновременно были и великими литовскими князьями, погрязшие в пирах и развлечениях в своей Польше, на Вильнюс и Литву обращали внимание постольку, поскольку могли от нее получить материальную выгоду, а о Вильнюсе и нуждах Литвы совсем не заботились. Литва и Вильнюс были отданы на произвол вельмож, забредших из Польши, и ополячившихся литовских дворян. Польские вельможи сопротивлялись каждому шагу еще любящих свой край литовских дворян, ссорились с ними, а о процветании страны совсем не думали. Этого не могли не заметить соседи, которые издавна покушались на красивую и богатую Литву со столицей Вильнюсом.

В 1654 г. армия русского царя Алексея Михайловича начала вторжение в Литву. 25 сентября она заняла Смоленск, позднее Минск, Ашмян, Лиду, Гродно, Тракай и другие города с их замками. Опасность угрожала и Вильнюсу, оставленному без каких-либо средств защиты. Построенные за сто лет до этого каменные стены Вильнюса, которыми был окружен весь город, были разрушены, армия малочисленна, пушки времен Зигманта Августа поржавели, один замок Гядиминаса превращен в склад, другой отдан для общественных нужд. Обмундирование и оружие больше подходили для процессий и других торжеств, чем для обороны. При таких обстоятельствах невозможно было даже думать о каком-то отпоре врагу.

Все это зная и видя, польские вельможи, объятые страхом, хватали свои пожитки и давали деру в Польшу. Вильнюс опустел, обеднел, поскольку все, что было ценного, было вывезено в Польшу. Защита Вильнюса была поручена гетману Литвы, князю Йонушасу Радвиласу.

Однако в том году русские Вильнюс еще не взяли. Вроде и было время как-то его укрепить, но поляков это мало беспокоило. 10 августа 1655 года русские начали наступление на Вильнюс. Князь Радвилас пытался защищаться, но маленькая горстка его войска испугалась огромной русской армии (260.000 просто го войска и 40.000 казаков), разбежалась во все стороны, а сам гетман с оставшимися верными ему воинами сжег на реке Нерис Зеленый мост и отступил в Кедайняй.

Хроники тех времен приводят страшные подробности о взятии Вильнюса. Первыми в него ворвались казаки под предводительством жестокого гетмана Золотаренко, принялись все грабить, уничтожать, жечь и устроили всеобщую резню. Только убитых в тот день было больше двадцати пяти тысяч. И досталось прежде всего тем, кому некуда и не на что было бежать — бедноте, потому что богатые унесли свои шкуры намного раньше.

Устроенный грабителями пожар уничтожил чуть ли не весь город. Прекрасные стены превратились в развалины. Историки передают, что через какое-то время "Вильнюса в Вильнюсе нельзя было найти", поскольку сам пожар, который безуспешно пытались погасить, продолжался 17 суток, и процветавший прежде город превратился в груду развалин.

Осталось мало надежд на освобождение Вильнюса, поскольку русские быстро укрепились в его развалинах и в замках Гядиминаса. Поляки уже были готовы даже совсем отказаться от Вильнюса; это видно из государственных писем и документов. В Вильнюс стали возвращаться ранее сбежавшие ремесленники, городские чиновники и духовенство. Однако чума, поразившая Вильнюс в 1657 году, отпугивала возвращавшихся, они бросались бежать из Вильнюса куда попало, поскольку уже наученные горьким опытом, знали, чем это чревато. В управлении городом был оставлен только бурмистр Кайралович с пятью членами правления, которые должны были охранять оставленные дома и магазины от грабителей. Для этой цели было выделено

1000 польских злотых. Правление выбрало 30 мужчин и поручило им обязанности охранников. К ним предводитель русской армии Шаховский добавил еще 20 русских солдат. Кайраловичу была поручена вся гражданская власть и суды. Члены правления должны были записывать умерших, следить за тем, чтобы в пустых домах не прятались лентяи, а здоровые были обеспечены работой. Однако кто только мог и был здоров, бежали из Вильнюса, желая остаться в живых. Чтобы удержать людей от бегства, все ворота города были закрыты. Оставались открытыми только Руднинские ворота, и то только днем, под охраной стражи, ночью и они закрывались. А страшная болезнь косила жителей день ото дня, словно коса пшеницу. Сколько в это время вымерло людей, точно неизвестно, но считается, что около половины всех жителей города.

К чуме добавился еще и голод. Записи тех лет о Вильнюсе передают такие ужасные подробности, о которых невозможно говорить без содрогания. Голод был настолько страшен, что люди за кусок любой еды убивали друг друга, ели собак, кошек, мышей и других тварей, а некоторые кончали жизнь самоубийством.

Польская армия несколько раз пыталась отнять Вильнюс у русских, но неудачно. Одну такую попытку 21 октября 1657 года предпринял гетман Гасевский, но у Вяркяй он был разбит русским князем Долгоруким и сам взят в плен.

Предводителем русской армии в Вильнюсе был Данила Мышацкий, очень жестокий, за каждую попытку отнять Вильнюс он мстил жителям города, безжалостно их мучая и убивая, как скот.

Однако попытки вернуть Вильнюс не прекращались, и в 1660 году литовско-польская армия под предводительством Миколаса Пацаса заняла город, но укрепившийся в замке гарнизон русских опять отбил. Наконец в 1661 году на Великой неделе они повторно неожиданно напали на город. Большая часть русской армии разбежалась, а оставшийся в замке гарнизон решил сдаться. Дело в том, что жестокостью Мышацкого были недовольны и русские солдаты, поэтому

они восстали против него, выдали его живым польскому военному руководству, и его повар сам предложил прикончить своего бывшего господина. После обсуждения жестокостей Мышацкого, предложившему себя в качестве палача повару было разрешено исполнить свое желание. Мышацкий был убит на Ратушной площади.

Во время войны замок сильно пострадал. Приехавший в Вильнюс польский король Ян Казимир уже не мог в нем остановиться, но и не собирался его восстанавливать. Его больше заботил порядок в армии, которая сильно волновалась из-за невыплаченного жалования. Польская казна, как сейчас, так и в те времена, из-за их «умелого» хозяйствования всегда была пуста, армия все больше стала волноваться, подозревая руководство в мошенничестве и лишние растратах. Город Вильнюс, разрушенный чужаками, также ничем не мог помочь. При правлении этого несчастного короля было разграблено золото и серебро вильнюсских костелов, из них делались польские деньги, чтобы хоть как-то усмирить армию и залечить самые болезненные раны страны. Только из одного Кафедрального собора было взято несколько десятков центнеров серебра.

Отнятые у священников богатства были каплей в море. Не помогла и щедрость ополяченных литовских дворян. Положение все ухудшалось из-за экономических условий. Начались междоусобные ссоры и распри. Самой главной их причиной был спор Вильнюсского воеводы гетмана Литвы князя Казимира Сапеги с Вильнюсским епископом Кастантом Бжостовским, начавшийся около 1687 года и затянувшийся до 1700 г. Спор возник из-за того, что Сапега для нужд своего войска занял несколько домов, принадлежавших Вильнюсскому капитулу. Спор никак невозможно было разрешить мирным путем. На сторону епископа встали польские вельможи, а Сапега остался один. Какой-то шляхтич Микола Вишневецкий при поддержке других шляхтичей, собрав двадцатитысячную армию, отправился на Сапегу. Тот же с литовским войском, едва насчитывающим девять тысяч, вы-

шел навстречу врагу. Оба противника встретились за семь миль от Вильнюса при Валькининкай. В ожесточенной борьбе войско Сапеги было разбито, сам Сапега спасся, убежав в Вильнюс, а его сын Миколас Сапега с 1050 всадниками пытался еще продержаться, но окруженный со всех сторон, сдался, не имея никакой возможности убежать. Захваченного в плен живым Миколаса Сапегу в ту же ночь взбешенные польские шляхтичи вытащили из постели и зарубили мечами. А другие отправились грабить и уничтожать поместье Сапегов. Грозилась и Вильнюс уничтожить и разграбить, но город откупился, заплатив бешеным четыре тысячи талеров.

После этого в Валькининкай был созван совет, который тому самому Вишневецкому поручил руководство войском еще на два года, а Сапегов объявил врагами страны и постановил отнять у них все земли и богатства.

Сапеги обращались к королю, прося вернуть их права, но как раз в это время, в июне 1702 г., воспользовавшись распрей, шведы заняли Вильнюс. Шведы несколько раз обкладывали город большими контрибуциями. Всего они взяли у Вильнюса 22.115 талеров.

Так, за несколько лет, разоренный контрибуциями, войнами, пожарами, голодом и чумой, Вильнюс в 1705 г. опять достался русской армии, руководимой самим императором Петром Великим. Этот настоящий гигант, будто положивший начало когда-то могучей Российской империи, был торжественно принят в Вильнюсе. Петр Великий остановился во дворце Слушковых на берегу реки Нерис, который существует до сих пор. В Вильнюсе Петр Великий посещал Иезуитскую Академию и участвовал в диспутах, которые в те времена заменяли театр.

18 мая 1706 года в Вильнюсе случился пожар, начавшийся от костела св. Николая. Пожар распространился на улицу Диджэйи (Большую) по направлению к Пилес (Замковой улице) и Аушрос Вартай (Воротам Зари). Опасность угрожала даже самому образу Пресвятой Девы на Воротах Зари. Он был снят и внесен

в костел св. Терезы, однако пожар до костела не дошел. Помимо множества домов, костелов и магазинов сгорела городская ратуша вместе со многими ценными документами.

Разоренную войнами и польскими панами Литву в период 1708—1710 годов настиг большой голод. Деревенские жители бежали из своих пустых лачуг в Вильнюс в поисках еды, а сам город, опустошенный разными армиями, не мог предоставить голодающим никакой помощи. С июля 1709 г. до Великой недели 1710 г. в самом Вильнюсе вымерло, по данным Крашевского, от голода 22.862 человека, а к голоду присоединились и ближайшие его спутницы, болезни: началась чума. По обнаруженным сведениям, в 1709—1710 годах в Вильнюсе умерло 30.000 христиан и около 4.000 евреев. Самыми большими виновниками этого голода, следует думать, были польские шляхтичи, которые уничтожили поместье Сапегов, смешав с землей хлеба и посева. При отсутствии семян и зерна для хлеба только этого и можно было ожидать.

Еще много пожаров и других несчастий обрушились на Вильнюс, но он уже окончательно был присоединен к России вместе с Большой Литвой.

Когда Литва лишилась независимости, о дорогих для сердца каждого литовца реликвиях никто больше не заботился. Замок Гядиминаса, столько веков с честью озарявший Литву, пришел в упадок и стал разрушаться. Начавшие хозяйничать в Вильнюсе русские полностью уничтожили нижний замок, землю сравняли, даже знака не оставили, что там когда-то стояли дорогие литовскому сердцу орудия. В этом месте они поставили памятник своему поэту Пушкину, который увезли вместе с памятниками Екатерине II и Муравьеву-Вешателю, убегая из Вильнюса в 1915 году.

Стены верхнего замка еще долго стояли, постепенно разрушаясь. Еще около 1800 г., по рисункам Смугловича, у верхнего замка было 4 башни, но они уже тогда были без крыш. С тех пор на Замковой горе исчезли не только две башни с восточной стороны, кото-

рые, кажется, были снесены уже после 1800 г. по приказу русских властей, но и у башни, сохранившейся до сих пор с юго-западного края, были разрушены два верхних этажа, а на их месте в 1839 г. были пристроены два деревянных этажа для устройства беспроводного телеграфа. Позже, когда последний оттуда убрали, башня была передана городской пожарной охране, которая до самой Великой Войны и использовалась для этой цели. И так, замок, сыгравший такую важную роль в жизни Литвы, попав в чужие руки, был поруган и уничтожен! Разве это не ирония судьбы?!...

Немалый удар Вильнюсу и всей Литве нанесли также польские восстания 1831, 1861—1863 гг. В 1831 г. здесь поселилась «временная повстанческая власть», которая состояла из польских шляхтичей. Литовские деревенские жители, желая избавиться от крепостного права, присоединились к ним, но как всегда были обмануты шляхтичами. Многих восставших русские перебили, урезали их права, закрыли Вильнюсский университет, в котором училось много литовской молодежи. А сами «руководители» сбежали в Пруссию.

Похожее восстание повторилось в 1861—1863 гг., оно навлекло на Литву еще больше бед. Усмирять восстание в Вильнюс был прислан генерал Муравьев, который из-за своей жестокости получил прозвище Вешатель. Вильнюсские монастыри он превратил в тюрьмы, а на Лукишской площади наставил виселиц; в тюрьмах он мучил виновных и невиновных людей, а на Лукишской площади их вешал. Вся Литва потонула в слезах и крови. Русские ловили литовцев, вешали их или отправляли в Сибирь, а на их место присылали в Литву бурлаков-конокрадов, снабжая их землями и денежными пособиями.

Многие вильнюсские костелы они превратили в церкви, закрыли литовские школы, а на их месте устроили свои, русские, с русскими учителями, велел им преподавать только по-русски. Люди ненавидели русские школы и не пускали в них своих детей, учили дома по-литовски, прячась от властей. Власти преследовали эти тайные школы, штрафовали учителей и родителей обучавшихся в них детей.

Все эти и многие другие притеснения причинили много вреда литовскому народу. Но наиболее злостным был запрет на литовскую печать. Специальными указами было запрещено печатать литовские книги и их продавать. Вместо них русские выпустили несколько литовских книг русскими буквами и навязывали их литовцам. Однако их никто даже в руки не брал, а если кто из страха и взял, то принесся домой, скорее всего, бросал в печь.

Итак сорок лет русские держали Литву во тьме, не давая ей даже частички света литовского печатного слова. Но все же не слишком отчаялись подавленные и поработанные литовцы. Они нашли способ распространять свет, печатая книги и газеты в Пруссии, которые с великим трудом перевозили через границу и распространяли в Большой Литве. Наконец и русский народ стал волноваться под тяжелым гнетом царя. После поражения в японской войне начались беспорядки. От русских не отстали и литовцы. Зная, что наиболее сильное оружие — это печать, прежде всего они начали требовать ее. И вот, 7 июля 1904 г. после тяжелой и мужественной борьбы литовцы возвращают себе печать, а в декабре того же года светлой памяти инж. Пятрас Вилейшис начинает выпускать в Вильнюсе первую литовскую газету «Вильнюсские известия» ("Vilniaus Žinios"), после которой появилось и много других литовских газет.

В 1905 г. в Вильнюсе был созван Великий Литовский Сейм, на котором зародилась идея независимости Литвы. Однако опомнившаяся царская власть, подавив восставший русский народ, не позволила этой идее публично развиваться. Несмотря на все преследования, поданная Великим Вильнюсским Сеймом мысль росла и расцветала в сердце каждого литовца.

Наконец Великая Война нанесла когда-то могущественной русской империи смертельный удар, и русские, гонимые немцами, оставили Литву и через несколько столетий, т.е. в августе 1915 г. ушли из Вильнюса, можно сказать, без единого выстрела. Вильнюс заняли немцы. С тех пор началась как бы новая эра литовской жизни.

Хотя новые оккупанты весьма притесняли литовцев, литовцы почувствовали себя хозяевами края, поскольку, казалось, что эти пришельцы только гости, и их хозяйничанье в наших краях ненадолго. Начали строить литовские приюты, школы, выпускать учебники и вести культурную и народную работу. Словом, литовская жизнь в Вильнюсе стала кипеть, бить ключом.

Во главе всего движения встал Президент Литовской Республики г-н А. Сметона и, под прикрытием «Литовского общества помощи пострадавшим от войны», занимался деятельностью, направленной на восстановление независимости, которая завершилась конференцией, созванной в сентябре 1917 г., которая выбрала Совет Литвы из 20 человек. Его Президентом был избран А. Сметона. Это была первая власть Литвы. Однако власть без военной силы мало что значит. Оккупационная власть вначале мало считалась с Советом Литвы и всячески мешала ему работать. Они хотели заставить Совет Литвы связать Литву с Германией такими договорами, чтобы Литва, вроде независимая, на самом деле видела бы независимость как прошлогодний снег. А Совет Литвы всячески старался избавиться от их опеки.

16 февраля 1918 г. Совет Литвы, собравшийся в Вильнюсе, объявил независимость Литвы со столицей в Вильнюсе и с тех пор стал называться Государственным Советом Литвы. В том же году Совет Литвы провозгласил Временную Государственную Конституцию Литвы и 11 ноября создал первый кабинет министров Литвы. Все это произошло в Вильнюсе.

Немцы, проиграв войну, чувствовали себя ослабленными и видели, что они по-хорошему не договорятся с литовцами, а силой также немного могут сделать. Немцы, находящиеся в Вильнюсе, стали выказывать большую симпатию к полякам, чем к литовцам, предоставляя им оружие и снаряжение. Из-за этого польские силы в Вильнюсе стали укрепляться, а сами поляки выше задирать нос. Литовское правительство, видя, что в Вильнюсе много чужого сброда,

не успев собрать и привести в порядок армию, удалилось в Каунас.

В то же время, т.е. 5 января 1919 г., Вильнюс заняла армия большевиков. 19 апреля того же года польская армия выбила большевиков из Вильнюса и держала его до июля 1920 г. Но опомнившиеся большевики снова выгнали поляков из Вильнюса, и 26 августа 1920 г. по соглашению Литвы с Советами большевики отступили из Вильнюса, оставляя его настоящим его хозяевам — литовцам.

Но и на этот раз недолго пришлось литовцам радоваться своей дорогой столице. Коварные поляки 9 октября того же года силой захватили нашу дорогую святыню — Вильнюс вместе с третьей литовских земель.

С тех пор владеют хищники нашей Столицей с Воротами Зари, могилой Витаутаса Великого и другими ценными литовскими реликвиями, мучая наших братьев.

Ознакомившись с важнейшими чертами истории Вильнюса, обратимся к доказательствам того, что он всегда был литовским.

Никто, кажется, не сомневается, что сам основатель города, великий литовский князь Гядиминас твердо придерживался языка своих предков, был настоящим литовцем в полном смысле этого слова. Об этом свидетельствует как его собственное имя, так и имена членов всей его семьи, а именно, сыновей: Мантвидас, Наримантас, Альгирдас, Кястутис, Любартас, Карийотас, Яунутис; дочерей: Алдона, Дамила, Айгуста. В его семье господствовал чисто литовский дух. Также известны и имена других князей и их детей.

Когда Гядиминас перенес в Вильнюс свою столицу, понятно, что здесь должен был поселиться и литовский военный гарнизон, а также все люди княжеского двора, которые, несомненно, были литовцами. В том, что первыми жителями Вильнюса, которые жили здесь еще до Гядиминаса, были литовцы, сомневаться не приходится, хотя у нас нет прямых сведений о них и

их национальности. Во времена Альгирдаса прославились три дворянина его двора: Киклис, Миклис и Нежила, которые за принятие православной веры были замучены литовскими язычниками и теперь почитаются православной церковью как святые под именами Иоанна, Евстафия и Антония. После введения христианства Ягайлой в 1387 г. мы получаем более точные сведения и о национальности жителей города Вильнюса. По Я. Длугошу (1415—1480), тогда Вильнюс был столицей литовского народа (*caput et metropolis gentis*) и здесь литовцы принимали крещение. М. Меховита и Ал. Гваньини, описывая введение христианства в Вильнюсе, рассказывают, что тогда здесь был погашен вечный огонь, почитавшийся литовцами-язычниками, статуи их богов уничтожены, священная роща вырублена, и было крещено 30.000 литовцев. Поскольку польские ксендзы литовского языка не знали, то сам Ягайла, по Стрыйковскому, переводил проповеди на литовский язык и пересказывал их людям. Таким образом, мы видим, что жители Вильнюса того времени, которых крестили толпами, сгоняя в кучи, были литовцами. То же нам подтверждают и показания посла крестоносцев графа Кибурга, посетившего Витаутаса Великого с политическими целями.

При правлении Витаутаса Великого, во время путешествия графа Кибурга, в 1397 г. в Вильнюсе как простые жители, так и дворяне использовали литовский язык; было здесь в то время и немного немцев. Епископ Вильнюса, поляк Анджей Василя в разговоре с графом очень хвалил литовский язык, утверждая, что если бы греческий и латынь были забыты, то литовский язык эту утрату мог бы компенсировать совершенством своих форм, звучанием и богатством. Он хвалил также набожность литовцев и их благосклонность к апостольскому трону, но вместе с тем сожалел о запущенности языка и жаловался Кибургу, что священники, не зная языка прихожан, не оказывают на них большого влияния. Он сказал, что литовцы, отказавшись от своей старой веры, на которую опиралась их национальная самобытность, уже тогда были на пороге денационализации.

После введения в Вильнюсе христианства в 1387 году польскими священниками, которые не знали литовского языка и ненавидели его как языческий, были заложены первые основы полонизации, которая надолго с помощью духовенства пустила корни среди жителей Вильнюса, воцарилась в крае и ассимилировала их. Также сильно содействовали ассимиляции высшего литовского сословия — дворянства — политические отношения между Литвой и Польшей. Еще во времена Витаутаса и Ягайлы, в 1413 г. съезд литовских дворян и польских шляхтичей в Городле оказал губительное влияние на Литву. По решению этого съезда Литва была уравнена в правах с Польшей, все государственные учреждения были приравнены к польским учреждениям, литовские дворяне превращены в шляхтичей, которым были даны польские гербы. Таким образом Польша не только поглотила Литву, но с тех пор своим постоянным влиянием внедрила все свое: права, администрацию, обычаи, язык, не оставляя ничего родного, не считаясь с особенностями края, заставляя приспособляться к требованиям навязанных правил. К такой насильно проведенной денатурализации Литвы надо добавить исчезновение характерных для народа черт, превращение их в слабое отражение и подражание Польше.

Рабскому подражанию Польше в самом Вильнюсе есть тысячи доказательств: его порядок, администрация, суды, состав магистрата, привилегии — все было сделано по примеру Кракова. Вильнюс не посмел не только иметь что-то свое, но даже и требовать. Магдебургские права, которыми пользовались в Кракове и которые из Германии попали в другие города Польши, должны были быть использованы и в Вильнюсе и удовлетворять все его потребности; в духовенстве, особенно в капитуле, отражалось каждое решение Краковского капитула. Тамошний устав был его уставом, тамошние права — его правами, даже имя Кафедрального собора (св. Станислава) должно было быть одинаковым и в Вильнюсе, и в Кракове.

На Городельском съезде было решено называть всех чиновников на польский лад: воеводами, кастеля-

нами и под. С этого времени начинается череда вильнюсских воевод.

После смерти в 1572 г. Зигманта Августа закончилась эпоха расцвета и благосостояния Вильнюса, начался его распад и обнищание.

Сама Литва, по данным Крашевского, тесно связанная с Польшей Люблинской унией 1569 г., вросла в ее тело и совершенно исчезла. Язык, обычаи, права — все слилось, сравнялось, объединилось. Только изредка воспоминание о прошлом у отдельных людей вызывало запоздалое желание отделиться и отступить от Польши. Эти симптомы были еще явными по времена господства Вазов, позднее они были поглощены внутренними распрями и совсем исчезли.

Поскольку в самом Вильнюсе, а также в многочисленных приходах окрестностей города ассимиляция литовцев была тесно связана с полонизаторской деятельностью Костела — польских священников, то нам нужно, говоря об исчезновении литовского языка в Вильнюсе, познакомиться с Костелом в Вильнюсе и использованием в нем литовского языка в разное время.

После введения в Литве христианства, когда в Вильнюсе еще не было никаких поляков, было учреждено два костела: один Кафедральный, который был перестроен из древнего литовского святилища, а второй — костел св. Иоанна Крестителя. Костел св. Иоанна был тогда первым приходом в Вильнюсе, а его прихожанами были жители Вильнюса, тогда еще небольшого города — литовцы.

Какой язык использовался тогда в вильнюсских костелах, при отсутствии прямых сведений, можно только догадываться по тому, что рассказывает о жителях столицы Литвы того времени граф Кибург, который, как уже упоминалось, приезжал сюда в 1397 г., в правление Витаутаса Великого. Если в то время литовские дворяне, с которыми пришлось встретиться Кибургу в Вильнюсе, между собой говорили политовски, то, без сомнения, и другие городские жители не иначе должны были разговаривать между собой.

Этот язык должен был использоваться и в вильнюсских костелах того времени, особенно в костеле прихода св. Иоанна.

Как известно, весь кафедральный капитул в то время состоял из польских ксендзов, которые не все могли объясняться по-литовски, поэтому и епископ Вильнюса того времени Анджей Васи́ла сокрушался, что литовский язык запущен, и жаловался Кибургу, что духовенство, не зная языка прихожан, не оказывает на них большого влияния. Однако несколько позднее, когда уже литовские епископы (например, Мотеюс Тракетис, Вайтекус Таборас и др.) управляли Вильнюсской епархией и появилось больше литовских священников, отношения с костелом должны были немного улучшиться. Так, например, епископ Мотеюс Тракетис приказал священникам учить литовский язык и читать проповеди по-литовски. Приходы он давал только тем и священниками назначал только тех, кто знал литовский язык. Однако влияние польского языка в этой сфере, несомненно, надолго и совершенно вытеснило литовский язык из костела.

Самые древние сведения об употреблении литовского языка в вильнюсском костеле сохранились, насколько известно, только со времен епископа Табораса (1492—1507 гг.), когда Литвой правил вел. кн. Казимирас, по словам Стрыйковского, знавший и язык своих родителей, который тогда еще литовские вельможи знали и уважали.

Когда Вильнюс был окружен новой каменной стеной, краеугольные камни каждых ворот были освящены. Шла большая церковная процессия. В ней участвовали епископ Таборас и правивший в то время Литвой вел. кн. Александр. Это произошло 23 апреля 1498 г. При освящении краеугольного камня Мядининкских ворот (сейчас Ворота Зари), бернардинский монах произнес проповедь на литовском языке. Так что в то время и в городе использовался литовский язык.

Как во время введения христианства, так и в последующие века жители Вильнюса все еще были литовцами. Среди них было только небольшое количе-

ство славянских колонистов, немецких ремесленников и евреев. Это подтверждает священник Х. Карпинский в своей книге "Lexikon geograficzny", выпущенной в 1766 г. в Вильнюсе. Он говорит: «Жителей насчитывается 60.000. Живут литовцы и немцы... Кроме католиков, есть схизматики, лютеране, кальвинисты, евреи, даже магометане-татары, и имеют свои собрания и мечети». Как священник Карпинский, так и писавший на семьдесят лет позже М. Балинский, поляков в Вильнюсе не упоминает совсем. «Жители города Вильнюса, — говорит последний, — что до их национальности, литовцы, русские, немцы и евреи. Других национальностей так мало, что они не могут составить отдельной группы»²⁰.

Имея прихожан литовцев, духовное правительство Вильнюса, хотя и было в большинстве полонофильским, должно было всегда считаться с потребностями людей и, как мы позднее увидим, несколько столетий считалось.

В синодальных постановлениях Вильнюсского епископата, которые были изданы, как, например, во времена епископов А. Вайны (1613—1649), Ал. Сапеги (1667—1671), Ал. Катавичюса (1672—1684), К. Бжостовского (1687—1722), М. Зенкевича (1730—1761), мы всюду ясно видим приказы учить катехизису и произносить проповеди на языке прихожан. Поскольку уже и в те времена чужеземные священники, чаще всего поляки, пробирались в Литву, желая получить более жирный кусок, то епископ Сапега выпустил указ, которым запрещалось священникам, не знающим литовского языка, давать место настоятеля. Еще более строгий указ против польских священников издал епископ Катавичюс, которым запретил давать места при костелах священникам чужих епархий и разрешил назначать настоятелями только священников, родившихся в Литве.

Как при других костелах в то время от священников требовалось знание языка прихожан, точно так же должно было быть и в костелах Вильнюса. В костеле

²⁰ М. Baliński. Opisanie statystyczne m. Wilna. 1835, 61.

св. Иоанна, как передает Крашевский, проповеди произносились на литовском и польском языках. При епископе Йонасе при костеле св. Иоанна около 1527 г. держали двух священников для произнесения проповедей. Одного из них, литовца, содержал настоятель этого костела священник Пятрас Райзиус (как видно по фамилии, и сам настоятель был литовцем), а поляка содержали некоторые горожане Вильнюса. Из этого можно заключить, что в то время проповеди, произносимые на польском языке в костеле св. Иоанна, были предназначены, может быть, для еще очень небольшого количества любителей польского языка. В другом месте тот же Крашевский говорит: «Проповеди произносились на обоих этих языках; это, кажется, подтверждает то, что хотя сегодня (около 1840 г.) в Вильнюсе литовский язык очень мало употребителен, в то время он должен был быть хорошо распространен и употребляем людьми». Так на самом деле еще долгие годы и было!

Когда епископ Вал. Протасевич в 1569 году пригласил в Вильнюс иезуитов для борьбы с протестантизмом, прочно утвердившимся тогда в Литве, им был отведен в 1571 году первый костел св. Иоанна Вильнюсского прихода, и в свое время он сыграл важную роль в защите и распространении католичества. Несколько позже, в 1578 году, когда иезуиты заменили свою гимназию академией, этот костел с тех пор стал костелом их академии, или как современные «поляки» Вильнюса его называют — “kościół akademicki”.

Было бы, наверное, неуместно подробно рассказывать, — многим это известно — какую роль в нашей стране играла эта иезуитская академия. С самого начала она стала, вместе с распространением католической веры, средством колонизации жителей Литвы, поэтому и сам костел св. Иоанна в глазах современных представителей национал-демократической партии выглядит как “świętynia narodowa”. Дело в том, что с амвона этого костела долгие годы произносились проповеди такими столпами колонизации, как С. Варшавацкий, Пятрас Скарга, Йок. Вуек, М. Сарбевский и др., которые здесь, в Вильнюсе, уже тогда прививали горо-

жанам польский патриотизм, как в костеле с амво-на, так и среди учеников в самой академии, в которой мы уже находим ростки национал-демократии в Литве в наши дни; это можно видеть из некоторых диссертаций, выпущенных студентами Вильнюсской иезуитской академии. Так, например, диссертация Ант. Костромского "*Festum esse primae classis imaginibus principum regumque Poloniae... institutum*", которую он защищал в этой академии, уже содержит в себе все черты историографии польской национал-демократии наших дней...

Хотя вильнюсские иезуиты, насколько могли, распространяли полонистическую пропаганду в Литве, но все же и тогда, когда костел св. Иоанна был уже в их распоряжении, еще довольно долгое время они не могли обойтись без литовского языка: в XVII и XVIII веках при всех костелах еще держали проповедника литовца. Из таких проповедников наиболее широко известен Константинас Ширвидас, родившийся в 1564 г., академический профессор, написавший первый польско-латинско-литовский словарь "*Dictionarium trium linguarum*" и "*Punkty kazan — Punktay sakimu Dievo žodžio*" в двух томах.

Из дневников вильнюсских иезуитов, которые приводит д-р М. Гомелицкий, критикуя произведение Ю. И. Крашевского "*Wilno od początow jego do roku 1750*", мы видим, что при костеле св. Иоанна держали литовских священников для проповедей по-литовски до 1737 г. В этот период в костеле св. Иоанна литовские проповеди произносились каждый праздничный день, а иногда и по две — одна перед обедом, другая после, в то время как польских проповедей иногда совсем не было. Из этого можно сделать вывод, что если такие ревностные апостолы полонофильства в Литве, как вильнюсские иезуиты, держали при своем костеле проповедников-литовцев — значит, в этом была необходимость, или, иначе говоря, еще тогда все жители Вильнюса были литовцами, а то, что в некоторые праздники не было польских проповедей — вполне понятно, значит, их некому было слушать.

С 1737 г. недостаточно сведений о литовских проповедниках в костеле св. Иоанна, поэтому кое-кто склонен считать, что этот год был годом изгнания литовского языка из первого вильнюсского прихода, но это маловероятно, поскольку в это время вильнюсской епархией руководил епископ М. Зенкевич, бывший каноник Жемайтии, который беспокоился о поддержании языка прихожан, так что вряд ли он мог бы позволить даже очень этого желавшим иезуитам изгнать из костела литовский язык.

В том, что литовскому языку в вильнюсских костелах становилось все теснее, не приходится сомневаться, однако по рассказам старых людей видно, что еще около середины XIX века не только в костеле св. Иоанна, но и в других костелах Вильнюсских приходов (свв. Петра и Павла в Антакальнисе, св. Рафаила в Шнипишкес) употреблялся литовский язык. И это вполне возможно, поскольку тогда (1828—1841) вильнюсской епархией управлял епископ Клангявичюс, настоящий литовец, родом из Каунасской губернии, который не был заинтересован в пропаганде польской политики в костеле.

Следует думать, что из вильнюсских костелов литовский язык окончательно был изгнан только во второй половине XIX века, когда вильнюсским епископатом стали руководить настоящие польские патриоты епископы В. Жилинский и А. Красинский в период 1859—1883 гг. Эти усердные апостолы полонофильства, особенно епископ Красинский, воспользовавшись запретом литовской печати (после восстания поляков в 1863 г.), начал распространять полонизацию через костелы не только в Вильнюсе, но и во всем вильнюсском епископате. У литовцев, покрытых тьмой невежества при отсутствии печати, не было никакого оружия, чтобы дать отпор всюю распространяющейся в Литве полонизации. Так что эти годы больше всего причинили вреда с точки зрения национальной самобытности не только Вильнюсу, но и всей Литве.

Появление «Аушры», выпускавшейся д-ром Басанавичюсом в Пруссии, вроде, взбудоражило литовцев,

пробудило их от национального сна. Как раз в то же время из варшавской епархии переехал в Вильнюс и был назначен викарием костела св. Иоанна священник Юозас Амбразеюс и начал собирать вокруг себя живших в то время в Вильнюсе литовцев. Более известных интеллигентов, которых сильнее волновал народный вопрос, особенно литовский язык в костелах, в Вильнюсе в то время было мало. Основу составляли литовские служанки, которые и начали стучаться в двери епископов. Несколько позже, около 1897 г., когда в Вильнюсе поселились Антанас Вилейшис, инженер Пятрас Вилейшис и другие настоящие патриоты Литвы, началась отчаянная борьба за права литовского языка в вильнюсских костелах. В то время вильнюсской епархией правили тоже ревностные поляки епископы Зданович и Жверович. Хотя они очень сопротивлялись, но в конце концов вынуждены были покориться справедливому требованию литовцев, и в 1902 году епископ Жверович уступил литовцам пустой, маленький и разрушенный костел св. Николая в самом неблагополучном районе города, в еврейском квартале. Получив пусть и маленький костел, после стольких лет тяжелой борьбы, литовцы Вильнюса очень обрадовались и начали его восстанавливать, собираться вокруг него, создали что-то вроде теплого гнездышка, в котором каждый мог отогреть замороженную польским холодом душу и разжечь в ней искру литовской самобытности. С тех пор начинается новая эра в народной жизни литовцев — национальное пробуждение.

В 1904 г. отмена запрета на печать не застала литовцев Вильнюса врасплох, они уже были к этому готовы. В то время уже было намного больше интеллигентов, и, как только было получено разрешение, сразу же стала выпускаться литовская газета, на содержание которой не жалели ни работы, ни денег. Это было, можно сказать, заслугой только одного человека — светлой памяти инж. Пятраса Вилейшиса. Он отдался этому делу, как говорится, «душой и телом», не жалея ни сил, ни средств.

Получив печать, литовцы Вильнюса занялись национальным возрождением со всей силой и обстоятельностью, стали основывать общества, выпускать больше

газет, устраивать публичные литовские вечера, и литовская жизнь Вильнюса осветила всю Литву.

Поляки, захватившие Вильнюс, разными способами пытались задушить литовскую общественную жизнь, закрывая публичные литовские учреждения, школы, ссылая предводителей интеллигентов, ограничивали печать и т.д.

Как бы поляки ни старались, все равно литовская жизнь в Вильнюсе кипит. Еще в 1927 году во время выборов в городские власти литовцы провели своего представителя, хотя и раскололись на две части, одни шли за выборы, другие, не признавая оккупантов хозяевами края, бойкотировали их.

И сегодня в нашей столице мошенники все еще продолжают губительную для нашего народа работу, а преследуемые и мучимые наши братья ждут освобождения.

* * *

Принимая во внимание то, что именно Вильнюс положил начало чести и мощи Литовского государства, и через несколько сотен лет опять же в Вильнюсе возродилась независимость Литвы, святая обязанность каждого литовца не только словом, но и делом доказать миру, что

«Мы без Вильнюса не успокоимся!»

и всеми силами стараться как можно быстрее освободить его из рук мошенников и избавить наших пораженных братьев от тяжелого плена!

ВИЛЬНЮССКИЕ ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

Ю. Камараускас. Вильнюс. 1894.
Бумага, акварель. LDM.

Василиск

Давным-давно, когда еще густые литовские чащи не знали топора, на берегах прекрасного Нериса и быстрой Вильни среди могучих дубов пряталась небольшая деревушка²¹. Жители ее были скромны и неприхотливы. От своих изб они далеко не уходили и только иногда от знахарей, жрецов или от случайно забредшего путника узнавали, что где-то далеко есть края, где и природа вроде бы другая и люди богаче живут. Много диковинного слышали от них простодушные жители деревушки, но считали эти рассказы небылицами. Их не привлекали чужие края. Прекрасный Нерис, его чистые синие воды, зеленые луга, густые леса, в которых голоса птичьих стай не умолкали ни днем, ни ночью, им были дороже, чем чужеземные золото и серебро. В этих вековых лесах угрюмый медведь находил логово, благородный тур скрывался в тени могучих дубов, а в чаще сновали изящные косули. Лес снабжал людей ягодами и грибами, звериными шкурами, сладким пчелиным медом. Прекрасный Нерис и быстрая Вильня давали вдоволь рыбы. Из острых камней мастерили они инструменты и оружие, хоть и не очень складные, но необходимые. Будучи неприхотливыми, они легко удовлетворяли все свои нужды и в маленьких избушках чувствовали себя счастливыми, вознося хвалу богам, сооружали жертвенники в их честь, разжигали священный огонь и приносили им многочисленные жертвы.

²¹ Улица Бокшто (Башенная) в Вильнюсе — самая старая часть города. Здесь, по преданиям, должно было находиться первое славянское поселение задолго до появления Вильнюса. Это крутое взгорье, на котором существует до сих пор очень старая четырехугольная башня, единственное, что осталось от находившейся здесь крепости, которую разрушили крестоносцы. От этой башни и улица получила свое название, а пересекающая ее улица стала называться Субачяус, поскольку, согласно преданию, на этой горе черти и ведьмы устраивали шабаш. На вершине горы во дворе в подвале под башней находится вход в подземную пещеру и коридор, о котором люди говорят, что ведет он в Тракай. Именно с этой местностью связаны предания о чудовище и о заколдованных кладях. (Прим. В. Захорского)

Все здесь было просто: и жизнь, и любовь, и смерть. Бывало, храбрый и сильный охотник не возвращался из леса, оставшись в объятиях могучего медведя или на рогах благородного тура. Многие находили вечный покой на золотом дне Нериса, а порой случалось, что срубленные дубы навеки погребали под собой дровосека. Это были ежедневные и обычные происшествия.

Но, наверное, спокойные жители берегов Нериса чем-то разозлили своих добрейших богов и навлекли на себя их гнев. Может, за священным огнем не усмотрели, и он погас, а может, слишком мало жертв приносили богам, или какая-то девушка обет чистоты не сдержала... Но как бы то ни было, разгневанные боги послали страшное наказание.

Недалеко от берега Вильни в пещере на крутой горе неизвестно откуда появилось невиданное неслыханное страшилище — дракон-василиск. Его облик никто не мог описать, ибо каждого, кто только осмеливался приблизиться к пещере, дракон своим взглядом умерщвлял, а затем проглатывал. Темной ночью, когда в небе не бывало ни звездочки, у входа в пещеру мерцали два синеватых огонька. Это были глаза дракона. Он высовывал голову из пещеры и своим губительным взором искал жертву. Горе зазевавшемуся охотнику, который в погоне за зверем оказывался у пещеры, горе девушке или невинному ребенку, если в поисках сладких ягод или душистых цветов забредали они в эти места. Встретившись взглядом с чудовищем, человек цепенел и падал, словно сраженный молнией. Тогда чудовище пожирало свою жертву. Ему было все равно, старик это или младенец, но все-таки он предпочитал невинных девушек. Горе вошло в каждый дом: дети оплакивали родителей, женихи — невест, матери — детей, а страшное чудовище все не насыщалось. Люди молили богов, приносили бесчисленные жертвы, одну девушку даже заживо закопали в землю в честь богов. Ничто не помогало. Неописуемые скорбь и страх воцарились в деревне. Тогда на большой поляне под роскошным дубом седовласые жрецы и ста-

рейшина собрали совет. Стали думать, как избавиться от напасти. Одни предлагали построить огромную стену из мощных деревьев и отгородить таким образом пещеру от деревни, другие советовали развести большой костер у входа в пещеру... Словом, обсудили множество способов, но все они были невыполнимы из-за того, что никто не мог приблизиться к чудовищу. Все это слышал один юноша — статный, с русыми волосами, спадающими на плечи, живым румянцем на щеках, с глубоким взглядом черных глаз, он был воплощением мужской красоты и силы. Девушки провожали его нежными взглядами, когда он, проворный и легкий, гнал за зверем или вытягивал из Нериса полную сеть рыбы. Многие его тайно любили и жаждали связать с ним свою судьбу. Были и такие, которые пытались его приворожить, обращались к помощи колдунов и ведьм, а некоторые и сами старались его очаровать ласковыми взглядами, но юноша ко всем оставался равнодушен, поскольку был влюблен в красавицу Уогяле²², юную, как росток руты, ясную, как майская зорька, — самую красивую девушку деревни. Уогяле его тоже любила. Подолгу сидели они на берегу Нериса под таинственным лунным светом, слушали песни соловьев и мечтали о счастливом будущем. Юноша начал строить новую избу краше и наряднее всех изб в деревне, даже окно затянул пузырем, чтобы внутри было светло. Не жалея сил, собирал медвежьи, волчьи, рысьи шкуры, чтобы украсить дом. Как только он будет построен, юноша собирался жениться на прекрасной Уогяле.

Именно в это время и завелось в пещере ужасное чудовище, и когда несчастные жители окончательно потеряли надежду на избавление, юноше пришла в голову дерзкая мысль — убить страшилище. Он прекрасно понимал, какая опасность угрожает его жизни, но ему придавала силы мысль, что убив чудовище, он спасет свою красавицу Уогяле, которую ждет та же участь, что и многих ее подруг — попасть в лапы чудовищу. Осторожный юноша, привыкший бороться

²² Дословно — Ягодка. В польском варианте — Ягну. (Прим. пер.)

с дикими зверями, долго думал, как подобраться к чудовищу незаметно. Принеся щедрые жертвы богам и горячо помолвившись, он наконец нашел способ.

От путников он не раз слышал, что в далеких краях есть хорошо отполированные металлические пластинки, в которых отражаются все предметы, находящиеся напротив. В такой пластинке человек видит себя лучше, чем в спокойной чистой воде. Чужеземцы такие пластинки называют зеркалами. Юноша решил раздобыть эту вещицу во что бы то ни стало. Вскоре, попросившись с плачущей возлюбленной, он отправился в путь. Трудна и опасна была его дорога: через чащи и болота пробирался, голода и страха натерпелся, лесные духи окружали его, а озерные русалки к себе зазывали. Часто не смыкал он глаз по ночам, прячась в густых ветвях от диких зверей. Не раз падал от усталости, тем более что нес с собой бобровые и лисьи шкуры, которые хотел обменять на зеркало. Все преодолел отважный юноша и вернулся домой с добытой драгоценностью.

Юноша никому ничего не говорил о затее, никому не показывал зеркало. Одна только Уогяле была во все посвящена и, хоть и дрожала от страха за своего любимого, не осмеливалась отговаривать его. В душе она только поклялась, что если любимый погибнет, она тоже пойдет к пещере и отдастся чудовищу на съедение.

Наконец наступил назначенный день. Чуть только заря обагрила край неба, юноша взял зеркало и отправился к пещере. Дорога от Вильни шла в гору. Она была усыпана камнями и уже почти заросла кустарником. Вскоре юноша почувствовал запах серы и гниения и споткнулся о какой-то круглый предмет. Это был выцветший от солнца и дождей человеческий череп. Юноша понял, что цель уже близка, стал более внимательным и, еще раз продумав план действий, смело выступил вперед, стараясь не шуметь и скрываться за кустами и камнями. Таким образом медленно, но верно он приближался к пещере. Запах серы и разложившихся трупов становился все невыносимее,

а в кустах и среди камней все чаще стали попадаться человеческие кости, а иногда части тел.

Вдруг юноша услышал странный звук, похожий на клототание бурлящей воды. Он остановился и осторожно выглянул из-за большого камня. И то, что он увидел, было так страшно, что храбрец чуть не закричал от ужаса и не выронил из рук зеркало. В черной дыре пещеры лежало чудовище с головой жабы, с широкой пастью, из которой торчали огромные окровавленные клыки. Оно было темно-зеленого цвета и походило на гигантского ящера. Задняя часть тела скрывалась в темноте пещеры, а под передними вытянутыми лапами лежало окровавленное и разодранное тело молодой девушки. Только голова было цела, а на лице и в широко открытых глазах застыло выражение предсмертного ужаса.

Чудовище дремало. Толстые разбухшие веки прикрывали выпученные глаза. Ноздри выдували и с громким храпом выбрасывали клубы вонючего дыма, которые оскверняли воздух запахом серы.

Чудовище, видно, почуяло вблизи живое существо, зашевелилось, вытянулось и подняло веки, из-под которых блеснули страшные глаза.

Отважный юноша ждал этого момента, и, держа перед собой зеркало, шагнул из-за скалы, за которой прятался. Чудовище очень удивилось и мгновение не двигалось, но потом приподнялось на передних лапах и вперило взгляд в зеркало. Но тут же страшно взвыло, потянулось, выпрямилось и, сделав скачок в сторону юноши, повалилось на землю. Через секунду из пасти хлынул поток черной вонючей слюны. Дракон был мертв. Его убил собственный взгляд, отраженный в зеркале.

В тот самый миг ясное солнце, словно омытое утренней росой, выглянуло из-за леса и бросило миллионы искр и снопов пламени на небо и землю.

Юноша схватил рог, висевший у него на плече, и в свежем утреннем воздухе раздался радостный победный клич. Этот звук становился все явственней, все громче, набирал силу, а звонкое эхо разносило его

по окрестностям, наполняя им небо, горы и леса, пока наконец не достигло ушей спящих жителей деревни, пробуждая отчаявшихся от глубокого сна. Все пришло в движение. Люди выбежали из домов и дворов, поняв, что случилось что-то необычное. Увидели Уогяле, которая птицей неслась к горе, где чудовище подстерегало своих жертв. Она произнесла всего несколько слов, и толпа устремилась за ней.

Через несколько минут толпа вернулась, неся на руках своего удалого спасителя, радостными криками восхваляя его отвагу, мужество и находчивость.

На вершине горы, недалеко от пещеры, в которой жило чудовище, была построена каменная четырехугольная башня в честь избавителя, от которой улица Бокшто (Башенная) получила свое название.

(Записано кс. Нарамовским²³)

* * *

Нарбутт в своем сочинении "Pomniejsze pisma historyczne" передает другой вариант предания о чудовище, взятый из старой рукописи "Descriptio historica civitatis vlnensis":

«...Странные и невероятные вещи рассказывают о подземельях горы Башни Субачяус. В этих подземельях ведьмы, колдуны и черти по субботним вечерам устраивали пиры, и потому башня называется Субачяус (Субботней). Даже существуют легенды, что в этих подземельях водились чудовища, которые оказавшихся там людей убивали на месте своим взглядом и съедали. Узнав об этой смертоносной пропасти по несчастным случаям, люди послали туда одного смелого человека, который был приговоренным к казни убийцей. На спину ему повесили зеркало и в руки дали горящие факелы. Он шел, пытаясь, и наконец подошел к месту, где было чудовище, которое в зеркале глазами встретилось с собой, страшно взвыло и издохло»²⁴.

²³ Здесь и далее источники указаны так, как они приведены в польском оригинале Захорского. (Прим. пер.)

²⁴ Вера в существование василиска была широко распространена еще в конце XVII века. В кабинете естественной истории Вильнюсской

Ю. Камараускас. Ворота Субачяус. 1899.
Бумага, акварель. LDM.

иезуитской академии (теперь Вильнюсский университет) находилось набитое чучело какой-то страшной морской рыбы, которую показывали студентам как чудовище (T. Narbutt. *Pomniejsze pisma historyczne*, p. 53).

Святилище Перкунаса

Когда крестоносцы, воспользовавшись смутой, которая воцарилась в Литве после убийства короля Миндаугаса, уничтожили несколько святилищ близ Невежиса и Дубисы, князь Швентарагис решил построить огромный жертвенник Перкунасу на слиянии Нериса и Вильни. Эти места были знакомы князю еще с юности, когда он там охотился. Так и появилось тут²⁵ скромное и бедное капище, и в нем перед взором грозного Перкунаса, статуя которого была привезена из Паланги, был разведен вечно горящий священный огонь, охраняемый круглосуточно жрецами и весталками-вайделотками. За святилищем было отведено место для сжигания тел умерших князей. Когда скончался князь Швентарагис, его сын Геримантас, исполняя волю отца, вырубил вековую дубраву, очистил большую площадку, принес богам в жертву много зверей и, в присутствии вельмож и баронов, на гигантском костре сжег останки своего отца, князя Швентарагиса. Следуя обычаям предков, вместе с усопшим сожгли его прекрасные доспехи и оружие, красивую одежду. Вместе с князем взошли на костер его охотничьи псы, ястреб, сокол и слуга.

Перед святилищем была построена невысокая круглая башня²⁶, с которой жрецы объявляли людям волю богов и следили за движением солнца и звезд.

Древние литовцы — язычники — были суеверны, верили в колдовство и ничего не начинали, не посоветовавшись с колдунами, чародеями и прорицателями, которых в то время в Литве было великое множество. Одни гадали на пене, другие на дыме, соли, воске, по полету птицы, по направлению ветра и т. п.

Так и князь Швентарагис, старик девяноста шести лет, набожный и суеверный, перед началом строительства святилища решил посоветоваться с колдуньей.

²⁵ П. Вингис в литовском переводе добавляет: в долине Тауракальнис (горы зубров) (теперь гора Пилес — Замковая гора). (Прим. пер.)

²⁶ На фундаменте этой башни стоит современная колокольня Вильнюсской базилики.

Князь знал колдунью Буриниме, жившую в то время в Жемайтии, в низовье реки Неман. И послал к ней Швентарагис шестерых уважаемых старцев с щедрыми и дорогими подарками, желая узнать будущее строящегося святилища.

Мудрая колдунья, сотворив несколько гаданий, изрекла, что святилище будет существовать до тех пор, пока литовцы будут язычниками. Колдунья приказала изготовить и отвезти князю Швентарагису сто двадцать два кирпича с начертанными на них разными знаками, которые должны были означать хорошие и плохие годы. На последнем камне был изображен крестообразный знак с двумя поперечными линиями (=|=). Это было предсказание о том, что когда придет время этого знака, крестоносцы²⁷ уничтожат язычество и само святилище разрушат. Князь эти кирпичи приказал замуровать с южной стороны.

Предсказания колдуньи сбылись, через сто двадцать два года Ягайла продался полякам, сам был крещен и приказал окрестить всех литовцев. Он разрушил святилище, а на его месте построил Кафедральный собор²⁸. Крест с двумя поперечными перекаладинами с этого времени стал использоваться на щите Витязя как знак победы крестоносцев над язычниками.

(Записано Т. Нарбуттом)

²⁷ У Захорского: «христиане западного и восточного обрядов». (Прим. пер.)

²⁸ Под большим алтарем Вильнюсской базилики и сегодня еще хранится тот самый жертвенник, на котором горел в древности священный огонь. (Прим. Вингиса)

Ю. Камараускас. Вильнюс.
Реконструкция Замка и Кафедрального Собора. 1894.
Бумага, акварель, карандаш. LDM.

Лиздейка²⁹

Верховный жрец святилища Перкунаса, находящегося в долине Швентарагиса, лишился молодой жены. Не помогли ни многочисленные жертвы, сожженные в честь богов, ни горячие молитвы жрецов, ни подсыпаемый в ее питье пепел от священного огня, ни всевозможные колдуны-чародеи. Безжалостная смерть вырвала из рук верховного жреца любимую жену в самом расцвете лет. Когда его постиг этот тяжелый удар, священник начал сторониться людей, ибо общение с ними никакого удовольствия ему не доставляло, и постоянно находился в великой скорби. Он искал одиночества и после молитв в святилище отправлялся бродить по берегам Нериса или садился в лодку и плыл вверх по реке. И так, замечтавшись, на мило-другую удалялся от долины Швентарагиса. Природа успокаивала боль и залечивала глубокую рану. Неудивительно, что пелена скорби покрыла величественное лицо жреца и в черной бороде появились серебряные ниточки. По законам старший жрец не мог жениться вторично, а он еще был полон сил, и его горячее сердце жаждало женской любви и детской ласки.

Однажды он в задумчивости брел по направлению к сегодняшним Вяркяй, и вдруг услышал чарующие звуки песни, доносящиеся с берегов Нериса. Затаив дыхание, он стал приближаться к тому месту, откуда слышалась мелодия. На небольшой полянке, в тени густого куста, на берегу быстрой речки сидела прекрасная девушка. Юная литовка сидела, окунув бо-

²⁹ По преданиям, Лиздейка был найден в орлином гнезде. На самом деле он был сыном князя Наримантаса. Когда князь умер, его брат Даумантас хотел убить его детей, но старший сын убежал к крестоносцам, а младшего спасла няня, спрятав в дупле священного дуба, где его нашел верховный жрец и объявил, что нашел его в орлином гнезде. Намного позже тот самый верховный жрец раскрыл князю Витенасу тайну, рассказал о настоящем происхождении ребенка, и Лиздейка, став верховным жрецом, женился на сестре князя. Умер он в 1350 году в возрасте 70 лет. От Лиздейки пошло несколько таких известных родов литовских вельмож, как Радивиласы, Нарбутты и другие.

сые ноги в речную воду, а нежные пальчики ее белых рук плели венки из лесных цветов: белых ландышей, синих васильков, красного шиповника; все это покрывало ее колени, было разбросано по траве вокруг нее и казалось разноцветным ковром. Увлеченная работой, она пыталась разнообразить ее песней. Ее низкий, плывущий из глубины груди голос был звонок и приятен. Иногда песня обрывалась, и девушка протягивала руку к стоящей поодаль корзине, полной малины.

Жрец долго любовался этой прекрасной картиной, наконец, не в силах бороться с искушением, приблизился к незнакомке. Девушка поначалу испугалась внезапно появившегося чужого мужчину, но быстро успокоилась, узнав старшего жреца, которого, как и все, очень уважала, считая чуть ли не богом. Немного побаивалась, но вместе с тем жалела, ибо знала о его несчастье. Вскочив, девушка почтила его низким поклоном. Старший жрец погладил ее по светлым волосам, велел сесть и сам, устраиваясь на траве рядом с ней, принялся расспрашивать, кто она, откуда и где ее родители. Девушка сначала отвечала несмело, но вскоре, ободренная доброжелательностью жреца и мягкостью его обхождения, осмелела и с детской откровенностью, ничего не тая, рассказала свою нехитрую историю. Ей восемнадцать лет, матери своей она не помнит, а отец несколько лет назад на княжеской охоте попал на рога зубра, и принесли его домой с разодранной грудью и сломанными ребрами. После смерти отца она поселилась у тетки, небогатой вдовы, которая жила неподалеку. Зимой они пряли и ткали, летом собирали мед и ягоды, грибы сушили, корову пасли, а в саду было много яблонь, груш, вишен и других плодовых деревьев. Люди покупали у них полотно и сукно. Жили небогато, но и горя не знали. Обе были счастливы, тетушка, хоть и старая была и уже впадала в детство, любила племянницу и никогда не обижала.

Жрец дал девушке немного монет и велел на следующий день придти на то же место. С тех пор они стали часто видеться. Он приносил ей подарки: янтарные камушки, цветные ленточки или какие-нибудь сладости, а она ему за это пела песенки, сказки рас-

сказывала или тетушкины предания. Девушка совсем осмелела и, избаловавшись как дитя, даже стала подшучивать над жрецом: розовой ладошкой гладила бороду, украшала его голову венками или угощала его малиной, кладя спелые ягоды ему в рот. Они очень подружились и скучали друг без друга. Сами не заметили, как вымолвили слова любви и их уста соединились в поцелуе. Жрец навестил девушку в домике тети, которая приняла его с большим почетом. В избе расцвело счастье, и хозяйке не нужно было больше тяжело работать и беспокоиться о завтрашнем дне.

Но так больше жрец жить не мог. Он решил жениться на своей возлюбленной и поэтому открыл свою тайну одному жрецу, который его любил как отца и мог бы жизнь свою за него отдать. Тот очень испугался, так как знал, какие страшные последствия их ждут, если секрет раскроется, однако все-таки согласился тайно обвенчать девушку со своим другом.

Радости родителей не было конца, когда родился ребенок, но его появление на свет делало невозможным сохранение тайны венчания. А если бы тайна раскрылась, обоим постигла бы страшная кара. Жрец был бы сожжен на костре, а мать ребенка закопана живо в землю.

Долго они ломали головы, как, не выдав секрет, ребенка можно было бы растить при матери. Наконец отцовская любовь пришла на помощь, и жрец придумал выход.

Он узнал, что через несколько дней в эти окрестности приедет великий князь с гостями на охоту. В назначенный день родители завернули ребенка в красивые пеленки, украсили цветами, шелковыми ленточками и положили в огромное гнездо на столетнем дубе. Выбрали такое место, мимо которого обязательно должен был проехать князь, ибо здесь чаще всего встречались туры и зубры³⁰. А их священник разогнал далеко по лесу.

Вскоре загудел вековой лес от звуков рогов, криков охотников и лая гончих псов. Смелый и ловкий князь несся впереди всех, в одной руке сжимая боль-

³⁰ Сейчас на этом месте стоит великолепный вяркяйский дворец.

шое копье, в другой держа стрелы, раздвигая и ломая ветви деревьев. Но вдруг он с изумлением остановился, услышав вместо рева зубров где-то прямо над собой детский плач. Осматриваясь по сторонам, он поднял голову и в ветвях большого дуба увидел что-то блестящее. По приказу князя охотники влезли на дерево, очень осторожно спустили находку и положили к ногам князя завернутого в прекрасные пеленки ребенка. Когда князь наклонился посмотреть, какую добычу ему послали боги в этой охоте, ребенок, увидев сверкающие на солнце доспехи князя, перестал плакать, и приятная улыбка осветила его невинное личико. Князь и вельможи не переставали удивляться, думая, что эта необычная находка действительно послана богами. Отправили гонцов к верховному жрецу. Он, будто ничего не зная, поспешил к князю. На вопрос князя, что думает священник о чудесной находке, тот не сразу ответил. Стараясь скрыть охватившее его волнение, ибо это был момент, решающий жизнь дорогого ему существа, он начал долгую беседу с богами. Гадал и по ветру, и по шуму деревьев, и по пеплу, принесенному с жертвенника, а князь вместе с придворными с большим вниманием и почтением следили за таинственными действиями и ждали объяснения воли богов. Наконец жрец очень торжественно и с особой серьезностью вынул ребенка из люльки, подал князю и сказал:

— Князь! Боги даруют тебе новую милость. Благодаря тебе будет счастлива вся Литва! Этого ребенка боги заранее посылают на мое место, когда я покину этот мир. Воспитывай его заботливо в богобоязненности, и он станет настоящим посредником богов и людей на благо тебе и всей Литве.

Обрадовавшись, князь попросил верховного жреца, чтобы он взял на себя эту обязанность, ибо он для этого лучше подходит. Священник опять долго говорил с богами, желая узнать, согласны ли они с мнением князя. Когда якобы выяснил, что такова и воля богов, взял младенца и принес домой. Вскоре после этого пригласил мать ребенка и свою жену в дом как воспитательницу.

В память о чудесной находке ребенка в гнезде, которое по-литовски называется *lizdas*, князь назвал его Лиздейкой, а то место, где услышал его плач — Веркяй, от слова *verkti*, что значит 'плакать'.

Боги не обманули. Лиздейка после смерти отца стал верховным жрецом Литвы, женился на сестре князя Витенаса и прославил Литву далеко за ее пределами. Именно он истолковал великому князю Гядинасу сон о железном волке и таким образом причастен к созданию Вильнюса.

(Записано Стрыйковским,
Гжибовским и Нарбуттом)

Железный волк

Там, где сегодня высится Вильнюсский дворец³¹, еще в XIII столетии шумели непроходимые леса. Огромный зубр — король литовских лесов — своим мощным ревом будил дремлющие столетние дубы: Эхо ночного воя волков раздавалось над водами прекрасного Нериса и пропадало вдалеке, словно уносимое речными волнами, разносясь по всей Литве. Хищная рысь, прячась в чаще, подстерегала свою жертву, а разнообразные птичьи голоса звенели в воздухе.

Потому и неудивительно, что эти места привлекали многих охотников. Такие они были необыкновенные, что князь Швентарагис, который любил здесь охотиться, приказал в долине больших гор, на слиянии Нериса и Вильни, построить большое святилище бога Перкунаса, назначив жрецов и весталок-вайделоток для постоянной охраны священного огня. С тех пор долина стала называться именем князя Швентарагиса.

Большим любителем охоты был и великий князь Гядиминас. Он в то время жил в новой столице, в Тракай, где посреди озера Гальве на острове был построен прочный замок. Князь Гядиминас со своими придворными, вельможами и воеводами часто отправлялся на охоту в дальние места.

Однажды, — а это было еще в 1322 году, — князь Гядиминас в погоне за большим зубром забрался на гору у слияния двух рек, где убил его из лука³².

Огромный зверь, пораженный в самое сердце, упал замертво, а князь, наступив на его могучую голову, затрубил в золотой рог победную песню. Солнце уже давно скрылось по ту сторону Нериса в гуще листвы, и бледная луна показала свое лицо, обливая верхушки дубов и лип серебристым светом и мерцая в водах

³¹ У Захорского иначе: «На месте современного Вильнюса у подножий холмов, где Вильняле вливает свои воды в Вилью...». (Прим. пер.)

³² Некоторые историки утверждают, что Гедиминас убил зубра на Кривой горе или на Лысой горе (теперь гора Трех Крестов), другие говорят, что зубр был убит на Тауракальнисе (теперь Замковая гора).

Нериса. Только в долине, в святилище Перкунаса горело красное пламя священного огня, и приглушенные песни вайделоток звучали в ночной тишине.

Уставшие охотники, весь день преследовавшие зверя, решили не возвращаться в тот вечер в Тракай и выбрали для отдыха место между Нерисом и святилищем, как раз там, где недавно было сожжено тело князя Швентарагиса. Построили шалаш и, подкрепившись мясом и медом, охотники уснули.

Князь долго не мог сомкнуть глаз, но все-таки наконец усталость одержала верх, и он заснул. И снится князю, что на вершине горы, где он заколол зубра, стоит огромный волк, одетый в железные доспехи, словно отлитый из железа. Волк поднимает голову и начинает выть на луну, и выть так громко, что казалось, будто воеет в нем сотня других волков.

Когда лучи восходящего солнца коснулись гор, рек и пробрались сквозь покрывало листвы, проснулся и князь Гядиминас. Вспомнив сон, он рассказал его друзьям-охотникам. Как и все древние литовцы, Гядиминас верил в колдовство и в то, что сны могут предсказывать будущее, что боги посылают сновидения, желая посоветовать что-то или предупредить. Но никто из его свиты не мог догадаться, что означает этот сон. Тогда кто-то из придворных предложил позвать верховного жреца Лиздейку, который был широко известен своей мудростью. Князь велел привести его. Жрец, прибыв к князю, остановился перед ним, выслушал содержание сна и глубоко задумался. Обступив его, рыцари следили за каждым движением его лица и с нетерпением ждали объяснения.

Наконец Лиздейка оперся одной рукой о жезл, который был знаком его величия, другую простер в небо и торжественно произнес:

— Могущественный князь! Этим сном боги объявили тебе свою волю, и если ты ее исполнишь, тебя ждут почет и слава. Железный волк означает, что на этом месте должен быть построен крепкий замок и город — столица государства, а 100 волков, воющих в нем, означают жителей, которые разнесут славу это-

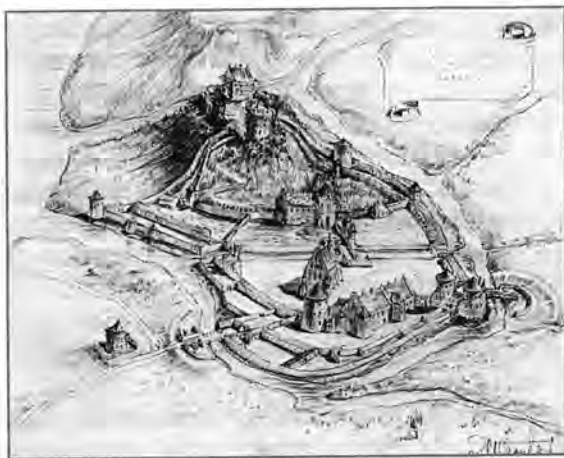
го города и твое имя по всему свету. Итак, ты должен слушаться воли богов и построить здесь замок и заложить город, а имя его на долгие века прославит Литву — нашу родину!

Такое толкование сна князю очень понравилось, и он сразу же после этого решил построить на горе замок, обнесенный крепкой каменной стеной, с двумя шестиугольными башнями, а саму гору назвал Тауракальнис³³ (гора Зубра). В долине между горой и святыщем был построен другой, деревянный замок, названный нижним или замком Жрецов. Вокруг начали вырубать вековые дубы и липы и строить жилые дома.

Так был заложен город, который был назван по имени реки Вильни Вильнюсом, а позже Гядиминас переселился из Тракай в него, и Вильнюс стал столицей Литвы.

А Лиздейке с тех пор за толкование сна приказал называться Радвиласом.

(Коялович, Нарбутт, Киркор)

С. Чайковский. Вильнюс времен Витаутаса Великого. 1940.
Бумага, карандаш. LDM.

³³ Замковая гора. (Прим. Захорского)

Вайделотка

К своей шестнадцатой весне красавица Успариме лишилась родителей. Сначала матушка, страдавшая тяжелой болезнью, отправилась к богам на небо, а потом отца во время охоты разорвали волки. Поскольку у бедной девушки не было родственников, у которых она могла бы поселиться, Успариме решила стать вайделоткой, или вайдилуте, т.е. пожертвовать себя богам и охранять священный огонь в святилище Перкунаса. Жрецы ее охотно приняли, и верховный жрец выполнил обряд посвящения. Облаченная в белые одежды, украшенная венком из цветов, юная Успариме дала обет невинности.

Прошел год, другой. Новая вайделотка отличалась скромностью, честностью и усердием в исполнении своих обязанностей. За это жрецы и жрицы не переставали ее хвалить, и сам верховный жрец все время ставил ее другим в пример.

Но какая-то неясная тоска, странная печаль нарушали ее душевный покой. Не раз, сидя у жертвенника, засмотревшись на пламя священного огня, она мысленно пускалась в другой, незнакомый мир. Иногда, когда за стенами святилища слышались веселые песни и смех юношей и девушек, сильная боль сжимала ее сердце, а глаза застилали слезы.

Однажды весенней ночью, когда природа купалась в серебряном свете луны, Успариме, закончив службу у очага, отдыхала на камне в священном бору. Такую чудесную ночную тишину никто не осмеливался нарушать, ни один листочек не шевелился на дереве. Даже быстрый Нерис, словно сонный, уныло нес свои воды, серебристая луна, плывущая по небу, обливала окрестности нежным, грустным и таинственным светом. Где-то, не очень далеко, рассыпались трели соловья, щебетавшего своей милой песнь любви. Успариме сидела, обвив колени сплетенными руками, глядя

своими голубыми глазами на луну, и мечтала. Она понимала, что такой жизни, какой она жила сейчас, ей уже не достаточно. Чувствовала она, что существует другая жизнь, полная счастья и любви... И жаждала любить и быть любимой.

И вот, сидя так без движения, погруженная в сладкие мечты, вдруг вдалеке она услышала звуки песни. Сильный и красивый мужской голос пел страстную песню о счастье любви.

Вскочила замечтавшаяся вайделотка и, желая хоть издалека взглянуть на певца, бросилась в гущу священного леса, в ту сторону, откуда лилась песня. Чем быстрее она приближалась, тем сильнее колотилось ее сердце, и вдруг она, дрожащая и пораженная, застыла на месте. В паре шагов от нее, прислонившись к могучему дубу, в лунном свете стоял рыцарь в блестящих доспехах. Это был рослый юноша необыкновенной красоты с ясными выразительными глазами и длинными светлыми волосами, рассыпанными по крепким плечам.

Неожиданно увидев перед собой красавицу вайделотку, юноша решил, что перед ним богиня, но ее испуганный вид, дрожащие руки и горящие огнем щеки убедили его, что это земная девушка. Очарованный ее красотой, он взял руку девушки, желая выразить свое восхищение. Успариме чуть не лишилась чувств от волнения, но быстро опомнилась, вырвала руку и убежала. Пораженная произошедшим, оставшуюся часть ночи она провела в молитве, прося богов отпустить ей грех.

Но когда пришла следующая ночь, когда луна своим таинственным светом окрасила землю и снова слышались звуки песни, вайделотка, движимая непреодолимой силой, опять оказалась под дубом. Там ее уже ждал рыцарь. В этот раз он был смелее, и, увидев девушку, он заключил ее в объятия, и их губы встретились в страстном поцелуе.

С тех пор они встречались каждую ночь, и случилось то, что должно было случиться... вайделотка нарушила обет невинности. Любовь совсем опьянила ее,

она забыла обо всем и даже стала небрежно исполнять свои обязанности. Однажды чуть не случилось страшное несчастье... плохо охраняемый священный огонь почти погас, но на ее счастье пришла смена, и другая вайделотка, подложив дров, опять его разожгла.

Перемена настроения Успариме и ее странное поведение привлекли внимание подруг и жрецов. Начали за ней следить, и вскоре ее свидания с юношей перестали быть тайной.

Грех был страшный и, чтобы усмирить гнев богов, виновница должна была понести суровое наказание³⁴.

Суд жрецов и вайделоток приговорил Успариме к страшной смерти.

В назначенный день на берегу Нериса собрались жрецы, жрицы и объятые страхом вайделотки. Вывезенная из подземелья несчастная девушка в повозке, запряженной двумя черными коровами, была отправлена на место казни. По знаку были сняты с нее белые одежды вайделотки и венки и связаны руки.

Жрецы и жрицы пели печальными голосами песни, умоляли богов не наказывать за грех одной других своих верных слуг. Некоторые жрицы жалобно плакали, закрыв лицо руками, ибо любили свою тихую и спокойную подругу, а может, в глубине души понимали ее и сочувствовали.

Уже собирались исполнить приговор — утопить Успариме в мешке вместе с собакой, кошкой и ядовитой змеей, как вдруг неизвестно откуда явился рыцарь с гневным лицом и горящими глазами. Он был в прекрасных доспехах, а в руке держал обнаженный меч. Весь его облик был так необычен, что всех охватил страх. Одни, думая, что это бог, падали перед ним на колени, другие бежали в разные стороны и спасались как могли.

Юноша обрезал веревки, которыми была связана Успариме, и приказал жрецу сейчас же обвенчать его с девушкой. Сразу же после венчания, обняв дорогую

³⁴ За нарушение обета невинности вайделоток (вайдилуте) сжигали на костре, заживо закапывали в землю или топили в реке в мешке вместе с собакой, кошкой и змеей, пойманной в священном лесу.

жену, рыцарь вместе с ней бросился в Нерис и скрылся в его потоке.

В том месте образовался водоворот, который и теперь кружит быстрые воды Нериса.

С тех пор, когда луна поднимается высоко-высоко, красавица Успариме встает из воды, выходит на берег и, кормя младенца, тихо напевает грустную песню о своем прошлом. Иногда вместе с рыцарем она показывается рыбакам, в это время также слышится вой собаки, мяуканье кошки и шипение змеи.

(Записано Л. Семенским и Т. Нарбуттом)

Ю. Камараускас. Нерис под Вильнюсом. 1925.
Бумага, акварель. LDM.

Основание Вильнюса³⁵

Князь Гядиминас, закладывая Вильнюс, хотел построить по-настоящему крепкий замок, недоступный никаким врагам, — такой, который прославился бы на весь мир и был бы всегда литовским. Созвал князь священников, колдунов, жрецов и приказал придумать, что нужно сделать, чтобы замок действительно был неприступным. Верховный жрец ответил, что замок только в том случае будет крепок, если в его фундаменте будет погребен единственный сын матери, но такой, которого мать своими руками толкнет в яму и опустит на него камень.

Разослали гонцов по всей Литве. Долго искать не пришлось. Быстро нашлась литовка, которая так горячо любила родину, что за нее готова была пожертвовать единственным сыном. Прибыла мать с сыном в назначенное место, где была выкопана яма для первого камня фундамента, встала на ее краю и уже собиралась столкнуть в нее своего сына. Но в это время несчастному юноше пришла в голову мысль: неужели литовские боги так жестоки, что желают его смерти, и неужели его жизнь сделает крепким замок. Он попросил князя, чтобы перед смертью ему разрешили задать жрецам три вопроса. Если они ответят на эти вопросы, он поверит в волю богов и охотно умрет.

Князь подумал и согласился удовлетворить просьбу юноши. Получив разрешение князя, юноша спросил жрецов: что на свете легче всего, тверже всего и слаще всего. Жрецы подумали и сказали: самое легкое — это пух, самое твердое — сталь, самое сладкое — мед. Юноша, выслушав слова жрецов, ответил:

— Нет... Легче всего на свете — ребенок на руках у матери, слаще всего — для ребенка молоко матери, а тверже всего на свете — сердце моей матери, которая меня сюда привела, чтобы я погиб на ваших глазах.

Князь задумался. Через минуту проговорил:

³⁵ Этого предания нет у Захорского. Его приводит Вингис с примечанием: «Это предание по-литовски записал Й. Вайжгантас, но я его писал, когда Вайжгантаса еще не читал». (Прим. пер.)

— Нет, я не дам убивать этого юношу. Не может быть, чтобы боги, защитники Литвы, были такими жестокими и желали бы смерти такого мудрого юноши. Он больше пользы принесет литовскому краю живым, нежели мертвым. Жрецы, ищите другой способ, чтобы будущий замок был крепок!

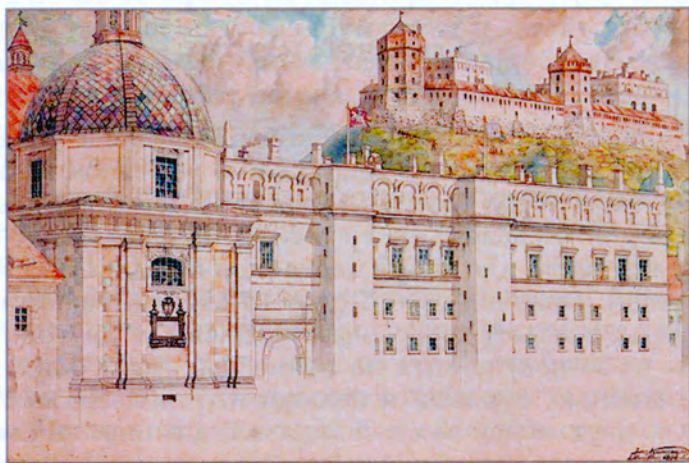
Снова жрецы стали советоваться и гадать, и наконец решили, что боги желают смерти невинной девушки, которая сама пожертвует собой.

Воля богов была разослана по всей Литве, и долго ждать не пришлось.

Явилась невинная девушка, красиво наряженная, с венком руты на голове и букетом полевых цветов в руках. Низко поклонившись князю и жрецам, она сама весело спрыгнула в яму, совсем не жалея ради блага отчизны своей молодой жизни, и, подняв глаза к небу, спокойно ждала страшной смерти. Верховный жрец с помощью других опрокинул огромный камень в яму. Но случилось чудо: камень, падая, не задел девушку, а только вырвал из ее рук букет цветов, которые придавил так, что невозможно было их вытащить, и камень сдвинуть с места никто не смог.

Не выдержали сердца храбрых литовских мужчин, зачерствевшие от войн. Они бросили работу и кинулись в ноги князю, умоляя даровать девушке жизнь, ибо только теперь проявилась настоящая воля досточтимых литовских богов. И жрецы поняли, что богам достаточно букета литовских полевых цветов; смерти литовцев им не нужно. Жизнь молодой девушки, так горячо любящей родину, нужна родине, а не богам. Понял это и князь.

— Хорошо, — сказал Гядиминас, — жалко мне своих людей. Богам будет достаточно цветов. Построенный на них замок будет таким, как я желаю.

Ю. Камараускас. Реконструкция нижнего замка. 1894,
Бумага, акварель. LDM.

Соловей и роза

Когда великий литовский князь Гядиминас увидел в долине Швентарагиса вещий сон о железном волке, он заложил город Вильнюс, а на горе построил крепкий замок. Недалеко от Нериса, в Антакальнисе, он выделил место для своих цветников и садов. Их смотрителем назначил своего старого слугу и участника военных походов, который не годился для другой работы из-за полученных на войне ран. Этот обиженный жизнью, суровый и нелюдимый литовец любил только двух людей на свете: князя Гядиминаса и свою единственную дочь Скайстуте, которую после смерти жены воспитывал один. Любил ее как мог и берег как зеницу ока, единственную свою драгоценность.

Время шло, малышка росла и из шаловливой смуглой девчушки незаметно превратилась в прекрасную стройную девушку с темными пышными волосами, большими черными сверкающими глазами, белой гладкой кожей, и щеками, украшенными румянцем, нежным, словно лепесток шиповника. Когда ее уста расходились в улыбке, за ними показывались два ровных ряда белых жемчужин, и казалось, будто солнце из-за тучи вышло и озарило все вокруг ласковым светом.

Такой прекрасный цветок не мог долго оставаться незамеченным. Не раз, когда Скайстуте по четвергам вечером шла в святилище богов³⁶ в Антакальнисе помолиться и зажечь в их честь восковую свечу, обгонявшие ее люди оборачивались, чтобы полюбоваться ее стройным станом и прекрасным лицом. А когда по четвергам³⁷ в святилище Перкунаса она благоговейно слушала верховного жреца, объявляющего людям волю богов, юноши, столпившись вокруг, не могли насмотреться на нее, наслаждаясь ее красотой, и

³⁶ На этом месте позднее был построен замок вельмож Сапегов, который в XIX веке был переделан в военный госпиталь.

³⁷ Четверг у литовских язычников был священным днем, как воскресенье у христиан. (Прим. Захарского)

многие юные жрецы опускали ресницы перед молниями ее глаз, покрываясь румянцем и затаив глубокие вздохи. Сам великий князь не мог налюбоваться красотой Скайстуте и не раз, шутя, хлопал старика по плечу и говорил: «— Эх, если б я хоть на тридцать лет был моложе!».

Старый садовник чувствовал, что приближается время, когда дочка покинет дом, и искал зятя по своему вкусу.

При дворе князя был юноша по имени Дайнюс, охранявший охотничьих ястребов и соколов князя. Не похожий по характеру на своих грубоватых друзей, он не любил их шалостей и игр и искал одиночества. Часто приходил он на берег Нериса, садился под ветвистой липой, и, обводя задумчивым взглядом прекрасные дали, начинал петь. А голос его был удивительным, казался неземным, и спокойно его слушать было невозможно, так он пронизывал душу. Часто, когда он пел, собирались люди и слушали, затаив дыхание, боясь малейшим шумом или движением оборвать песню. Песня лилась, и ее звуки проникали до глубины души, и столько было в них тоски, сердечной боли и жалости, что девушки плакали навзрыд, юноши тяжело вздыхали, а старики опускали головы на грудь и своими мозолистыми руками смахивали слезы со щек... Все любили Дайнюса, он никогда никого не обижал, не оскорблял, но всем охотно помогал.

Однажды услышал голос Дайнюса старик-садовник, и необычные чувства пробудила песня в его душе. Одно за другим, вызванные чарующими звуками, проходили перед его глазами воспоминания тяжелой жизни: ласки матери в младенчестве, траурные песнопения жрецов и рыдания скорбящих, когда тело отца, павшего в бою с жестокими крестоносцами, жгли на костре, и нежно дрожащие последние слова жены, когда перед смертью обвила она его шею стынущими руками и поручила ему опеку над дочерью... Старик даже не заметил, как крупными каплями по щекам потекли слезы, а сердце стала раздирать скорбь.

Старик зарыдал так, что Дайнюс прервал песню и, испугавшись, убежал...

Старик полюбил юношу, приглашал его в свой дом, а когда поближе узнал его чистую светлую душу, объявил своим зятем. Нрав и красота Скайстуте очаровали юношу. Страстная любовь, о которой до тех пор юноша и не мечтал, охватила его и разожгла в сердце пламя, которое мучило его и терзало.

Но девушка осталась равнодушной. Ее сердце еще дремало. Ей нравились песни Дайнюса, но ни разу живой румянец не покрывал ее щек, когда она после долгой разлуки его встречала, не видела она пламени в его глазах, не чувствовала любви в его песнях, не слышала трепета его голоса и не замечала все усиливающуюся его грусть и бледность лица. Не чувствовала она еще потребности любить: была в душе ребенком.

Иногда она даже начинала скучать, общаясь с ним, и убегала в лес. Старик очень сокрушался и все старался обратить ее внимание на любовь юноши, но у него ничего не получалось.

Дайнюс отчаялся, погрузился в тоску и стал небрежно исполнять службу. За это ему даже не раз приходилось от князя слышать гневные слова.

Однажды вечером, когда Скайстуте была еще холоднее с ним, чем обычно, Дайнюс, прочитав молитву богине любви Милде, сел на крутом берегу Нериса и начал петь. Из его груди рвались такие необычные звуки, что даже ветер перестал дуть, листья деревьев перестали шуметь, и воды реки замерли, а лесные птицы и кузнечики в траве затихли, слушая Дайнюса.

И летели звуки безнадежной любви по бескрайним просторам, звуки горечи и обиды. Вдруг все стихло. Послышался скорбный крик. Певец упал в пучину Нериса и исчез.

В ту самую ночь на веточку липы перед окном Скайстуте села маленькая серая птичка — соловей — и начал щебетать. Это богиня Милда превратила Дайнюса в соловья, трели которого пробудили Скайстуте от глубокого сна. Поднялась девушка с кровати, отворила окно, и волна чудесных звуков наполнила ком-

нату. Странные, до сих пор незнакомые чувства переполнили душу девушки. Вся дрожа, прижимая к груди край накидки, стояла она в серебристом свете луны и слушала, не спуская глаз с маленькой птички. Соловьиная песня пронзила ее сердце, она почувствовала, что знает любовь, поняла, что любит Дайнюса.

Скайстуте разбудила отца и, прижимаясь к его широкой груди, рассказала, что творится в ее сердце. Обрадованный старик сразу же позвал слугу и послал во дворец князя за молодым певцом. Тщетно искали его в замке, в святилище и повсюду, где он только любил бывать. Нигде Дайнюса не нашли. Только старый рыбак утром рассказал, что, услышав песню, подплыл поближе, но певец замолчал и упал в Нерис.

С тех пор Скайстуте больше не улыбалась, ее губы побледнели, с лица исчез румянец, а полные слез глаза уже не блестели как раньше. Она бродила грустная как тень и жила только тоской по ночи. Когда солнце опускалось, отворяла она свое окошко. На ветке уже сидела серая птичка и пела свою песню. До зари пела своей любимой песню любви. Скайстуте каждую ночь слушала, погружаясь в мечты, обливаясь слезами, протягивала свои белые руки к любимому. А он пел... пел...

Однажды утром старый садовник не нашел своей Скайстуте в ее комнате. Окно было открыто, а перед ним под липой вырос большой розовый куст, но цветов на нем не было. Это богиня Милда пожалела бедную девушку и превратила ее в розовый куст, но за грех наказала и приказала зацвести только тогда, когда соловей перестанет петь.

Садовник рассказал обо всем князю и вскоре после этого умер. Князь Гядиминас приказал на месте домика садовника построить в честь богини Милды святилище и посвятить ей близлежащий бор. Сейчас на том месте стоит костел свв. Петра и Павла.

К. Русяцкас. Площадь перед Костелом свв. Петра и Павла. 1848.
Литография.

Похороны Кястутиса

Храброго Кястутиса и его сына Витаутаса Ягайла обманном путем схватил и заточил в подвале Кревского замка.

Эта весть с быстротой молнии облетела всю Литву, Аукштайтию и Жемайтию, отзываясь болью в сердцах жителей края. Кто же не уважал, не любил повелителя Тракайского замка, храброго и благородного старика? Но ужас, гнев и возмущение переполнили души всех, когда на пятый день как гром с неба всех настигло страшное известие, что Кястутис по приказу Ягайлы был задушен крестоносцами в подземельях Кревского замка. Испугался Ягайла мести за свой постыдный поступок, задрожал на великом княжеском троне и решил избежать обвинений в убийстве своего дяди, устроив ему торжественные похороны.

Тело Кястутиса на прекрасных носилках из Кревского замка в Вильнюс по очереди несли невольники, перед гробом шли сто плакальщиц, которые громко тянули грустную погребальную песню и щедро лили слезы в стеклянные слезницы. Перед ними шли музыканты и трубачи, наполняя леса звоном медных тарелок, звуками рогов и труб. Сто вооруженных копьями, топорами и луками воинов окружали гроб князя, а за ними следовал верный его раб, который был готов стогреть со своим господином, дальше вели коня Кястутиса, его охотничьих псов, несли соколов и ястребов, а в высоких сундуках — шапку, одежду, оружие, золотые пояса и другие драгоценности. Впереди всей процессии ехали двадцать всадников. Они размахивали обнаженными мечами, бросали их вверх, прогоняя злых духов, и грозно кричали: «Бегите, черти, от этого тела! Защищай, Пикуолис, его душу!».

По дороге громкое пение плакальщиц, звонкие голоса труб и крики воинов привлекали внимание жителей, которые присоединялись к траурному шествию, так что пока дошли до Вильнюса, образовалась боль-

шая толпа. За городом, облаченный в траурные одежды, в сопровождении вельмож и рыцарей ждал Ягайла. Увидев шествие, он спрыгнул с коня и якобы со скорбным выражением лица приблизился к носилкам, а когда их поставили на землю, подскочил к холодному телу дяди и разразился громкими притворными рыданиями.

Затем снова подняли носилки и внесли в замок. Там уже была растоплена баня, где омыли тело покойного, натерли душистыми маслами, одели в белые одежды, облачили в блестящие доспехи, опоясали золотым поясом, богато украшенным дорогими камнями, накрыли алой накидкой, расшитой золотом, и надели княжескую шапку. Сбоку повесили меч, который в руке Кястутиса, теперь уже беспомощной, еще так недавно навел страх на врагов Литвы. Шея, чтобы не было видно следов веревки, была обмотана белым полотенцем с зашитыми в нем деньгами, чтобы покойный мог заплатить за вход в иной мир.

Наряженное тело Кястутиса внесли в самый большой зал замка и посадили на княжеский трон. Несмотря на внезапную смерть на лице у храброго старика запечатлелось выражение благородного величия, которое подчеркивали спускающаяся на грудь седая борода и белые брови над закрытыми глазами. Рядом были поставлены бочки с медом и пивом, и широко раскрыты ворота замка, чтобы каждый, независимо от пола и сословия, мог свободно в последний раз увидеть бывшего своего повелителя и попрощаться с ним. Пять дней толпы людей непрерывно плыли в замок, пять дней длилось прощание. Первым попрощался Ягайла. Он пил за умершего и, притворяясь плачущим, спрашивал его:

— За тебя пью, дорогой дядя, зачем ты умер?

Все в зале повторяли:

— Зачем ты умер?

— Нечего тебе было есть и пить?

— Не было у тебя государства, замков и слуг?

— Не было у тебя богатств, одежд и драгоценностей?

— Или любимой жены не было и детей? О, князь, зачем ты умер?

Затем привели из тюрьмы сына Кястутиса, Витатаса. Он не плакал, его лицо окаменело, губы были сжаты от боли, и ни одной слезы в глазах. Он подошел к телу отца, взял его холодную руку в свою горячую ладонь и долго смотрел в любимое лицо, а в сердце кипела жажда мести. Потом, даже не взглянув на дрожащего от страха Ягайлу, он вернулся в тюрьму, чтобы там дожидаться похорон отца.

В это время в долине Швентарагиса между святилищем Перкунаса и Нерисом в месте, отведенном для сожжения тел князей, шли подготовительные работы. Многочисленные слуги везли из бора Лукишкю огромные дубовые и сосновые бревна и под присмотром старшин сооружали высокий костер, перекладывая деревья сухим мхом и соломой, украшая венками из дубовых листьев. Во всех четырех углах были поставлены бочки со смолой и жиром, а на отдельном возвышении стояла урна, в которую будет ссыпан оставшийся от сгоревшего тела пепел. На шестой день на глазах бесчисленной толпы, которая заполнила не только долину Швентарагиса и горы, но и облепила заборы, валы замка и деревья, вынесли сидящий на том же стуле труп князя и поставили на самом верху костра на разноцветный ковер, заранее для этого подготовленный. Князь, который не раз своей грудью защищал от врагов эти горы, леса, реки, словом, всю дорогу ему Литву, сегодня, когда он так нужен — говорит последнее «прощай», навечно ее оставляет и словно благословляет с высоты трона собравшуюся у его ног толпу.

За князем взошел на костер и встал рядом с ним его верный слуга, который всю жизнь делил со своим повелителем счастье и горе и даже теперь не хотел с ним расставаться, желая так же служить ему после смерти, как и при жизни. С большим трудом привели княжеского коня, который был с ним в боях и не раз спасал от смерти. Конь, словно чувствуя, какая страшная участь его ждет, рвался из рук слуг, ржал и вста-

вал на дыбы, но наконец покорился судьбе, и его повели на костер. Здесь его повалили и связали веревками. Бедное животное лежало, откинув свою белую густую гриву, вытянув шею, и водило полными упрека глазами по толпе собравшихся. Были сложены в костер связанные охотничьи псы, соколы и ястребы, которые служили живому князю на охоте и в краю вечного счастья готовы были доставлять ему удовольствие. У ног покойного были собраны необходимые в ином мире вещи. И было их множество: в солнечных лучах блестяло оружие, украшенное дорогими камнями, одежда и золотые пояса, хлеб и питье, наконец, кошелек с деньгами. Князя ждал долгий путь, и все эти вещи могли ему пригодиться.

Затрубили трубы, на расчищенную ровную площадку, где были выложены на некотором расстоянии разные вещи на память о князе, выехали на резвых конях десять лучших литовских юношей и встали в шеренгу. Начались гонки, за которыми толпа с интересом наблюдала. По знаку всадники пришпорили коней и пустились вскачь. Со скоростью молнии летели они, хватая с земли и поднимая над головой выложенные предметы: оружие, пояса, куски одежды князя, желая как можно больше их схватить и хранить как драгоценную реликвию на вечную память о своем властителе. Толпа смотрела и дивилась ловкости юношей и резвости их коней. Хвалебным крикам не было конца.

Но нужно было скорее закончить похоронный обряд, ибо с западной стороны надвигалась огромная темная туча и черным покрывалом затягивала голубое небо. Затрубили рога и длинные трубы, слышались звуки траурных песен, а из святилища Перкунаса через вековую дубраву потянулась вереница жрецов. Впереди шли парами служительницы низшего ранга — молодые хранительницы священного огня — вайделотки с поникшими головами, в белых одеждах, связанных на груди шелковыми шнурами, с белыми поясами на бедрах. За ними следовали жрецы, старшие жрецы с венками из дубовых листьев на головах, также в белых одеждах, снизу подбитых звериными шку-

рами, в руке каждый из них держал длинную, загнутую на конце палку. Последним шел в сопровождении двух высочайших священников верховный жрец Литвы. Это был рослый сгорбленный от возраста старик в высокой шапке и в ниспадающих белых одеждах со знаком Перкунаса на груди. В одной руке он держал палку с тремя загибами на конце, а в другой — факел, зажженный от огня в святилище Перкунаса. Шествие подошло к месту сожжения трупов и приблизилось к костру. Верховный жрец низко поклонился телу князя; то же повторили все жрецы и вайделотки. Затем он со скорбным выражением лица начал торжественную речь, в которой описывал все подвиги покойного, его заслуги перед Литвой и ее жителями. На минуту он замолчал, поднял голову и, будто что-то ища в поднебесье, величественно произнес:

— Вижу тебя, храбрый герой, вижу тебя в небесном просторе, в блестящих доспехах, на белом коне, летящим по птичьей дороге³⁸. В руке ты держишь три звезды и вступаешь во дворец вечного счастья, сопровождаемый толпой святых душ!

И всем казалось, что они видят князя, летящего по небесной дороге. Суеверный Ягайла был бледен как полотно...

Кончив речь, верховный жрец зажег костер с четырех сторон, а факел бросил в огонь. Красные и желтые язычки сначала только лизали бревна, но быстро разгорелось огромное пламя, и клубы черного дыма скрыли тело князя. Ничего не было видно — только пламя мерцало. Были слышны мучительное ржание коня и вой псов. Вайделотки подливали смолу, а жрецы и вельможи кидали в огонь кости орлов и медведей, чтобы с их помощью было легче забраться на гору вечного счастья³⁹.

³⁸ Птичьей дорогой по-литовски называется Млечный путь. Все описание похорон Кястутиса взято из древних хроник.

³⁹ Древние литовцы-язычники верили, что души умерших должны забраться на очень крутую гору, почти неприступную. Чтобы было легче на нее взойти, надо было пользоваться костями орлов и хищных животных. Чем человек богаче, тем тяжелее ему забраться на гору. Бедные люди, легкие как перышко, восходят на нее легче. У подножья горы лежит

Тем временем черная туча накрыла небо, казалось, что стемнело. Только молнии раздирали черное покрывало. Началась гроза. Неподалеку грянул гром. Костер однако горел, словно ясный маяк в синеве моря. Между тем произошло что-то невероятное. В сверкании молний и раскатах грома разверзлась земля и проглотила костер с останками Кястутиса. Тут же опять замкнулась и так сравнялась, что даже признаков не осталось, что тут был костер и пылал огонь. Толпа перепугалась, разбежалась во все стороны, а придворные унесли в замок полуживого от страха Ягайлу. Только жрецы и вайделотки без малейшего признака страха на лицах спокойно вернулись в святилище, чтобы там помолиться могучему богу Перкунасу, повелителю громов и молний.

(По древним хроникам)

Й. Рипинский. Кястутис. 1838.

чудовище, называемое Вируном, которое прогоняет с горы неугодных. На вершине горы живет справедливый бог-судья. Он судит умерших. За хорошие дела дает вечное счастье, а неправедных наказывает вечными муками.

Колодец в костеле св. Креста

Ростки католической веры в Вильнюсе начали пробиваться еще в начале XIV века. Великий литовский князь Гядиминас, хоть сам и был язычником, но желая обеспечить покой в городе и защитить его от крестоносцев, привез в Вильнюс несколько доминиканских и францисканских монахов. Правда, какова их судьба — доподлинно неизвестно.

В правление великого литовского князя Альгирдаса его советник и воевода Гоштаутас, приняв католическую веру, пригласил в Вильнюс четырнадцать францисканских монахов. Построив в своей усадьбе небольшой деревянный монастырь, он обнес его высоким забором и поселил там прибывших монахов⁴⁰.

Новые «апостолы» очень усердно принялись проповедовать слово Божье и призывать язычников принять христианство. Этим они вызвали недовольство языческих жрецов, которые воспользовались отсутствием Альгирдаса и Гоштаутаса в Вильнюсе и в 1345 году настроили людей против францисканцев, убеждая их в том, что монахи — причина чумы, которая в то время бушевала в Вильнюсе, что они колдуют, сеют порчу среди людей и отравляют колодцы. Разъяренная невежественная толпа напала на маленький монастырь, сломала деревянный забор и схватила семерых монахов, которые спокойно, обнявшись и отдавшись на волю Божью, на коленях ожидали смерти. Опозоренных, немилосердно избитых и связанных канатами, их отвели на рынок и в том месте, где сегодня стоит городская ратуша, обезглавили. Другим семерым монахам удалось еще раньше убежать из монастыря и скрыться в горах Антакальниса. Но и они были вскоре найдены, схвачены и распяты. Три креста с прибитыми к ним телами мучеников поставили на Лысой горе, а четверых других сбросили с крутого берега в реку

⁴⁰ Сейчас в этом месте находится сад епископского дворца.

Вильню. Когда Альгирдас вернулся в Вильнюс, вино-
вники были сурово наказаны.

Гоштаутас с почетом похоронил замученных мона-
хов и на общей могиле в своем саду построил неболь-
шую деревянную часовенку, а в ней каменный столб
со статуей распятого Христа⁴¹. Через некоторое вре-
мя около статуи образовался источник холодной чи-
стой воды, который превратили в небольшой колодец.
Вода в нем стоит всегда на одном уровне на полтора
локтя ниже уровня земли и никогда не прибывает и
не убывает.

Когда в 1543 году Вильнюсский епископ Павел
князь Голшанский вместо деревянной часовни постро-
ил каменный костел Святого Креста, колодец очутил-
ся внутри костела, с правой стороны.

Воде этого колодца люди приписывают целебные
свойства, особенно при глазных болезнях.

(По Стрыйковскому, Гжибовскому,
Нарамовскому, Крашевскому и др.)

⁴¹ Считается, что известный своими чудесами крест, который теперь находится в большом алтаре костела Святого Креста Бонифратров, взят с памятника замученным францисканцам, построенного Гоштаутасом.

Крест Кафедрального собора

Сто двадцать лет в долине Швентарагиса стояло святилище грозного Перкунаса — царя богов и людей, сто двадцать лет перед его статуей пылал, ни на минуту не угасая, священный огонь, а в подземелье жили священные змеи.

Но вот на трон великих литовских князей взошел Ягайла. Он, крестившись сам и обещав окрестить всю Литву, женился на польской королеве Ядвиге и был выбран польским королем. Через некоторое время с королевой, вельможами и польскими священниками он приехал в Вильнюс и принялся крестить язычников.

Когда архиепископ Бодзент из Гнезно окрестил толпы людей, приступили к уничтожению всех признаков язычества.

Первым рухнуло святилище Перкунаса. Святой лес был вырублен, жертвенник, алтари и стены разрушены, убиты змеи и ужи, статуи богов разбиты и утоплены в Нерисе. Последний верховный жрец Гинтаутас спрятался в окрестностях Каунаса и там, в Окайняй провел последние дни своей жизни, оплакивая богов, которым сохранил верность до конца своих дней.

Ничего не осталось от старого святилища, кроме подвала и башни, с которой жрецы сообщали людям волю богов. Хотели, чтобы ничего не уцелело, что могло бы напомнить людям об их старых богах. На развалинах святилища, в том месте, где стоял жертвенник, был установлен победный крест⁴², который не тронули даже во время строительства костела, построенного Ягайлой на фундаменте разрушенного святилища, и этот символ искупления остался посередине Кафедрального собора, который день и ночь был открыт. В те времена собор был совсем не похож на сегодняшний.

⁴² Сегодня это место в Кафедральном соборе напротив большого алтаря между колоннами.

Недолго, всего лишь двенадцать лет простоял этот первый в Литве костел, построенный Ягайлой. Когда в 1399 году в Вильнюсе случился сильный пожар, он сгорел дотла. Тогда Великий литовский князь Витаутас и его жена Анна построили на том же месте костел намного красивее и роскошнее прежнего, в романско-готическом стиле, с множеством башенок. Но, строя его, забыли поставить на старом месте крест.

Однажды из провинции прибыл старик-священник с длинной седой бородой и удивительно спокойным лицом. Он попросил ксендза-викария Валянтаса показать ему новый костел. Дивился священник прекрасному его внутреннему убранству, богатым и искусно вырезанным серебряным лампадам и подсвечникам, был очарован необычной музыкой, производимой трубами, бубнами, свистками и литаврами и т. д. Прощаясь с ксендзом Валянтасом, он поблагодарил за услугу и выразил радость, что костел обновлен, но вместе с тем пожалел, что забыли поставить на старом месте деревянный крест — памятный знак. Старик отказался от предложенного ему скромного завтрака и быстро ушел. Ксендз Валянтас не обратил внимания на слова старика и вскоре о них забыл.

Через несколько дней в службе Кафедрального собора принимал участие епископ Миколас и, стоя на коленях на прекрасно выделанной, обшитой шелком скамеечке, горячо молился. Вдруг он почувствовал огромную усталость и сонливость. Не в силах бороться с дремотой, он склонился и, положив голову на руки, уснул. Только успел он закрыть глаза, как увидел в странном свете первого епископа Андриуса, умершего несколько лет назад, который вынес из ризницы большой деревянный крест, поставил на старом месте и, кивнув коленопреклоненному епископу, исчез. Епископ Миколас тут же проснулся и не мог справиться с волнением от впечатления, которое на него произвел этот необычный сон. Когда кончилась служба, епископ рассказал свой сон собравшимся ксендзам. Ксендз Валянтас вспомнил слова недавно посетившего собор старика, которого никто никогда перед этим не видел и не знал. По описанию епископа Миколаса,

его предшественник епископ Андрус и посещавший собор старик был одним и тем же лицом.

Когда об этом узнал великий князь Витаутас, он на свои средства поставил посередине Кафедрального собора прекрасный алтарь Святого Креста, щедро его украсил и велел наверху повесить темный деревянный крест с небольшой, но искусно вырезанной из слоновой кости фигурой распятого Христа, которую тоже купил на свои средства.

Распятие выдержало все пожары и войны и до сих пор находится в ризнице собора, прибитое к деревянному кресту, который выносится во время процессии на Великой неделе.

Ясинские

Крестоносцы!.. Крестоносцы!.. Это страшное слово ужасом, отчаянием и ненавистью наполняло сердце каждого литовца. Сколько горя причиняло стране каждое появление этих закованных в сталь монахов, которые на своих плащах несли вышитые кресты, в сердцах — лицемерие, злобу и жадность, а в руках — меч, потопляющий в крови беззащитных детей, женщин и стариков. Эти вооруженные и полные высокомерия апостолы, якобы проповедующие учение Христа, шли по Литве в зареве пожарищ, под стон умирающих от их мечей, по дорогам, омытым слезами матерей, вдов и сирот, которых они разоряли, а отцов, братьев, сыновей и любимых женихов угоняли в тяжелый плен. После прохода вооруженных полков крестоносцев литовские деревни и города превращались в руины, сотни трупов выстилали дороги и висели на деревьях, а цветущий и спокойный некогда край превращался в пустыни и огромные кладбища. Неудивительно, что литовцы всей душой ненавидели крестоносцев, что едва только услышав об их вторжении в Литву, мужчины хватались за топоры и копья, а женщины прятались в непроходимых лесах и крепких замках.

Когда в Вильнюс пришла страшная весть, что крестоносцы перешли Неман и вторглись в Литву, сея смерть, сметая и сжигая все на своем пути, в городе началось волнение, которое и описать невозможно. С невероятной быстротой люди сваливали в сундуки одежду, посуду, драгоценности и прятали в подземных пещерах, закапывали в землю. День и ночь укреплялись замки, в которых укрылась часть жителей города с женами, детьми и домашним скарбом. Был подправлен частокол вокруг Замка жрецов, насыпаны высокие насыпи, вырыты овраги. В замок было завезено как можно больше еды и оружия, словом, в городе и замках как в улье все гудело, все двигалось.

В тревожном ожидании страшного врага прошло несколько дней. И вот однажды ночью небо осветилось кровавым заревом. Это был знак крестоносцев, которые, жаждая крови и добычи, устремились к Вильнюсу. Утром, сверкая белыми плащами, блестящими доспехами, павлиньими перьями, ворвалась в город первая колонна крестоносцев, тут же в нескольких местах взметнулось вверх желтое пламя подожженных домов и столбы черного дыма. Послышались страшные вопли вытаскиваемых из укрытий женщин, детей и стариков, которых «благородные рыцари» рубили мечами, протыкали копьями, вешали на деревьях и столбах и любовались их мучениями. Ни мольбы безоружных жертв, объятых страхом, ни крик младенцев, оторванных от матерей, не трогали каменные сердца крестоносцев.

Закончив жуткую резню, крестоносцы лагерем расположились на Смелю⁴³ у костела Пресвятой Девы и принялись грабить сам костел, сначала перебив монахов. До полуночи продолжались дикие оргии и разврат. На следующий день с новой яростью они набросились на Замок жрецов, думая, что деревянный замок они захватят быстро. Но мужественный гарнизон достойно встретил непрошенных гостей. Огромные бревна и камни обрушились на крестоносцев, дробя головы и спины, кипящая вода и горящая смола полились с высоких заборов и валов, градом посыпались каменные пули из катапульта, затрещали орудия, поднялась туча стрел, и тут же все окрестности покрылись трупами крестоносцев, канавы и рвы заполнились мертвыми и ранеными. Крестоносцы не ожидали такого резкого отпора и, видя, что замок им не взять, беспорядочно бежали в свои лагерь. На следующий день и в последующие они повторили атаки, но все время с одинаковым результатом. Тогда они решили взять замок голодом. Крестоносцы заняли Лысую гору (теперь гора Трех Крестов) и устроили там верховный штаб. В нарядном шатре поселился сам магистр ордена, другие заняло начальство, самые главные силы остались на старом месте у костела.

⁴³ Сейчас францисканский костел у улицы Траку.

Время шло. В замках таяли запасы продовольствия и пороха. Дневная выдача была наполовину уменьшена. Но каждый чувствовал, что вскоре придется выбирать: смерть от голода, от меча или тяжкий плен. Пытались по ночам нападать на врагов, но нельзя было подойти к ним, ибо подтаявший снег превратился в лед и покрыл всю поверхность. Гора и так была крутая, а лед сделал ее совсем неприступной.

В войске литовцев был воин по имени Ясинский. Был он угрюм и неразговорчив, но прославился силой и смелостью. Хорошо его знали и крестоносцы, ибо не раз им пришлось испытать тяжесть его меча.

Пришла Ясинскому в голову идея, как выбить непрошенных гостей с Лысой горы. Всю ночь он горячо молился⁴⁴. Укрепив свой дух молитвой, он выбрал самого сильного и умного коня и хорошо его подковал. Около полудня Ясинский оседлал коня и через долину Швентарагиса и Вильню подъехал к горе. С этой стороны на горе не было видно ни одного крестоносца. Ясинский перекрестился и прищпорил коня. Тот одним прыжком очутился на склоне горы. Умное животное осторожно поднималось по обледеневшей горе, инстинктивно выбирая, куда удобнее поставить ногу. Пару раз они чуть не сорвались в реку. Понемногу, шаг за шагом, продвигались они вперед, пока наконец не оказались на самой вершине горы. Еще минута — и Ясинский был уже у роскошного шатра. За столом, покрытым дорогими коврами, уставленным различными блюдами и кувшинами с вином, откинувшись на спинку стула, сидел сам магистр ордена. Видно, он только что пообедал и теперь спокойно дремал, расстегнув накидку, вытянув ноги, опустив голову на грудь. В шатре был только он. Из других шатров доносились крики, смех, непристойные песенки и звон бокалов. Можно было догадаться, что начальство пирует, считая себя в безопасности на неприступной горе.

⁴⁴ По Захорскому: «Он исповедовался, всю ночь пролежал крестом, утром выслушал святую мессу в Кафедральном соборе и принял причастие». Вингис опустил эти подробности, свидетельствующие о несомненной принадлежности Ясинского к христианской вере. (Прим. пер.)

Ясинский вскочил в шатер, и магистр даже не успел глазом моргнуть, как был схвачен, связан и с заткнутым ртом переброшен через коня. Это случилось так быстро, что в лагере никто не заметил пропажи, тем более что вход в шатер был с крутой стороны, на которую забрался смельчак.

В сто раз труднее было спуститься с горы, ибо конь вынужден был нести двойную ношу, и в лагере в любую минуту могли заметить отсутствие магистра. Но смелые всегда побеждают!.. И Ясинский, хоть и с большим трудом, удачно преодолел все препятствия и вскоре очутился у подножья горы. В тот же момент на горе поднялись шум и паника. Один из кнехтов увидел Ясинского, когда тот был уже за Вильней, а в пленнике, лежащем поперек седла, узнал магистра. Сбежались крестоносцы на край горы, не зная, что делать, даже оружие второпях забыли прихватить. Задыхаясь от бешенства, смотрели они, как ненавистный литовец увозит их вождя.

В замке не было предела удивлению и радости, когда на задыхающемся и взмыленном коне появился Ясинский и бросил свою добычу к ногам вождя крепости. Все тут же узнали в полузадушенном человеке с искривленным от боли, стыда и бешенства лицом предводителя крестоносцев.

Весть о похищении магистра как громом поразила всех крестоносцев. Начались беспорядки и паника. Литовцы воспользовались этим и, выйдя из замка, жестоко их разбили, особенно досталось стоящим у костела.

Крестоносцы начали переговоры, желая вызволить магистра из плена. Предводитель литовцев потребовал, чтобы крестоносцы тотчас же убрались из Вильнюса и из Литвы и вернули пленных литовцев и захваченную добычу. Только с этим условием они согласны отдать магистра. Но зная, что «благородные рыцари» не очень привыкли держать слово, литовцы уточнили, что только тогда отпустят магистра, когда крестоносцы окажутся за пределами Литвы. Волей-неволей крестоносцы вынуждены были подчиниться жестким усло-

виям и убраться из Литвы восвояси, в душе обещая отомстить в будущем. На следующий день они оставили Вильнюс. Но им не повезло, ибо в лесах их поджидали жемайтійцы и почти всех перебили. В Пруссию вернулись только уцелевшие, а через некоторое время явился и сам униженный магистр.

Когда о геройском поступке Ясинского донесли королю, он пожаловал ему дворянский титул, подарил герб и саму Лысую гору, а также часть земель в окрестностях Вильнюса с семью горами Антакальниса, которые его потомки отдали кафедральному капитулу. Капитул и сегодня ими владеет и называется «Алтария Ясинских».

Такова история начала литовского дворянского рода Ясинских, которые позднее, как и другие литовские дворяне, поддались польскому влиянию, и сегодня ни один из них не знает языка своих предков и все служат чужеземцам.

(Записано Папроцким, Стрыйковским,
Крашевским и Нарбуттом)

Ю. Маршевскис. Бернардинский сад.
Холст, масло. 1868. LDM.

Давайнис⁴⁵

Гербовая легенда

Для Польши языческая Литва была беспокойным и назойливым соседом. Литовцы пробирались через леса и болота по только им одним известным дорогам и вторгались в границы Польши, жгли деревни и поселки, грабили имущество, резали стариков и детей и тысячами уводили в плен безоружных людей.

Прежде чем польское войско пускалось в погоню за грабителями, их уже не оставалось и следа.

Подобный поход предпринял на Польшу в 1384 году великий князь литовский Ягайла. Тот самый Ягайла, который спустя три года принял крещение, женился на Ядвиге и стал польским королем. Ягайла в сопровождении литовских вельмож и нескольких тысяч вооруженных воинов вступил в Польшу, разорил мазовецкие земли, переправился через Вислу, сжег много поселений и городов, в том числе Опатов. Безоружные и взятые врасплох люди не могли оказать сопротивления диким захватчикам, тем более что польское войско было в то время занято боями в другом месте. Кто только мог, убежал за Вислу.

Литовцы проявили неслыханное насилие и жестокость: резали стариков, с некоторых живьем сдирали кожу или на кол сажали, бесчестили девушек, а младенцев бросали в огонь пылающих усадеб.

Грабя и уничтожая все на своем пути, литовцы дошли даже до Вислича; оттуда они, однако, вернулись и по дороге напали на Лысую гору, разграбили древний костел и Бенедиктинский монастырь, славившийся своими богатствами.

В свите Ягайлы был богатый вильнюсский дворянин Давайнис. Молодой, красивый, благородный и великодушный, он не походил на своих товарищей и, хоть и пользовался военной добычей и брал пленных,

⁴⁵ Это предание Вингис в литовский перевод по понятным причинам не включил. (Прим. пер.)

но не убивал невинных людей, не опускался до насилия и даже других от него удерживал.

Именно этому Давайнису досталась в качестве пленницы девушка по имени Хелена, дочь богатого дворянского рода герба Абданк. Давайнис не только не посягал на ее честь, не обижал, но наоборот окружил пленницу заботой, беспокоился о ее удобстве, угождал во всем и обходился как с любимой сестрой.

Когда был разграблен Лысогорский костел и монастырь, Давайнис взял старинный серебряный реликварий, в котором хранилась частичка древа Святого Креста, и положил его в мешок вместе с другими украденными ценностями.

Разграбив и опустошив большую часть польской земли, Ягайла направился в Вильнюс с богатой добычей и с несколькими тысячами пленников. Навстречу великому князю выбежали на улицу все жители города с женами и детьми, они пели песни и рукоплескали, восхваляя героев.

Любопытные приглядывались к трофеям, но кто только прикасался к мешку, привезенному Давайнисом, падал замертво, будто сраженный молнией. Удивлялся великий князь, что столько людей внезапно погибло, и поскольку был язычником, приписывал это колдовству.

Когда Давайнис рассказал об этом Хелене, она призналась, что накануне явился ей во сне Ангел, посланец Божий, и сказал, что Бог посылает смерть язычникам как кару за неуважение к древу Святого Креста. Давайнис пересказал сон Хелены Ягайле, который приказал, чтобы она явилась к нему с реликварием. Осмотрев его с интересом и не без тревоги, великий князь даровал девушке свободу и поручил ей отвезти реликварий в Польшу и вернуть в тот костел, из которого он был взят.

Хелена упросила Давайниса, чтобы тот сопровождал ее в пути. Когда они прибыли в Польшу и вернули реликварий в монастырь Бенедиктинцев, путники разыскали родителей Хелены, которые не помнили себя от радости, видя дочь живой и невредимой. Хелена представила им Давайниса и, рассказав, как часто он ей доказывал свою доброту и благородство, призна-

лась, что полюбила молодого литовца и охотно вышла бы за него замуж, если он согласится стать христианином. Давайнис с радостью принял предложение, пал к ногам родителей Хелены и попросил ее руки.

Вскоре состоялось крещение Давайниса и его свадьба с Хеленой. Молодой муж получил польский дворянский титул и герб жены Абданк, к которому на память о чуде добавили крест. Этот новый герб стал называться Дубно.

(По литовской рукописной хронике Быховца, стр. 51-52, а также хронике Стрыйковского, стр. 435.)

Костел св. Анны⁴⁶

В давние времена в Минске жил известный каменщик Вайтекус. Был он уже не молод. И была у него единственная дочь, которую он выдал замуж за своего ученика, красавца Йонаса. Йонас был упорен, трудолюбив и отличался жаждой знаний. Он не раз слышал от людей, что в Западной Европе есть мастера-каменщики, которые могут построить такие храмы и дворцы, какие старику Вайтекусу и не снились. Итак, однажды Йонас решил отправиться в чужие края и обучиться там архитектуре у знаменитых мастеров. Старик Вайтекус разными способами уговаривал его не ехать на чужбину, доказывал, что чужеземцы не выучат его лучше, чем он, Вайтекус. Молодая жена тоже умоляла не оставлять ее. Но ни уговоры старика, ни нежные речи жены не смогли удержать Йонаса.

Оставив жену на попечение тестя, Йонас покинул родной край и отправился в неизвестные земли. Побывал он во многих государствах, насмотрелся на костелы и замки красоты неопишуемой и невиданного величия. Наконец договорился с одним известным каменщиком крестоносцев, творениям которого все изумлялись, и остался у него учеником и помощником.

Несколько лет о Йонасе никто ничего не слышал.

Тем временем набожная княгиня Анна решила построить в Вильнюсе новый костел в честь всемогущего Бога. Княгиня желала, чтобы костел был са-

⁴⁶ Как и почти все костелы готического стиля в Европе связаны с разными удивительными легендами, так и самый прекрасный в нашем крае костел Святой Анны имеет свое предание, которое здесь приводится. На самом деле костел Святой Анны построен по приказу жены Витаутаса Великого, Великой княгини Анны в 1392–1395 годах. Его построил известный каменщик крестоносцев Ян Пухрбах из Мальбурга. Возможно, поводом для легенды послужило отличие нижней части костела, тяжелой и лишенной украшений, от идущей за ней мансарды с тонкими и мастерски выложенными из кирпича сводами и карнизами, а также со стройными, словно кружевными, тремя стрельчатыми башенками. Костел св. Анны, построенный в готическом стиле крестоносцев, принадлежит к самым знаменитым достопримечательностям нашего края.

мым красивым, и поэтому искала лучшего каменщика. Знатоки указали на Вайтекуса как на лучшего во всем крае мастера. Ему-то княгиня и поручила строить новый храм.

Вскоре Вайтекус с дочерью переселился в Вильнюс и начал строительство. Заложил фундамент и стал возводить стены, которые росли довольно быстро и вскоре достигли нескольких саженей высоты. Вайтекус хвастался своим сооружением, какого никто никогда не создавал, и радовался, что его имя запомнят навечно.

Однажды вечером старик сидел в своем доме недалеко от начатого костела и ломал голову над проектами. Марите, погруженная в грустные раздумья, шила какую-то одежду, изредка смахивая слезу, которая застилала ее глаза. Мысленно она искала своего любимого Йонаса, за которого очень беспокоилась, ибо уже больше года прошло с того времени, как один путешественник принес весточку от мужа, что, мол, жив, ее любит, работает и усердно учится.

И когда они были погружены один в работу, другая в мечты, во дворе послышались стремительные шаги. Через секунду раздался стук в дверь. Марите поднялась, подбежала к двери, открыла ее и, сияя от радости, упала мужу в объятия. Поднялся и старик Вайтекус, сердечно поприветствовал зятя. Когда путешественник утолил голод и Марите поставила на стол кружки с литовским медом, Йонас начал рассказывать, где бывал, что видел и чему научился на чужбине. Старик с издевкой посмеялся и наконец сказал:

— Во многих землях ты побывал, много повидал и, я думаю, даром времени не терял, тем лучше сможешь оценить мое творение, которое я начал создавать. Всекие замки, которые строят итальянцы, голландцы и крестоносцы, по сравнению с моим покажутся тебе мелкими сараями. Завтра я покажу тебе план и саму постройку, которая уже далеко продвинулась. Убедишься, что Вайтекус, хоть и стар, но большего стоит, чем твои мастера, которых ты так хвалишь!

На следующий день оба отправились на стройку. Йонас надеялся увидеть действительно что-то необычное, тем более что Вайтекус не переставал расхваливать и возвеличивать себя и свою работу. Но молодой мастер очень удивился, когда увидел тяжелые стены в несколько саженей высотой без всяких карнизов и украшений. Внешние двери были некрасивы и не подходили к общему проекту. Не мог Йонас скрыть впечатление, которое на него произвело хваленое «творение» и на назойливые вопросы тестя, очень ли он очарован его работой, спокойно ответил:

— Нет, отец, не того я ожидал. Я бы по-другому строил. Это слишком тяжеловесно, и одна деталь с другой не сочетается... Я бы сделал легкую прозрачную игрушку. Мои карнизы были бы сотканы из кружев, а башенки стремились бы в небо.

Потом он начал показывать все недостатки, которые заметил, и вслух мечтать, как бы он все это сделал. Вайтекус оцепенел от злости, не в силах представить, как осмелился какой-то мальчишка хулить то, что он считает великим творением. Слушал он зятя, сдвинув седые брови и поджав губы. Наконец проговорил с долго сдерживаемой злобой:

— А, молокосос! Ты осмелился хулить работу лучшего в крае мастера! Вижу я, что ты в этом совсем не разбираешься! Смешали твой ум эти халтурщики крестоносцы, и тебе кажется, что ты можешь что-то сделать лучше, чем Вайтекус! За это нужно тебя проучить на всю жизнь! Слушай: — он взял зятя за плечи — я поручаю тебе это строительство. Веди его дальше по своему вкусу, но помни, дерзкий грубиян, что когда возведешь кривые стены и кривые столбы, когда не справишься со сводами, и на коленях будешь умолять меня о помощи, старик Вайтекус оттолкнет тебя и будет смеяться над твоим стыдом, от которого ты лопнешь, и над немилостью, которая падет на тебя. Я ухожу! Не увидите меня до тех пор, пока ты не кончишь строительство.

Напрасно Йонас и испуганная Марите пытались его остановить, напрасно нежными словами уговари-

вали, чтобы он остался и продолжил строительство костела, оскорбленный старик и слушать не хотел. Покинув детей, старик мгновенно скрылся в узкой улочке и вскоре покинул Вильнюс.

Волей-неволей Йонас должен был браться за работу. Посвятил он себя ей со всей горячностью молодости, радуясь, что в камне и кирпиче может воплотить свои замыслы. Не стал юноша разрушать стены, построенные стариком Вайтекусом, а на них, как на фундаменте, стал плести дуги, тонкие легкие столбики и карнизы. Наконец увенчал всю постройку тремя ажурными башенками, которые, казалось, летят в небо.

Больше года длилось строительство, и за это время Вайтекус ни разу не показался и никакой весточки о себе не дал, словно его в живых уже не было. Однажды вечером совсем неожиданно старик появился в доме детей. Он очень изменился, постарел, сторбился. Видимо, нанесенный его гордыне удар сильно терзал его и мучил. Холодно поприветствовал он Йонаса и Марите и, едва бросив взгляд на недавно родившуюся внучку, которую ему поднесла Марите, нахмурившись, сел за стол и насмешливым тоном спросил Йонаса:

— Так что, зятек, слышал я, что ты закончил строительство костела? Вот пришел посмотреть на него и наказать тебя за дерзость. Представляю, как выглядит твоё творение. Веди, показывай!

— Отец, — мягко проговорил Йонас, сжимая руку старика, — сейчас ночь, трудно будет что-то разглядеть. Завтра рано утром снимут леса, и тогда увидишь, что твой зять достоин тебя.

— Веди сейчас же. Сегодня полнолуние и достаточно света, чтобы мой опытный глаз разглядел все твои недостатки и просчеты. Идем!

Йонас не упирался, взял только плащ и фонарь и поспешил за тестем. Марите, движимая неясным беспокойством, взяла на руки спящего младенца и последовала за ними. Луна спряталась за тучи, и стало темно. Шли они быстро, в полном молчании. На фоне неба черными силуэтами вырисовывались перекладки ле-

сов. Вайтекус подошел, быстрыми нервными шагами влез по ним наверх, а за ним молча последовал Йонас. Марите осталась на площади перед костелом и с волнением следила за двумя силуэтами, поднимающимися все выше и выше.

Луна вышла из-за туч и нежным светом озарила костел, леса и двух карабкающихся по ним людей. Вайтекус, ни слова не говоря, поднимался все выше, временами останавливаясь, внимательно осматривая стену. Его лицо все больше мрачнело и бледнело, в глазах сверкали изумление и дикая злость. Когда они забрались на самый верх и их взорам открылась на фоне светлого неба прозрачная башенка, словно сложенная не из кирпичей, а из тонких прутьев, старик покачнулся и нервно схватился за столб лесов. Он побледнел как труп, но глаза его горели страшной злобой.

— Ха, — прошипел он сквозь зубы, — создал необычное творение! Знаменитый Вайтекус только ученик перед тобою! Должно быть, дьявол тебе помог. Пусть он тебя спасает и сейчас!

С этими словами старик изо всех сил ударил зятя кулаком в грудь. Йонас покачнулся, раскинул руки и рухнул с самого верха вниз, но успел зацепиться за торчащую доску и остался висеть в воздухе. Марите, не помня себя, выскочила вперед, крича:

— Йонялис мой!... Йонялис мой!... Отец, что ты сделал? Ради Бога святого, спаси его!

Но Вайтекус, взбесившись от ярости, схватил лежащий у его ног кирпич и ударил им Йонаса по голове. Тот отпустил доску и с расколотой головой упал к ногам Марите на кучу щебня.

Ю. Камараускас. Костел Св. Анны. 1894.
Бумага, акварель. LDM.

Епископ Вайтекус Таборас и нищий Студинский

С самого раннего утра у дворца епископа толпился народ; одни приходили, другие, услышав новые известия, покидали двор, медленно удаляясь с тоской и болью в сердцах. Несмотря на довольно большое количество собравшихся людей, царила полная тишина. Никто не осмеливался даже слова громко произнести. У ворот стояли двое стражников, охраняя вход. Когда из дворца быстрым шагом с опущенной головой выходил какой-нибудь ксендз или клирик, стоявшие у ворот кидались к нему, чтобы что-то узнать. На заре прошла по Вильнюсу весть, что епископ Вайтекус Таборас⁴⁷, всеми очень уважаемый и любимый, страдая от тяжелой болезни, борется со смертью.

Во дворце епископа было множество ксендзов, прелатов, вельмож и друзей умирающего. Время от времени приходил посланник короля Зигманта справиться о состоянии епископа.

Около полудня епископ исповедался, принял святыне дары и, приказав облачить его в монашеские одежды, в мягком широком кресле спокойно ждал смерти.

Вся жизнь пастыря была непрерывной вереницей жертв и самоотречений. Для себя он не желал ничего, жил скромно и усердно служил Церкви, Родине и доверенной ему Христом пастве. Ни один бродяга не уходил из епископского дома без помощи, ни один страждущий не оставался без совета и успокоения. А сколько вдов он опекал, скольких сирот пригрел и воспитал, это знали только Бог, сам епископ и его капеллан. В сейме его мнение всегда ценили и уважали, а польские короли Александр и Зигмант часто советовались с этим мудрым и богобоязненным человеком.

⁴⁷ Епископ Вайтекус Таборас был истинный литовец, бесконечно любил Литву и Вильнюс, всеми силами старался заботиться о родине, защищал ее от вторжения польских шляхтичей, отстаивал права литовцев и их самобытность. (Прим. Витгиса)

Но наибольшей заслугой епископа было строительство вокруг Вильнюса каменной стены. Город Гядиминаса, вначале обнесенный только деревянным забором, много раз сильно страдал от врагов. Разрушали его и крестоносцы, и татары, и армия московских царей, и в междоусобицах некоторые литовские князья. Сам замок на Тауракальнисе (горе Зубра), со всех сторон омываемом водами Нериса и Вильни, был почти неприступен, но город, обнесенный низким заборчиком, был совсем беззащитен, тем более что жители не всегда были способны достойно отразить нападение врага и защитить свои дома.

Епископ Таборас, сожалея о несчастьях, которые Вильнюс претерпел в таком количестве, решил защитить город, тем более что как раз в это время в Литве бушевали татарские шайки, и самому Вильнюсу угрожала опасность. Он доказал королю и магистру необходимость укрепления города.

Он добился от короля приказа, по которому каждый горожанин был обязан на своей земле построить каменную стену. За это на один год все были отпущены с военной службы и освобождены от налогов. Когда же на следующий год оказалось, что татары, опустошив окрестности Минска и Слуцка, поворачивают к Вильнюсу, жители быстро принялись строить стены под присмотром самого епископа. Старый пастырь во главе торжественной процессии, в которой принимали участие вельможи и придворные, обошел весь город, освящая те места, где должны были быть установлены ворота.

После торжественной процессии на средства епископа для всех рабочих был устроен пир. После пира начали работу. Несколько тысяч людей встали на обозначенные места. Не только горожане, женщины и дети, но и дворяне, вельможи и ксендзы носили строительные материалы. Каждый чувствовал себя обязанным помочь и старался хоть кирпичик приложить к работе, так что стена росла с удивительной быстротой. Но у магистрата города не было столько средств, чтобы покрыть все расходы на большую работу. Видя это,

епископ не пожалел своих сбережений. Также он отдал все доходы от недвижимого имущества, дал своих рабочих и обеспечил всех продовольствием. Большими были, должно быть, эти расходы, но набожный епископ, движимый своей скромностью, когда уже стена была построена, сжег все книги и счета, чтобы никто никогда не узнал, сколько он потратил на это денег.

И опять торжественная процессия двинулась вдоль только что построенной стены. Ее вел епископ Таборас в одежде понтифика и в сопровождении всего капитула. За ним шел король Зигмант в окружении сенаторов и литовских магнатов. В процессии участвовали все священники, армия, общественные организации с флагами и бесчисленные толпы празднично одетых людей. Дома были украшены цветами и травами, а в окнах висели дорогие ковры и парча. Повсюду были слышны звон колоколов костелов и звуки песен. Играла музыка, стреляли из мушкетов и пушек. Изредка сотрясали воздух выстрелы большой пушки Витаутаса, которая была поставлена недалеко от русской Пятницкой церкви у Большой улицы. Старческое лицо епископа сияло от радости и счастья. У каждого из пяти ворот епископ становился на колени, со слезами благодаря Всевышнего, что Тот позволил ему выполнить такую огромную работу. Из этих пяти ворот сохранились до нашего времени только одни и прославились на весь католический мир. Это ворота Мядининкские или Аушрос (Зари) с чудотворным образом Богоматери.

Дни жизни трудолюбивого епископа подходили к концу. Пастырь спокойно ждал смерти и прощался с находящимися рядом друзьями, ксендзами и капитулом. Как раз в это время вошли королевские посланники и городские представители с бургомистром во главе.

Увидев умирающего благодетеля, все опустились на колени, а бургомистр дрожащим голосом поблагодарил старика от имени короля и города за все добрые дела, совершенные им для Вильнюса, и попросил разрешения построить памятник в стене, которой благо-

даря ему был обнесен Вильнюс. Бесконечно скромный старик не дал согласия и, благодаря за добрые намерения, сказал:

— Лучшим памятником мне будет сама стена, если она будет прочной. Вы и ваши потомки охраняйте ее от врагов и следите, чтобы она не превратилась в развалины. Прошу и требую, чтобы тому, кто первым после моей смерти войдет в город через Мядининские ворота, было выплачено из моих сбережений тридцать золотых.

В ту же ночь траурный звон колоколов всех костелов Вильнюса известил город о том, что умер епископ Вайтекус Таборас.

На восходе солнца, как только открыли ворота, наемники, стоявшие на страже у Мядининских ворот, издали увидели еле плетущегося бродягу, который, опираясь на палки, шел из Мядининкай в город. Как только он вошел в ворота, его схватила стража. Старик испугался, спрашивая стражников, за что его взяли, убеждал, что он ни в чем не виноват. Но стражники, не обращая внимания на его слова, повели старика в городскую ратушу. Там советник зачитал ему последнее желание епископа и, составив акт, выплатил тридцать золотых...

Этим бродягой был дворянин Мартин Студинский. Несколько лет назад сильный сквозняк парализовал его ноги. Тщетно искал он помощи у разных врачей. Ничем не помогли также всякие чародеи, колдуны и все, к кому он только ни обращался. Болезнь нисколько не отступила, хотя он растратил почти все свои сбережения и из некогда богатого дворянина превратился в нищего. Однажды он услышал, что в Ашмяне живет ксендз францисканец, который очень успешно лечит разные болезни. Студинский распродал оставшееся имущество и отправился в Ашмяну. Но и на этот раз он сильно ошибся. Несколько недель полечив его, монах объявил, что медицина тут бессильна, и только чудо может ему помочь. Тогда бедный больной решил отправиться в Ченстохову и там перед чудотворным образом Божьей Матери молиться о выздоровлении.

Он нанял повозку и вечером выехал из Ашмяны. На подорожи в Вильнюс в лесу на него напали разбойники. Убили кучера, сильно избили самого Студинского, и, отобрав все оставшиеся деньги, бросили его на дороге. Таким образом, Студинский оказался совсем нищим и, опираясь на палки, поплелся в Вильнюс, не догадываясь, что его там ждет.

Так неожиданно получив деньги, Студинский прежде всего отправился поблагодарить своего благодетеля и помолиться у его тела.

В замке епископа на низком катафалке, обитом черным сукном, покоился уснувший вечным сном епископ Таборас, облаченный в ризу и митру.

У сооруженного алтаря священники по очереди служили мессу, а толпы рыдающих людей волнами проплывали через траурный зал.

Студинский, войдя в зал, упал на колени и стал горячо молиться, а когда приблизился, чтобы поцеловать руку покойного, ему показалось, что из вышитого на епископской перчатке золотого креста бьет необычный свет. В то же время он почувствовал во всем теле странную слабость, жар, и будто какой-то поток пронизал все его тело от плеч до конечностей. Думая, что это от недостатка воздуха, он вышел в переднюю, сел и тотчас же там уснул.

Разбудил его стоящий на страже слуга. Хорошенько отругав, он спустил его с лестницы. Студинский как сноп шлепнулся вниз. Еще не придя в себя и страшно испугавшись, Студинский, забыв костыли, бросился наутек, как будто был совсем здоров.

Почувствовав, что он действительно здоров, Студинский отправился в капитул, где был составлен акт о произошедшем чуде. К акту было приложено свидетельство ксендза из Ашмяны, что его болезнь неизлечима.

Выздоровевший Студинский поселился в Вильнюсе и с помощью полученных от епископа денег начал торговлю. Торговля у него так хорошо пошла, что тут же из бедного нищего он превратился в богатого купца. Ему так легко все удавалось, что другие, начиная

какое-нибудь дело, приглашали Студинского в компаньоны, платя ему только за участие в предприятии большие деньги, ибо знали, что каждое дело, к которому присоединялся Студинский, быстро расцветает и дает большой доход.

В память о чуде Студинский велел отлить из чистого серебра большую пластину и записать на ней произошедшее. Эту пластину повесили в Кафедральном соборе Вильнюса в часовне Успения Пресвятой Богородицы. В XVII веке, когда польская казна была пуста и нечем было платить беспокойной армии, Кафедральный собор был ограблен, тогда исчезла и эта серебряная пластина.

(Записано Кояловичем,
Нарамовским и Нарбуттом)

Ю. Камараускас. Ворота Вильнюса. 1898.
Бумага, акварель. LDM.

Троерукий образ святого Казимира

В часовне святого Казимира вильнюсского Кафедрального собора под его гробом на самом алтаре есть странное троерукое изображение этого святого. Святой Казимир в митре священника и алых одеждах, в двух правых руках держит лилию, а в левой — четки. Картина очень старая. Как следует из надписи под серебряными одеждами, в 1594 году картина была обновлена.

Это изображение связано с таким преданием:

В Вильнюсе жил живописец, который особенно почитал святого королевича. У его гробницы художник не раз испытывал величайшую благодать. В 1521 году, когда Папа Лев X причислил королевича Казимира к лику святых, живописец задумал написать его портрет. Когда картина была окончена, художник заметил, что правая рука слишком отогнута в сторону, некрасиво выглядит и слишком длинна. Он замазал ее другими красками и на ее месте написал другую руку, согнутую в локте. Но из-под красок опять выступила ранее написанная рука. Художник еще несколько раз пытался эту руку замазать, но напрасно — каждый раз рука явно выступала из-под красок. Тогда художник замазал согнутую в локте руку, но и она выступила. Сочтя это чудом, художник бросил затею замазать какую-нибудь руку и такую троерукую картину пожертвовал Кафедральному собору.

Сначала эта картина украшала гробницу св. Казимира в подземельях королевской часовни, а когда позже тело Покровителя Литвы было перенесено в теперешнюю часовню, картина была вставлена в алтарь под серебряным гробом.

(Из актов Вильнюсского капитула)

Неизвестный художник. Троерукий образ Св. Казимира.
Около 1520 г. Дерево, темпера. Вильнюсский Кафедральный собор.

Призрак Барборы⁴⁸

8 мая 1551 года ровно в полдень королева Барбора стынувшими руками обвила шею своего коронованного мужа и, посиневшими губами прижавшись к его губам, отдала Богу душу.

Скорби Зигманта Августа не было предела. Как раньше он ни на шаг не отходил от постели больной жены, так и теперь невозможно было его оторвать от ее тела.

Исполняя последнюю волю жены, король решил перевезти тело Барборы в Вильнюс. Видимо, он не хотел, чтобы Краков стал местом ее вечного упокоения, он и сам объявил: «поскольку при жизни Ее Королевского Величества некоторые не были благосклонны и доброжелательны к ней, пусть и после смерти не имеют возможности ее видеть».

Долго тянулось печальное путешествие. Король ехал верхом рядом с повозкой, в которой везли гроб с телом королевы, а как только траурная процессия приближалась к какому-нибудь городу или деревне, он

⁴⁸ Королева Барбора была женой великого литовского князя Зигманта Августа и дочерью князя Юргиса Радвиласа, сначала вышедшая замуж за Тракайского воеводу Ст. Гоштаутаса. Но вскоре первый ее муж умер, и она осталась молодой вдовой. Зигмант Август, живший в Вильнюсе, очень ее полюбил и тайно с ней обвенчался. Долго они скрывали свою супружескую связь, ибо ей противились и отец Зигманта Августа, король Зигмант, и все польские дворяне. Чтобы избежать подозрений, Зигмант Август сам жил в Вильнюсе, а жену отправил во дворец Радвиласов в Дубинкай. Вскоре после этого умер старый король Зигмант. Тогда Зигмант Август пригласил Барбору в Вильнюс и публично объявил, что она является его женой. Когда Зигманта Августа выбрали польским королем, польские вельможи никоим образом не хотели признавать Барбору своей королевой, боясь, что литовка привлечет на свою сторону короля и литовские дворяне займут их места. Особенно они боялись Радвиласов. Но Зигмант Август преодолел все препятствия, и Барбора была коронована на польский трон. Однако недолго пришлось ей наслаждаться семейным счастьем. Барбора вскоре заболела и слегла. Некоторые историки подозревают, что старая королева Бона, ненавидевшая невестку-литовку, отравила ее. Известно, что когда Барбора заболела, зная о нелюбви к ней чужеземцев, она попросила, чтобы ее тело после смерти было перевезено на родину и похоронено в вильнюсском Кафедральном соборе. (Прим. Вингиса)

слезал с коня и шел пешком. У Вильнюса их встретила процессия с епископом во главе. Жалобно зарыдали колокола во всех башнях вильнюсских костелов. Толпы людей наполнили улицы. Комнаты замкового дворца, собор и четыре костела, в которых проходили похоронные мессы, были обтянуты траурным сукном.

В битком набитом Кафедральном соборе провели похоронную мессу, и после этого тело Барборы было захоронено в подземелье королевской часовни⁴⁹, рядом с первой женой Зигманта Августа, юной Эльжбетой.

После похорон жены Зигмант Август был безутешен. Он ничем не интересовался. Целые дни он проводил в ее комнатах, вспоминая счастливое время, прожитое с ней, ее красоту, страстность и ангельскую доброту. Он окружил себя оставшимися от Барборы вещами, ее платьями, драгоценностями, рукоделием, читал адресованные ему письма Барборы, полные любви и преданности. Зигмант Август никак не мог смириться с мыслью, что в этом мире он никогда больше не увидит любимую жену, и, как и все люди того времени, он верил в колдовство и думал, что можно вызвать души умерших из иного мира. Итак, он во что бы то ни стало задумал увидеть хотя бы тень своей возлюбленной⁵⁰.

Были приглашены в замок знаменитые колдуны, но ни один из них не согласился исполнить желание короля.

В конце концов пришел к королю Зигманту Августу сам великий мастер — Твардаускас и, когда король объявил ему о своем желании, он после некоторого раздумья сказал:

⁴⁹ Теперь часовня Непорочного Зачатия Пресвятой Девы. Во времена Владислава IV останки короля Александра Ягеллонского, Эльжбеты и Барборы были перенесены в новую часовню св. Казимира.

⁵⁰ Тому, что Зигмант Август был суеверным и верил в разные сверхъестественные силы, есть множество свидетельств Гваньини, Ожеховского, Варшевицкого и других. Он приказал заточить в тюрьму и потом казнить служанку своей матери королевы Боны, подозревая, что она колдунья, и боясь ее чар. Начиная любое важное дело, он все время советовался с преданным ему астрологом, магистром Краковской академии Пробошчевичем, который по звездам определял будущее короля. Гваньини говорит (Польская хроника), что Зигмант Август очень интересовался магией и алхимией.

— Милостивый Государь! Мне дана сила вызывать души умерших из иного мира и я могу удовлетворить Твою просьбу, но только если Ты примешь мои условия. Итак, предупреждаю, Милостивый Государь, что Ты должен равнодушно и безразлично смотреть на все то, что я буду творить своими сверхъестественными силами, и сидеть на месте, не двигаясь. Иначе я не отвечаю за Твою жизнь и душу.

Король, окрыленный надеждой увидеть свою любимую Барбору, на все согласился.

Твардаускас потребовал отдельную комнату в замке и попросил несколько дней на подготовку.

Король отвел ему башню замка со стороны Нериса. В назначенный день и час Зигмант Август пришел к Твардаускасу без провожатых. Последний ввел его в комнату, в которой должно было исполниться желание короля.

Стены небольшой сводчатой комнаты были обтянуты черными покрывалами, испещренными странными иероглифами. У одной стены на невысокой скамейке стояли четыре большие курильни с кадилами, а перед ними невдалеке было приготовлено мягкое удобное кресло для короля. Царящую в комнате темноту едва рассеивал свет двух восковых свечей, вставленных в черные подсвечники.

Посередине комнаты на столе, покрытом черной скатертью с серебряной бахромой, лежала палочка колдуна, а рядом с ней пергаментная книга, обтянутая кожей, в которой были записаны разные заклинания и формулы вызывания чертей и душ умерших.

Взволнованный такой обстановкой, Зигмант Август уселся в предназначенное ему кресло, а Твардаускас облачился в длинный черный плащ с широкими рукавами, испещренный белыми каббалистическими знаками, зажег кадило в курильнях и, раскрыв книгу, начал бормотать слова заклинаний, призывая душу умершей Барборы, чтобы она спустилась на землю и показала своему любимому мужу.

Из курилен повалили клубы белого дыма. Нервы короля из-за тревожного ожидания и жуткой атмос-

феры достигли высочайшей степени напряжения. Засмотревшись на клубы дыма, Зигмант Август забыл все на свете.

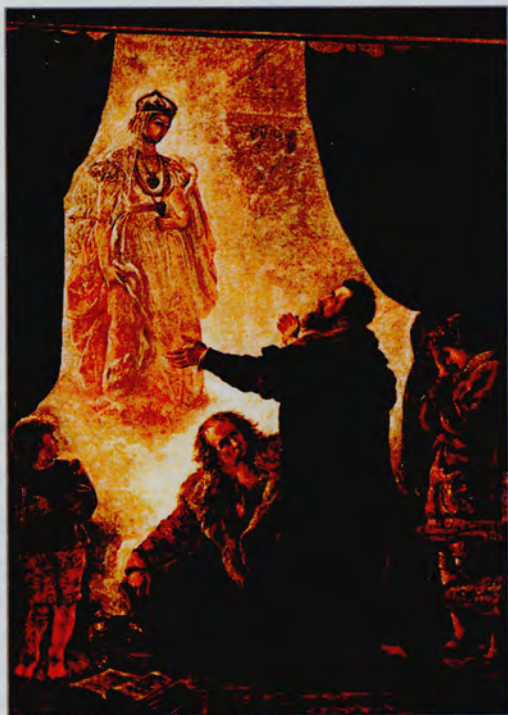
И вот в тучах кадильного дыма показался призрак женщины, постепенно все яснее проступали черты, и Зигманту Августу показалось, что он видит свою любимую Барбору. Бледная, почти прозрачная, она стояла, опустив руки. Полное нежной грусти лицо было обращено к любимому мужу, а в глазах горел огонь любви.

Забыв свои обещания, король протянул руки и бросился к любимой жене, желая обнять ее, но Твардаускас тут же остановил его, и все пропало.

Зигмант Август упал в кресло, закрыл лицо руками и разразился горькими рыданиями⁵¹.

(Записано Войчицким, Л. Семенским,
Т. Чацким и М. Балинским)

⁵¹ Твардаускас, без сомнения, был очень образован в области физики и оптики и мог в клубах дыма изобразить призрак Барборы. Подобным образом поступил славный Калиостро, когда с помощью оптических приборов показал Августу III образ его отца, короля Августа II.

В. Герсон. Пан Твардовский вызывает дух Барбары Радзивилл.
1886. Масло, холст.

Дух Зигманта Августа⁵²

Лишившись любимой жены, король Зигмант Август был безутешен, постоянно ее оплакивал и до самой своей смерти не снимал траур. Даже после смерти его дух посещал те места, которые были связаны с воспоминаниями о Барборе.

В течение нескольких столетий ясными летними ночами, когда полная луна выплывала на небо, своим нежным светом озаряя улицы спящего Вильнюса, серебря крыши костелов и замков и миллионами огоньков мерцая в волнах быстрого Нериса, на вершине Замковой горы показывался призрак Зигманта Августа. Он стоял, опершись на стену башни, и грустным взором обводил места, с которыми было связано так много приятных воспоминаний, и город, который бесконечно любил, которому помог расти и процветать.

Раньше король даже спускался с горы, посещал нижний замок, когда-то так прекрасно им обустроенный, а теперь запущенный, разрушающийся, ходил по саду Радвиласов, где он объяснялся в любви своей Барборе и от нее услышал, что чувство взаимно, останавливался перед дворцом, в котором жила Барбора с матерью, и долго на него смотрел. Заходил и в Кафедральный собор, надолго задерживался в королевской часовне, ибо с ней были связаны самые радостные и самые болезненные воспоминания. В подземельях этой часовни покоился прах его первой жены Эльжбеты, едва дожившей до шестнадцати лет, в этой же часовне однажды ночью ксендз благословил его брак с любимой Барборой и через несколько лет счастливой жизни ее здесь и похоронили.

Шли годы, десятилетия, и с каждым разом, когда король при лунном свете показывался на вершине Замковой горы, выражение его лица становилось все печальнее.

52 Это предание я слышал в детстве от семидесятипятилетнего старика, бывшего солдата Наполеоновской армии и участника восстания 1831 г. (Прим. Захорского)

Время и небрежность людей одну за другой разрушали дорогие королевскому сердцу памятные реликвии. От нижнего замка и дворца Барборы даже следов не осталось, исчез сад Радвиласов, Кафедральный собор тоже изменил свой первоначальный облик... Знаменитый замок Гядиминаса превращался в развалины. Сохранились следы всего лишь одной башни. Осталась неизменной только старая королевская часовня, но и в ней уже нет останков Эльжбеты и Барборы. Они были перенесены в новую часовню и неизвестно, что стало с этими дорогими ему останками.

Последний раз Зигмант Август появился на горе сто лет назад. Он стоял, заломив руки и опустив голову на грудь, а из груди вырывались тяжелые вздохи. Долго он стоял, наконец, закрыв руками глаза, ушел и... больше уже не появлялся, ибо не на что было больше смотреть, нечем любоваться.

Ю. Озембловский. Зигмант Август. По рисунку В. Соли. 1840.
Литография. LDM.

Книга Твардаускаса

Предание о книге известного чародея Твардаускаса⁵³ связано со стенами Вильнюсского университета. Передал его ксендз Нарамовский⁵⁴, иезуит, со слов ксендза Даниэлиса Бутвиласа, также иезуита, впоследствии ректора Вильнюсской иезуитской академии (1663 г.). Рассказ этот, услышанный от ксендза Бутвиласа, записал иезуит Шпол.

Известный чародей Твардаускас имел большую пергаментную книгу, обтянутую черной кожей, содержащую разные способы заклятий, гадания и формулы вызывания чертей и умерших.

Эта необыкновенная книга попала к Зигманту Августу, а тот вместе со всем собранием своих книг завещал ее библиотеке Вильнюсской иезуитской академии, которая в то время находилась на теперешней Университетской улице. Иезуиты заперли опасную книгу в специальном шкафу и приковали ее тяжелыми железными цепями к стене. И никто не осмеливался даже бросить взгляд на тот шкаф, где лежала проклятая книга.

Однажды вечером помощник префекта библиотеки ксендз Даниэлис Бутвилас, тот самый, который позднее стал ректором академии, допоздна работал один в библиотеке. Вдруг ксендз почувствовал непреодолимое желание посмотреть книгу Твардаускаса и почитать ее. После недолгого колебания он открыл шкаф, раскрыв книгу, но как только начал читать, в библиотеке поднялся адский шум, послышался визг, вой, стоны,

⁵³ Будучи маленьким (до 1900 года) я слышал много разных сказаний о Твардаускасе, но из них сейчас помню только, что во всех говорилось о том, что Твардаускас продался дьяволу, о его похищении, посещении ада и т.д. Недавно, когда я был на своей родине (в Дзукии, Судуве), я хотел снова услышать эти рассказы, но те, кто мне их рассказывал, уже умерли, а молодые помнят столько же, сколько и я. (Прим. Вингуса)

⁵⁴ Ks. Naramowski. *Facies rerum sarmaticarum et lithuanarum...* ks. 1, rozdz. II, str. 52. (Прим. Заخورского, опущенное Вингусом, как и упоминание самого Нарамовского)

смех, звон цепей и треск огня. Комната наполнилась клубами дыма, запахло серой, под потолком начали летать и биться о стены летучие мыши, по полу и столам поползли ящерицы, ужи и жабы, а из-за шкафов и углов стали показываться всякие страшилища и призраки.

Ксендз Бутвилас, страшно перепугавшись, поспешил закрыть книгу и убежал в другую комнату, заперев за собой дверь библиотеки. Всю ночь он не спал, дрожа от страха и горячо молясь, а в библиотеке до петухов продолжался адский шум: рев, писк, грохот и звон цепей. Когда на следующее утро ксендз Бутвилас с несколькими другими ксендзами вошли в библиотеку, в ней царил ужасный беспорядок. Столы и скамейки были опрокинуты, на полу валялись выброшенные из шкафов книги и рукописи. В воздухе еще чувствовался запах серы. Книги Твардаускаса не было. Пропала она, неизвестно как и кем похищенная. Только конец цепи, которой была прикована книга, болтался в стене.

Эта книга, называвшаяся "Liber magnus", очутилась позже в Краковской библиотеке⁵⁵. Один ученик услышал где-то, что тому, кто читает эту книгу, тут же является дьявол, и исполняет все приказания, какие только даст читающий. Однажды ночью он тайно пробрался в библиотеку и начал читать формулы вызова чертей. Тотчас же перед ним возник очень страшный черт и спросил, чего он хочет. Ученик, страшно испугавшись, вместо того, чтобы сказать «хочу денег!», как вначале думал, сказал: — «хочу петрушки!» Послушный черт начал тащить петрушку через двери и окна, но, к счастью, пропел петух, и черту поневоле пришлось бросить работу.

(L. Siemieński. Podania i legendy polskie, ruskie i litewskie. Str. 158)

⁵⁵ Й.С. Бандтке доказал, что эта книга, которая раньше считалась книгой Твардаускаса, на самом деле является сочинением Бацола из Праги, по прозвищу Зидек. (Bandtke. Historia biblioteki Uniwersytetu Jagiellońskiego. Str. 108). (Прим. Захарского)

Каспар Бекеш⁵⁶

Одна из вильнюсских гор, расположенных над Вильней, носит название Бекешевой или Бекеша по имени славного воина Каспара Бекеша.

Предание гласит, что Бекеш отличался необычайной отвагой и совершал безумные поступки, на которые не отваживался ни один смельчак.

Так Бекеш при многочисленных свидетелях въезжал верхом на крутую песчаную гору и, отдохнув на ее вершине, спускался той же дорогой. Была это очень опасная прогулка, а люди, наблюдавшие за ней с берега Вильни, были уверены, что Бекешу помогает нечистая сила, тем более что он был вероотступником.

Но как веревочке ни виться, а концу быть.

Однажды этот отважный воин, как обычно, удачно достиг вершины горы, но когда спускался обратно, его конь споткнулся и вместе с наездником скатился с высоты в Вильню. Оба разбились насмерть. Бекеша похоронили на той же горе, которая с тех пор стала называться Бекешевой, и на могиле его поставили памятник.

Таково предание о смерти Бекеша, однако, оно не соответствует действительности.

Венгр Каспар Бекеш, когда-то бывший соперником, а потом сердечным другом короля Стефана Батория, был командиром венгерской пехоты, славился мужеством и отличился в нескольких военных походах. Умер он в Гродно в 1580 г. Его тело по приказу короля было привезено в Вильнюс, а поскольку Бекеш принадлежал к вредной секте антитринитариев, собственно говоря, был атеистом, и даже умирая, сказал: «Неба не желаю, ада не боюсь», он не мог быть похоронен ни на одном христианском кладбище. Король приказал похоронить его на вершине песчаной горы над Вильней и на могиле поставил памятник в виде башенки с куполом. Со временем из-за оползня башенка оказалась над обрывом, а в 1843 г. во время грозы рухнула.

⁵⁶ Это предание Вингис не включил в свой литовский перевод. (Прим. пер.)

Военная слава и смерть Бекеша остались в народной памяти, поэтому появилось предание о башенке, поставленной на месте, где якобы его застала смерть.

(По Ю.И. Крашевскому)

Ю. Камараускас. Вильнюс. Вид с Горы Бекеша. (Год неизвестен).
Бумага, акварель. LDM.

Распятие в костеле св. Иоанна⁵⁷

В алтаре часовни Божьего Тела (князей Огинских) в костеле св. Иоанна, среди многочисленных даров находится старинное, довольно большое резное деревянное распятие. Его привез в 1573 г. из Нюрнберга и подарил костелу знаменитый Петр Скарга.

Об этом распятии существует следующая легенда:

В XVII веке во время Великого поста служитель ризницы по принятому обычаю прикрывал крепом все распятия, находящиеся в костеле. Как только он вошел в часовню Божьего Тела, он ощутил странное беспокойство. Однако он приставил к стене у алтаря стремянку и, встав на нее, уже собирался прикрыть фигуру Христа фиолетовой материей, как вдруг услышал голос, исходящий будто из уст Спасителя и просящий его этого не делать. В тот же момент креп выпал у него из рук и как будто ветром был отнесен в дальний угол часовни.

Служитель поспешил к священнику, которому рассказал о случившемся, священник же все передал епископу. С тех пор именно это распятие в костеле во время всего великого поста остается открытым.

(По кс. Войцеху Кояловичу)

⁵⁷ Это предание Вингис не включил в свой литовский перевод. (Прим. пер.)

А.-Ж.-Б. Байо; Ф. Бенуа. Большой двор Вильнюсского университета.
1850. Цветная литография. LDM.

Проклятые в костеле св. Иоанна

Под костелом святого Иоанна находятся большие подземные склепы и коридоры, которые занимают значительное пространство и тянутся под близлежащими домами и улицей Пилес (Замковой). Здесь в течение нескольких сотен лет хоронили известнейших горожан Вильнюса.

В 1660-х годах умер довольно богатый горожанин. Семья и близкие родственники облачились в траур и устроили торжественные похороны. Покойного нарядили в богатые одежды, надели меховую шапку и положили в обитый шелком гроб. На пальцах трупа блестяли ценные перстни. Даже комнату, в которой был установлен гроб, обили черным покрывалом. Его провожали: доминиканцы, бернардинцы, иезуиты, настоятель прихода св. Иоанна и множество служителей, облаченных в разноцветные сутаны и с колпаками на головах, в которых были только вырезы для глаз. Не жалели денег на колокола, всем раздавали восковые свечи и подаяния. Костел св. Иоанна был ярко освещен, а в часовне Благовещения Пресвятой Девы был установлен роскошный катафалк. Сюда были принесены разные украшения, искусственные цветы, эмблемы, плачущие ангелы и другие символы гаснущего огня жизни, были урны и черепа с костями, и смерть с косой, и все это блестяло в свете множества разноцветных лампад и свечей.

Вечером тело было принесено из дома в костел и на всю ночь оставлено в часовне. Какие-то посетители заметили, что с пальцев усопшего не сняты дорогие перстни. Они решили присвоить эти драгоценности. Для этого подкараулили мальчика, который в ту ночь должен был охранять костел и на минуту из него вышел. Пригрозив его убить, они велели ему вернуться в костел и, сняв перстни с рук покойного, передать им их через окошко часовни, у которого они будут ждать. Испуганный мальчик, не смея противиться, вернулся

в костел. В костеле было темно и тихо. Только у некоторых алтарей мерцал слабый огонь висящих лампад, едва освещая изображения святых, отражаясь в мраморных колоннах, в позолоченных рамах картин и подсвечниках. Своды костела, часовни и подземелья тонули в полной темноте.

Мальчик, хоть и не первый раз ночевал в костеле, в этот раз чувствовал какое-то беспокойство. Сердце его бешено колотилось, он боязливо оглядывался и, когда встречался взглядом с глазами какого-нибудь святого на картине, быстро отворачивался в другую сторону. В не нарушаемой ничем ночной тишине его шаги громким эхом раздавались в пространстве костела и усиливали его волнение и страх. Мальчик вошел в часовню Благовещения, освещенную только висящей перед алтарем серебряной лампадой, огонь которой, казалось, оживлял поставленных у катафалка плачущих ангелов, смерть с косою и сам гроб, накрытый крышкой.

Царившая здесь тишина была ужасна, и ребенка все больше и больше охватывал страх. Хотел было он броситься прочь из костела, но, вспомнив, что его ждет за порогом, решил совершить святотатство. Дрожая от страха, он поднялся по лесенке на катафалк, снял крышку гроба и взялся за застывший палец мертвеца, чтобы как можно быстрее стянуть перстни. Но мертвец потянулся в гробу, вытащил руку и, впившись страшными стеклянными глазами в лицо ребенка, схватил его за грудь и страшным голосом закричал:

— Братья проклятые, помогите мне!

В тот же час костел задрожал, поднялся ужасный шум, засвистел ветер, завывали, заблеяли разные голоса. Начали гремять и раскалываться каменные гробы и саркофаги, с треском раскрылись двери подземелья. Адски крича, поднялись из гробов мертвецы и тут же заполнили весь костел. Одни из них, недавно похороненные, были страшно бледными и своими впавшими глазами, как шилом, пронизывали сердце мальчика, другие были уже подгнившими, смердели, и их мясо и кожа болтались как лохмотья, но большинство

были скелетами, чьи кости при движении глухо бряцали. Всю эту толпу проклятых составляли вельможи, дворяне, сенаторы, ксендзы, рыцари и богатые горожане; немало было также женщин и девушек, даже младенцев.

Ждавшие у окна часовни воришки, услышав шум в костеле, убежали. Мальчик, полуживой от страха, вырвавшись из рук мертвеца, бросился бежать и, наткнувшись у колонны на лестницу, забрался по ней на хор, захлопнул за собой дверь и закрыл ее на засов. Здесь, еле дыша, он залез под мехи органа. Но мертвецы гнались за ним. Бросились к закрытой двери, на которой был вырезан крест, и не осмелились ее ломать. Скрипя зубами, они вернулись назад и стали тащить из подземелья камни, гробы, скамейки и, ставя одно на другое, карабкались на хор. Мальчик почувствовал, что под мехами ему уже тоже грозит опасность. Он забрался на самый верх органа и там, затаив дыхание, широко раскрыв от страха глаза, следил за проклятыми, которые поднимались все выше и уже почти добрались до хора. Тогда, объятый диким ужасом мальчишка перекрестился и не своим голосом завопил:

— Иисус, Мария!..

Услышав эти слова, проклятые с той высоты, на которую уже забрались, попадали со всеми гробами и камнями на каменный пол костела. Некоторые скелеты развалились. Их черепа, глухо гремя, откатились в сторону, а кости превратились в груды щепок. Но мертвецы вскоре опять поднялись, собрали свои кости и снова принялись ставить гробы и камни и карабкаться вверх. Но у мальчика уже было оружие против проклятых. Он молился, крестился и произносил имена Иисуса и Марии. И как только мертвецы их слышали, сразу же валялись вниз.

Забрезжил рассвет, и где-то далеко в городе слышалось пение петуха, поблизости ему ответили другие. В окна костела пробились первые лучи света. Тьма отступала. После петухов трупы проклятых больше не поднимались и в беспорядке валялись на

полу, а мальчик, сидя на трубе органа, радовался, что остался жив.

Когда утром открыли костел, его наполнял невыносимый запах гнили. Войдя внутрь, люди увидели сотни трупов и горы костей. Гробы были пусты, а двери подземелья открыты. Оставшиеся в подземелье гробы тоже были пусты. Только те, в которых покоились вечным сном иезуиты, были не тронуты. Только они были не прокляты. Полуживого ребенка с большим трудом сняли с верхушки органа. Он рассказал обо всем случившемся. Вскоре он заболел воспалением мозга и через несколько дней умер.

Костел тут же закрыли и стали чистить. Куски плоти сложили в оставшиеся неразбитыми гробы, кости засунули в мешки. Работа заняла две недели. Такое было множество проклятых. Все свалили на повозки, отвезли за Руднинские ворота и там за костелом св. Стефана закопали. С тех пор в подземельях костела святого Иоанна больше не хоронили умерших.

(Записано иезуитом ксендзом Нарамовским)

Аист святого Казимира

В 1604 году Папа Климент VIII причислил королевича Казимира к лику святых и выслал буллу и знамя, освященные в честь святого Казимира. Обряд канонизации состоялся в Вильнюсе 10 мая 1604 года. Буллу и знамя оставили в костеле св. Стефана за Рудникскими воротами, и оттуда торжественная процессия перенесла их в Кафедральный собор.

Город был празднично украшен. Дома на больших улицах были убраны цветами и травами, в окнах висели персидские и турецкие ковры. На улицах, по которым двигалась торжественная процессия, были поставлены почетные ворота, украшенные гербами, картинами и надписями религиозного и аллегорического содержания. Выстрелы пушек объявили начало шествия, в котором приняли участие армия, братства, общества милосердия, городское правление, магистрат, ремесленные союзы, монахи и ксендзы, ученики и профессора иезуитской академии и бесчисленные толпы простых людей. Все время играла музыка, гремели пушки и орудия, и на всех башнях костелов звонили колокола.

Шествие длилось восемь часов, и все это время великий литовский канцлер Лев Сапега с помощью двух дьяконов нес огромное знамя, освященное в честь святого Казимира.

Когда процессия вышла из костела св. Стефана и двигалась по улице Руднику, в ясной голубизне неба появилась еле заметная маленькая точка, на которую все обратили внимание. Точка все приближалась и увеличивалась, и вдруг все увидели летящего аиста. Аист вскоре очутился над головами участников процессии и, не обращая внимания ни на выстрелы пушек и орудий, ни на огромные толпы людей, подлетел к знамени святого Казимира и на минуту уселся на его древко, а потом, поднявшись, полетел впереди шествия, словно указывая путь.

Это странное событие тогда объясняли так: поскольку аист уничтожает змей и других червей, то его появление в этот торжественный час означает, что вскоре будет уничтожена в Вильнюсе вся ересь, и отступники вернуться к настоящей вере⁵⁸.

(Kwirin Knogler.
Theatrum Sancti Casimiri... Vilnae 1604 а.)

Ю. Камараускас. Костел Св. Казимира. 1892. Бумага, акварель. LDM.

⁵⁸ Как уже упоминалось в очерке истории Вильнюса, в это время в Вильнюсе было засилье разных сект. Особенно укоренился кальвинизм.

Петух князя Радвиласа

Современное здание вильнюсской почты напротив костела св. Иоанна в XVII веке было собственностью князей Радвиласов. Радвиласы откололись от Католической Церкви, увлеклись кальвинизмом и стали ревностными его сторонниками. Особенно прославился в борьбе с католической верой Миколас Радвилас, прозванный Черным, вильнюсский воевода. Он преследовал католиков, клеветал на ксендзов, осквернял костелы, устраивал вооруженные нападения на траурные шествия и даже, желая осквернить костел св. Иоанна, приказал у его стены вывалить навоз, а перед главными дверьми поставил виселицу.

В своем дворце он устроил кирху, в которой проводились кальвинистские службы.

После смерти Миколаса Радвиласа замок перешел к четверым его сыновьям, которые, следуя по стопам отца, также устраивали разные коварные проделки и не скрывали своего презрения к католикам.

Однажды в Великую Пятницу, когда все католики строго постились, умерщвляли плоть и, собравшись в костеле св. Иоанна у гроба Господня, горячо молились, Радвиласы неподалеку в своем дворце устроили большой пир, созвали множество гостей, конечно, единомышленников.

Вино и мед лились рекой, столы ломились от разных мясных блюд и других лакомств. Сквернословию, насмешкам и непристойным песенкам не было предела, даже стены замка звенели от них, а хозяева и гости надрывали животы, рассказывая анекдоты об обрядах Католической Церкви и ее священниках, о постах и молитвах.

Слуги внесли на серебряных блюдах жареную птицу. Были глухари, фазаны, павлин с распущенным хвостом, мерцающим разными цветами, и жареный петух, но так искусно украшенный перьями, что производил впечатление живого. Гости встретили петуха с боль-

шой радостью и не могли налюбоваться на мастерство повара, хваля его кулинарные способности. Старший сын воеводы, тоже Миколас Радвилас, гордясь своим необыкновенным поваром, закричал петуху:

— Приветствуем тебя, каплун! Видно, ты не католик и не папист, раз в Великую Пятницу пожаловал на стол Радвиласов!

Едва он успел произнести эти слова, как петух зашевелился на блюде, встал, захлопал крыльями, поднял голову и во все горло прокричал:

— Ку-ка-ре-ку-у!

Гости безумно перепугались. Повскакали из-за столов, бросились к дверям и разбежались кто куда.

Это происшествие так подействовало на князя Миколаса, что вскоре он одумался и обратился в католическую веру. За старшим последовали и младшие братья: Юргис, Альбертас и Стасис Радвиласы — и из преследователей Церкви превратились в ярых католиков, а Юргис даже прославился, став епископом Вильнюса и позже кандидатом на трон Папы. В его кардинальскую честь и замок Радвиласов был назван «Кардиналией».

(Записано Кояловичем (Miscellanea, p. 69—70))

М. Францишек. Миколай Радзивил Черный. 1758.
Icones familiae ducalis Radivilianae ex originalibus ab anno 1346 ad
annum 1758 deductae.

Шведы в Вильнюсе

I

В конце улицы Пилес (Замковой) у Кафедральной площади, до самого 1838 года стояли ворота, называвшиеся Замковыми, которые когда-то вели во двор Нижнего замка. На стене ворот со стороны города на высоте двух саженьей, до самого их разрушения, было видно большое пятно, которое никоим образом невозможно было замазать. Пытались забелить известью, заштукатурить, но оно все равно проступало. Пятно было странной формы. Напоминало распятого человека с раскинутыми руками и немного согнутыми в коленях ногами. Отсюда пошло такое предание:

В XVIII веке шведы два раза занимали Вильнюс, а именно в 1702 и в 1706 годах. Особенно жестоки они были во второй раз. Под предводительством полковника Дикера они резали, грабили, бесчестили женщин, убивали стариков и детей. Город, костелы и монастыри обложили огромными контрибуциями, обирали богатых горожан, вырывали чаши из рук священников, когда те шли от алтаря, а некоторые костелы превратили в казармы и конюшни.

Думая, что купол часовни св. Казимира золотой, они стреляли в него через окна Замковых ворот, а полковник Дикер смотрел в бинокль, и только когда убедился, что купол всего-навсего позолочен, прекратил стрельбу. Один наглый вояка забрался в часовню у Ворот Зари, где, как и теперь, находился известный своими чудесами образ Пресвятой Девы со скрещенными на груди руками. Образ был украшен дорогим серебряным и позолоченным одеянием, усыпанным драгоценными камнями и жемчугами. Вокруг мерцали дорогие дары: жемчужные нити, топазы, золотые и серебряные кресты, перстни, медали, серебряные и золотые изображения рук, ног, глаз и другие дорогие

подарки, пожертвованные людьми, которые получили помощь от этого образа. Драгоценности пробудили жадность в сердце шведа, и он решил совершить святотатство. Забравшись в алтарь, он сорвал занавеску, которой было покрыто изображение, и хотел снять одеяние и драгоценности. Но как только ни старался, никак не мог сорвать одежду, даже не мог снять ни одной свободно висящей драгоценности. Какой-то невидимой силой держались они на образе. Видя, что он не получит большой добычи, он разозлился, вытащил меч и ударил Пресвятую Деву по лицу. На месте удара образовался рубец, и брызнула кровь⁵⁹. И в этот момент поднялась одна из скрещенных на груди рук Пресвятой Девы и так сильно ударила святотатца, что тот, вылетев из окна, летел с раскинутыми руками над всем городом, пока не врезался в Замковые Ворота. На том месте, о которое ударился швед, осталось кровавое пятно. Целое столетие никоим образом невозможно было убрать это пятно. Хотя часто замазывали, заштукатуривали, известью белили, пятно все равно проступало. До сих пор люди говорят, что ворота потому и были разрушены, что нельзя было убрать пятно.

(Записано Нарбуттом (Pisma hist. pomniejsze) и ксендзом Илларионом (Relacja o cudow. obrazie N.M. Panny Ostrobramskiej r. 1761))

II

Заняв Вильнюс в 1702 году, шведы поставили свою военную стражу на всех пяти воротах Вильнюса — и на Воротах Зари.

Солдаты, забаррикадившись тяжелыми железными воротами, висевшими на крепких железных крюках уже два века, разожгли под сводами ворот костер. Расположившись вокруг огня, они распива-

⁵⁹ По мнению народа, шрам на образе Пресвятой девы Ворот Зари остался от удара шведского солдата. А на самом деле из-за того, что треснули доски, на которых нарисован образ.

ли вино и пиво, вытащенное из подвалов монастыря. Одни пели мерзкие песенки, другие хватали женщин, пришедших помолиться Пресвятой Деве, издевались и смеялись над ними. Священников, которые должны были отслужить службу в часовне, прогоняли прочь, подшучивая над их набожностью и над Пресвятой Девой.

Четырнадцатого апреля, на утро Пасхальной Субботы, четверо шведских солдат грелись у костра под сводами ворот и, как обычно, безобразно себя вели. Внезапно задрожали большие тяжелые ворота, сорвались с крюков и со всей силой обрушились на богохульников. Двоих придавили сразу, а других двоих серьезно задела. Но и те, отвезенные в больницу за Нерисом, вскоре умерли.

Через два дня Антоний Нововейский, Обоженный, великий князь литовский, горячо помолившись Пресвятой Деве, с горсткой солдат напал с другой стороны Ворот Зари на улицу, где расположились шведы, и прежде чем они заметили, многих из них уложил на месте, после чего отступил, не потеряв ни одного товарища.

В знак благодарности Нововейский повесил у чудотворного образа серебряный дар, который там находится до сих пор.

(По Ю.И. Крашевскому "Wilno"
и ксендзу Иллариону)

Ю. Камараускас. Ворота Зари в Вильнюсе.
Бумага, акварель. LDM.

Серебряная цепь в Воротах Зари

В Воротах Зари у чудотворного изображения Пресвятой Девы висит серебряная цепь длиной около полутора метров, состоящая из четырехугольных звеньев. С ней связано такое предание:

В Вильнюсском предместье Расу жила небогатая вдова-молочница. Однажды она встретила сироту, у которого не было ни опекунов, ни близких родственников. Вдова его приютила. Когда мальчик немного подрос, вдова упросила настоятеля Ворот Зари принять его в помощники. Мальчик был спокойный, вежливый и послушный, так что настоятель вскоре его полюбил, выучил читать и писать. Он ходил с ксендзом к больным, помогал во время богослужения, а поскольку был красивый и воспитанный, все его любили и часто давали по несколько грошей. Мальчик эти деньги ни на что не тратил, а все отдавал своей благодетельнице, у которой жил.

Он был очень набожный, особенно почитал и горячо любил Богоматерь. В молитвах он просил Бога, чтобы Он дал ему возможность стать большим человеком.

Однажды во время вечерни в костеле Ворот Зари в праздник Опеки Пресвятой Девы мальчик заснул, и никем не замеченный, соскользнул под скамейку, на которой лежал. Когда вечерня закончилась, все вышли из костела, заперев двери, и мальчик остался там один.

Ровно в полночь в костел вошли два ангела необыкновенной красоты. В легких одеждах, с большими белоснежными крыльями, ангелы держали в руках зажженные свечи, от которых шел свет ярче солнечного.

Когда ангелы разбудили спящего мальчика, он ужасно испугался, задрожал и заплакал, но, увидев на лицах ангелов неземную доброту и нежность, быстро успокоился. Встав на колени, он сложил руки в молит-

ве. Ангелы взяли его за руки и повели по лестнице наверх в часовню. При их приближении все двери сами бесшумно открывались и закрывались. Когда они оказались у алтаря, раздвинулись занавески, которые закрывали образ, и показался прекрасный лик Пресвятой Девы, освещенный грустным светом.

Один ангел промолвил:

— Поскольку ты все время молил Пресвятую Деву, чтобы Она помогла тебе стать большим человеком, и был всегда честным, добрым и набожным, Она вняла твоим молитвам. Но чтобы стать большим человеком, нужно быть богатым, иметь много денег.

Ангелы открыли ящичек у алтаря. Он был полон золотых монет. Велели мальчику брать столько, сколько он может унести. В сердце ребенка, однако, пробудилась врожденная честность, и он сказал:

— Нет, эти деньги принадлежат Пресвятой Деве, и без Ее согласия я не возьму ни одной монеты. Разрешите мне помолиться.

Встав на колени на лестнице алтаря, он поднял глаза на Пресвятую деву и начал горячо молиться. После молитвы несмелым голосом он спросил, может ли воспользоваться предлагаемыми богатствами. И, когда Пресвятая Дева приветливой улыбкой и кивком головы дала знак согласия, ребенок наложил денег, куда только мог: в карманы, за пазуху, в голенища сапог и т.д.

Ангелы вывели мальчика из часовни, а двери сами закрылись, как и были.

Мальчик пришел домой и, когда вдова спросила, где он так долго был, ответил, что ходил с ксендзом к больному.

На следующее утро, положив под подушку вдовы несколько золотых, он незаметно вышел из дома и отправился в путь.

Дошел до самой Риги и там нанялся посыльным к богатому купцу. Но купец оказался бессовестным, обманывал людей и плохо обращался с нанятыми помощниками. Увидев это, мальчик бросил купца и нашел другого, намного добрее и совестливее, у которого

служил целый год. Свое золото он зашил в курточку и очень бережно хранил. Перед сном он всегда ее аккуратно сворачивал и клал под голову. Заметив это, купец спросил мальчика, почему он так бережет свою старенькую куртку. Мальчик служил купцу без жалования, поэтому сказал, что у него только она одна и есть. Но ответ не удовлетворил дотошного купца, и мальчик рассказал всю правду и попросил взять деньги на хранение, а на проценты его обучать.

У купца была единственная дочь, которую мальчик полюбил, и она ему отвечала взаимностью. Кончив учебу, он женился на дочери купца и пригласил вдову, свою опекуншу, обеспечив ее всем необходимым и забываясь о ней как о матери. Он начал собственную торговлю, а так как был честен и совестлив, быстро приобрел большое признание и вскоре разбогател.

Разбогатев, он не забыл, кому обязан, и каждый год посылал Пресвятой Деве Ворот Зари дорогие подарки, среди которых была и упомянутая цепь, благодаря за то, что Пресвятая Дева избавила его от нищеты и жалкого существования.

(И. Коялович)

Другое предание рассказывает, что эту цепь у образа Пресвятой Девы повесил какой-то богач, который болел водянкой и был очень опухшим. Он поклялся Пресвятой Деве, что если выздоровеет, пожертвует серебряную цепь такой длины, какой мог опоясаться во время болезни. Выздоровев, он выполнил обещание.

Образ Пресвятой Девы Марии в Воротах Зари.

Костел свв. Петра и Павла⁶⁰

I

В долине прекрасных гор Антакальниса, где во времена язычников находилось святилище богини любви Милды и где в конце июня литовцы отмечали праздник Ладо⁶¹, в 1666 году стоял небольшой заброшенный костел св. Петра. В 1665 году русские войска его разграбили, и с тех пор никто о нем не заботился. Стоял он без окон, без дверей, и никаких служб в нем не было.

В литовском войске, не получавшем от польских властей жалования, начались волнения.

Миколас Казимерас Пацас, гетман литовского войска, и Гошевский с Жеромским были назначены комиссарами, чтобы уладить дело с выплатой жалования войску. Но по пустому месту хоть обухом бей. Так и эти три комиссара, не получив денег из польской казны, не могли удовлетворить законные требования воинов. Солдаты заподозрили их в бездействии и восстали⁶². Выманив из дома Гошевского, зарубили его мечами, а Жеромского, найдя в костеле св. Терезы у Ворот Зари, вытащили и так же убили. Разделавшись с этими двумя, решили убить и третьего комиссара — Пацаса. Окружили его дворец в Антакальнисе, начали искать, но ему немного раньше удалось узнать, что его ждет. Никем не замеченный он убежал и спрятался в разрушенном костеле. Вбежав в костел, он упал крестом на землю, начал горячо молиться и просить у Бога помощи. Вскоре прошел страх, будто кто-то успокаивал его. Веря, что Бог его не бросит, он спокойно ждал, что будет дальше.

⁶⁰ Это предание у Захорского имеет название «Гетман Михал Пац». (Прим. пер.)

⁶¹ Йонинес или Расу — праздник летнего солнцестояния, соответствующий Иванову дню или дню Ивана Купалы у славян. (Прим. пер.)

⁶² Отсутствие денег в польской казне — вставка Вингиса в литовский перевод. У Захорского иначе: «По подстрекательству злых людей в войске начался бунт». (Прим. пер.)

Солдаты искали его на берегу реки, в кустах, в садах, но никому не пришло в голову заглянуть в костел.

Шел час за часом. За стенами костела были слышны крики и ругань солдат, которые то приближались, то отдалялись. У дверей послышалось шуршание. Пацас был уверен, что солдаты узнали о месте его укрытия и пришли его убивать. Он опять стал истово молиться и готовиться к смерти. Кто-то осторожно, мелкими шажками, чтобы не поднимать шум, шел по костелу. В полутьме костела Пацас увидел приближающегося человека и услышал шепот.

— Господин, ты где?

Обрадовался Пацас, увидев своего верного старого слугу.

— Бежим отсюда, сюда в любую минуту могут прийти солдаты. Уже обыскали дворец и теперь рыщут в кустах.

Слуга взял своего господина за руку и отвел на берег Нериса, где уже была приготовлена лодка. Вскоре они переплыли реку и очутились в совсем безопасном месте.

Гетман Пацас решил в том месте, где так чудесно был спасен, построить каменный костел. И через несколько лет здесь стоял прекрасный храм, удивляющий своей красотой знатоков и ценителей искусства.

II

Существует еще и такое предание. Однажды гетман Пацас вышел из своего дворца, который находился недалеко от костела св. Петра, и завернул в этот разрушенный и брошенный костел. В куче мусора он увидел распятие (страсти Христовы). Руки и ноги фигуры были сломаны, а на лице было выражение странной печали. Эта находка произвела на Пацаса тягостное впечатление.

Он поднял с земли распятие, с большим почтением поцеловал и отнес в свой дворец. Вернувшись домой, он долго сидел и думал. Терзали его какие-то груст-

ные мысли. В ту ночь и в три последующих кряду ему снился один и тот же сон. Ему являлся найденный в костеле Христос и обещал за милость, которую ему оказал Пацас, помочь усмирить восставшее войско и одолеть всех его врагов.

После этих снов Пацасу пришла в голову мысль построить костел, и вскоре он принялся за работу. Не жалея средств, он пригласил из Италии каменщиков, скульпторов и живописцев, которые создали прекрасное творение.

В 1668 году в день святых Петра и Павла епископ Юргис Сапега освятил краеугольный камень и назвал костел в честь этих апостолов.

Ю. Камараускас. Костел свв. Петра и Павла в Вильнюсе. 1894.
Бумага, акварель. LDM.

Золотаренко

Утром 8 августа 1655 года, когда жители Вильнюса были погружены в молитву, в Вильнюс ворвалась сорокатысячная армия казаков, авангард русского царя Алексея Михайловича. Их вел известный своей жестокостью предводитель казаков Золотаренко. Он напал на беззащитные деревни и городишки, разорял их и затем сжигал, а жителей закалывал. Он не жалел ни стариков, ни женщин, ни детей. Отрывая младенцев от материнской груди, он раскалывал их головы о стену, протыкал копьями или живыми кидал в огонь.

Когда взбешенные дикие казаки вторглись в Вильнюс, горстка горожан и рабочих, кое-как вооружившись, пытались дать им отпор на Ратушной площади, но не устояли против такой огромной силы и были перерезаны.

Разбежались по городу казаки, грабя и убивая жителей. Напрасно часть жителей пряталась в костелах. Всех их казаки находили и убивали. Некоторых Золотаренко страшно мучил, требуя сказать, где спрятаны деньги и драгоценности. С живых сдирал кожу, жег на медленном огне ноги, выкалывал глаза, словом, мучить умел самыми разнообразными способами⁶³.

В тот день в Вильнюсе лишились жизни больше двадцати тысяч людей. Позже казаки подожгли сам город. Пожар продолжался почти месяц, и прекрасный город превратился в дымящиеся развалины. Когда приехал царь Алексей, то ему «Вильнюс в Вильнюсе искать пришлось».

Бог не простил Золотаренко греха. Он был убит в сражении у деревни Шклово. Его тело отвезли в Чехрынь и там в церкви положили на катафалк. Собралось множество людей посмотреть на страшного

⁶³ В подземелье костела св. Михаила в Вильнюсе и сейчас находится хорошо сохранившийся (мумифицированный) труп настоятельницы бернардинок Дараты Седлячинскайте, которую казаки жестоко замучили. Отрезаны пальцы на руках, нос и вывернуты ноги.

казака, но, объятые ужасом, они сразу разбежались. Труп Золотаренко то поднимался в гробу, то опять падал обратно. Лицо было жутко искривлено, а из губ вырывались ужасные стоны и вздохи.

Но люди не верили рассказам очевидцев этого явления. В день похорон собралась еще бóльшая толпа людей, и маленькая деревенская церквушка была битком набита. Все даже не могли втиснуться, и многим пришлось остаться во дворе.

Когда священники начали траурную службу, труп Золотаренко поднял кверху руки, с которых рекой текла кровь, и три раза прокричал:

— Бегите! Бегите! Бегите!

Объятые жутким страхом священники, казаки и собравшаяся толпа людей бросились бежать. Церквушка тут же загорелась, и огонь поглотил труп Золотаренко.

(Дневник Бернардинского монастыря в Вильнюсе,
а также по Л. Семенскому)

Привидение во дворе костела Базилианцев⁶⁴

В начале XVII века, во времена благословенного Юозапатаса Кунцявичюса, который был тогда архимандритом отцов Базилианцев в костеле Троицы в Вильнюсе, умерла одна старая женщина. Она была большой негодницей — всех злила своими непристойными выходками, не одну супружескую пару разлучила, не одну девушку совратила с истинного пути. Пользовалась самыми мерзкими способами для достижения своих целей. Лицемерие, клевету, ложную клятву, даже яд и тайное убийство считала лучшими способами, когда ей нужно было раздобыть денег, которые ей требовались на роскошную и развратную жизнь.

Чувство жалости было ей чуждо, она никогда никому в беде не помогала. А когда заходил к ней какой-нибудь бродяга, натравливала на него собак. Ей были свойственны презрение и ненависть к другим. Зато и ее никто не жалел, когда однажды ночью нашли ее в своем доме мертвой. Услышав, что умерла богатая «тетя», съехались дальние родственники, поделили оставшиеся богатства, а «тетин» труп похоронили во дворе костела св. Троицы.

За свою распутную жизнь грешница горела в аду, а поскольку все проклятые после смерти не успокаиваются, то и соседство только что похороненной покойницы жившим рядом с монастырем Базилианцев было не очень приятно.

Как только наступала полночь, и вся природа засыпала и видела сладкие сны, над двором костела появлялось жуткое привидение женщины с растрепанными волосами, страшно искаженным лицом и горящими диким огнем глазами. Руки и ноги проклятой были закованы в цепи, и вся она пылала огнем. Со стоном и

⁶⁴ Ks. Naramowski. *Facies rerum sarmaticarum et lithuanarum*. T. I. Cz. IV, str. 125—127.

звеня цепями, этот призрак бродил по двору вокруг костела, а иногда даже забирался на крыльцо.

Соседи по ночам не спали. Тряслись от страха. Наконец решили пойти к благословенному Юозапатасу. Умоляли его вернуть спокойствие и освободить святое место от привидения.

Набожный архимандрит позвал одного брата-монаха и ночью пошел в костел. Там они горячо молились и ждали полуночи.

Как только часы на ратушной башне пробили полночь, во дворе послышались шум, крик, визг и стон. Брат бросился к ногам архимандрита, дрожа от страха. Благословенный Юозапатас взял в одну руку чашу со Святыми Дарами, а в другую горящую восковую свечу и направился к дверям костела.

В это время от страшного вихря затряслись большие и в то время пустые стены костела, ветер со свистом ворвался в костел и погасил все лампы, горевшие в костеле. Не потухла только свеча, которую Юозапатас держал в руке. Открылись двери костела, и в них показался страшный призрак. Он пылал огнем, жутко стонал и звенел цепями. Из губ вырывалась кровавая пена, а глаза вращались и горели злобой.

Попросив помощи Бога, Юозапатас начал крестить это страшилище чашей со Святыми дарами и горящей свечой и строгим голосом приказал вернуться туда, откуда оно пришло. Приведение выло и кидалось из стороны в сторону, а святой все его нагонял и крестил. Наконец оно скорчилось и с визгом пропало, провалившись сквозь землю святого двора. Юозапатас на этом месте воткнул палку и, вернувшись в костел, оставшуюся часть ночи провел в жарких молитвах.

Как только рассвело, он позвал людей и велел в этом месте копать. Раскопав, они нашли женский труп. Он был ужасен. Весь красный, с выпученными глазами и оскаленными зубами. На руках и ногах были следы больших цепей.

Благословенный Юозапатас велел увезти труп далеко за город и там закопать в диком месте, а на могиле поставить каменный крест.

С тех пор во дворе костела больше не было привидений, люди по ночам спокойно спали и долгими зимними вечерами рассказывали сказки о призраках.

(Записано ксендзом Нарамовским)

Заколдованный клад в пещерах горы Бокшто (Башенной)

Когда-то на берегу быстрой Вильни на Башенной горе в прекрасном замке жил очень богатый вельможа. Богатства свои он и сосчитать не мог. Комнаты и подвалы замка были завалены золотом, серебром, разными драгоценностями, коврами, мехами, оружием с бриллиантами и дорогой посудой.

У богача была единственная дочь, которая славилась своей красотой, но была гордой и жестокой. Она презирала всех, кто только пробовал к ней свататься, считая их недостойными себя. Надменная гордячка из живых любила только своих собаку и петуха и никогда с ними не разлучалась. Когда умер ее отец, она завладела замком, обширными землями и всеми богатствами. Тогда она стала еще несговорчивей.

Однажды вечером во двор замка забрел нищий. Он шел из дальних краев, и, увидев прекрасный замок, решил, что найдет в нем ночлег, получит еду, а может и кое-какую помощь на будущее. Но он жестоко ошибся. Едва только он растворил ворота двора, на него набросился огромный пес, начал рвать одежду и больно укусил за ногу. Озираясь в поисках помощи, он увидел стоящую в окне красивую госпожу, которая от души смеялась и даже не думала его защищать. Задетый такой бессердечностью, старик закричал:

— Чтоб ты сквозь землю провалилась со всеми своими богатствами и замком!

В ту ночь в Вильнюсе бушевала страшная буря. Черные тучи кружили над городом, дождь лил как из ведра, ветер ломал деревья, сносил крыши, а молнии ужами ежесекундно разрезали черные тучи. Гром так сильно ударил в замок, что на том месте, где он стоял, даже следа не осталось.

Много лет прошло с тех пор. Люди рассказывают, что по ночам в подземельях Башенной горы слышны плач и стоны, лай собаки и пение петуха.

Однажды вечером один юноша, житель Вильнюса, вышел погулять и оказался на Башенной горе. Поднимаясь на гору, он порядком устал, и на вершине горы лег отдохнуть и уснул. Сквозь сон он слышал под землей вой собаки и пение петуха. Также услышал женский голос, зовущий его войти в пещеру и помолиться за наказанную грешницу, которой приказано охранять богатства за то, что при жизни она не смогла достойно ими воспользоваться. Молитва спасет ее от наказания, а ему достанутся все богатства, которые находятся в подземелье. Спаситель должен был взять все необходимые для молитвы вещи, а начатая молитва обязательно должна быть закончена. Если он этого не выполнит, все навечно исчезнет.

На следующий день юноша взял молитвенник, распятие, две восковые свечи с подсвечниками и святую воду, отправился на Башенную гору и сразу же нашел вход в пещеру.

Когда он вошел в широкий каменный коридор пещеры, вдалеке увидел маленький огонек, который при приближении становился все ярче, хотя и не было видно его источника. У стен стояли большие сундуки, а в них лежали мешки с золотом, обитые железом бочки, полные бриллиантов, рубинов и жемчугов, ларцы с различными драгоценностями, здесь же стояла золотая и серебряная посуда очень искусной работы, лежало оружие, украшенное драгоценными камнями, золотые цепочки, дорогие пояса и другие драгоценности. Эти бесчисленные богатства стерегла заколдованная девушка необыкновенной красоты. Она была наряжена в белые одежды и не двигалась. Лицо и руки были такими белыми, будто вся она была из белого мрамора как каменная статуя.

Юноша поставил на сундук распятие, рядом поставил подсвечники со свечами, зажег их, во все четыре стороны побрызгал святой водой, и, встав на колени, начал горячо молиться. Когда прочитал «Ангел Божий...» и начал читать длинные псалмы Давида, девушка задрожала, из груди вырвались тяжелые вздохи, а лицо понемногу стало розоветь, оживать и освети-

лось радостью. Юноша прочитал уже половину псалмов, как вдруг неизвестно откуда поднялся ветер, а горящие свечи стали сильно таять, — так, что пламя не могло охватить очень длинные фитили, их надо было обрезать, но было нечем, ибо юноша забыл ножницы. Он пальцами отщипнул фитиль, растерялся и прервал молитву. В тот же момент в темноте послышались стоны и полный отчаяния крик:

— Навеки погибла!

Лежавшая у ног девушки собака подняла голову и жалобно завывала. Где-то далеко, в глубине пещеры слышался резкий смех и отозвался эхом в изгибах пещеры.

Земля разверзлась, и стоявшие у стен сундуки с золотом и другими драгоценностями стали проваливаться с глухим стуком вглубь. Когда юноша во второй раз зажег свечи, он не увидел ни богатств, ни охранявшую их девушку, только на том месте, где она стояла, он заметил немного поднявшийся с поверхности сруб колодца, а в нем воду, словно окрашенную кровью⁶⁵. Невыносимый запах наполнил пещеру и заставил юношу уйти.

(Записано Нарбуттом и другими)

⁶⁵ В правом проломе Башенной горы действительно есть колодец с невысоким срубом, вода которого розовая, поскольку в ней очень много железа. Другое предание гласит, что этот кровавый колодец пробился после отчаянной битвы с крестоносцами, которые перерезали весь гарнизон Башенного замка.

Два друга

Два приятеля, весело проведя несколько часов в харчевне, вышли погулять. Когда они оказались на пустыре, недалеко от Вяльнякальниса (Чертовой горы)⁶⁶ встретили двух незнакомых вооруженных людей. Поскольку ни эти двое, ни незнакомцы не хотели уступать дорогу, тут же началась ссора и в конце концов драка. В запальчивости они выхватили мечи и стали биться. Один из друзей ударил незнакомца, и тот упал на месте с разрубленной головой. Услышав шум и звон мечей, прибежали городские стражники. Увидев охрану, тот, который был убийцей, воспользовавшись темнотой, убежал, а его приятель был схвачен и на следующий день предан суду.

Напрасно он защищался и клялся, что не он убил человека, суд приговорил его к казни — отсечению головы.

Приговор должен был быть приведен в исполнение на следующий день на Ратушной площади.

В ту ночь настоящий убийца не мог уснуть. Его терзала совесть, что он пролил кровь человека и позволил осудить на смерть ни в чем не повинного друга. Утром он услышал внутренний голос, который повелевал ему идти и признаться в содеянном, чтобы спасти невинного друга. Он вскочил с кровати и бросился на место казни. Прибежал он как раз в тот момент, когда палач в красных одеждах взял меч и готовился отрубить голову невинному. Он начал громко кричать, чтобы отменили приговор, поскольку не осужденный, а он виноват.

Дело снова было пересмотрено, и через несколько дней суд оправдал невинного, а осудил его, и там же, на Ратушной площади, палач отрубил ему голову.

(Записано Гваньини (Descriptio Pol. Fol. 78),
кс. Нарамовским, стр. 57)

⁶⁶ В XVII и в начале XVIII века часть теперешней Погулянки, а именно гора Буфало, называлась Чертовой горой.

Невинно осужденный

В 1737 году однажды утром служитель ризницы, войдя в костел св. Михаила, заметил, что костел обворован. Вор ночью влез в окно, украл дорогие чаши, золотую розу, присланную Папой Климентом VIII Эльзе Сапегене, вырвал из риз жемчужины и прихватил много других ценностей⁶⁷.

Поднялся шум, сбежалось много народу, и начались поиски святотатца. Недалеко от костела у моста Ужуписа заметили спящего под деревом человека, а возле него на земле нашли несколько жемчужин.

Это был молодой человек, подмастерье сапожника. Когда его растолкали, он долго протирал глаза и не мог понять, чего от него хотят и почему с ним так жестоко обращаются. Но когда он узнал, в чем его обвиняют, и когда ему показали найденные возле него жемчужины, доказывающие его вину, он начал плакать и клясться, что не виноват. Рассказал, что ночь провел в какой-то харчевне с несколькими своими друзьями и, возвращаясь домой в Ужупис совершенно пьяным, свалился и уснул. Каким образом оказались рядом с ним найденные жемчужины, он понятия не имеет. Может, вор, желая замести следы, специально их подбросил спящему.

Подозреваемого отвезли в Ратушу и посадили в тюрьму. Через несколько дней состоялся суд. Суд, не тронутый ни слезами юноши, ни клятвами, что он невиновен, вынес смертный приговор.

На рынке перед Ратушей все время находилась виселица, на несколько ступенек выше земли⁶⁸. В назначенный день на рынке собралась многочисленная толпа людей. Некоторые, желая лучше увидеть, как будут казнить святотатца, забрались на деревья.

Стражники подвели обвиняемого к виселице. Побледневший юноша шел, шатаясь и обливаясь слезами. Его руки были стянуты сзади веревками. Приближа-

⁶⁷ Летопись Вильнюсского монастыря Бернардинцев, стр. 180—181.

⁶⁸ На другой стороне рынка стоял «питат» или столб, к которому привязывали и били розгами менее провинившихся людей.

ясь к виселице, он начал громко читать литанию Божьей Матери. Читал он ее, и поднимаясь по ступеням, и уже стоя под виселицей. В собравшейся толпе царила такая тишина, что даже в самом отдаленном месте были ясно слышны слова молитвы. Некоторые сняли шапки и отвечали на слова несчастного, обращенные к Пресвятой Деве:

— Молись за нас!

Палач ждал, опершись о столб виселицы. Когда юноша кончил читать литанию, палач набросил на его шею петлю и толкнул с лестницы. Но несчастный еще успел проговорить:

— Мать! Покажи, что Ты есть!

В тот самый момент новенькая веревка распалась на кусочки, и осужденный упал на землю.

Со всех сторон послышались крики:

— Чудо! Отпустите его! Не убивайте!

Суд, сочтя это Божьим знамением, отпустил беднягу.

Начали искать настоящего вора. Через несколько дней у одного еврея нашли много жемчужин и слитков золота. Схваченный еврей под пытками признался, что золотую розу и блюдо, которые потом расплавил, и жемчужины купил у какого-то Балтруса, сторожа костела св. Анны.

Схваченный Балтрус признался, что в предыдущую ночь обокрал костел св. Михаила и несколько жемчужин подбросил спящему у моста юноше, чтобы отвести от себя подозрение. А украденные ценности он очень дешево продал купцам.

Балтруса казнили на Ратушной площади, перед этим выжгли огнем ладони.

Были призваны к ответу многие евреи, которых заставили вернуть купленные вещи, покрыть судебные расходы и назначили денежный штраф на нужды обворованного костела.

(Записано кс. Нарамовским Т. 1, стр. 89)

Ю. Камараускас. Костел св. Михаила в Вильнюсе. 1893.
Бумага, акварель. LDM.

Священник-злодей

В 1572 году в своем каменном доме в Вильнюсе жил очень богатый священник. Тогда как другие честные священники были всеми любимы и уважаемы, этого все ненавидели и презирали. Жадный и мерзкий, он вел распутную жизнь. Нарушил завещание одного умершего человека, доверенное ему, присвоив завещанные сиротам богатства, а их оставил в нужде и нищете. Люди говорили, что он даже несколько человек убил. Однажды, узнав во время исповеди, что у какого-то купца много денег, он его отравил и присвоил его деньги. Негодный священник не испытывал никакого раскаяния и осмеливался при этом служить в храме.

Однажды на праздник Тела и Крови Христовых злодей-священник служил утреннюю мессу в Кафедральном соборе. Вдруг он начал ошибаться, страшно побледнел, голова у него закружилась, он не мог прочитать некоторых букв, и вместо нужных слов начал сквернословить, в общем, вел себя как помешанный.

В это время в костел вошел некто Клищейка, который, хоть и был католиком, вольнодумствовал. Клищейка всех удивлял своей необыкновенной силой: легко ломал подковы, а в рукопашном бою многим намял бока. Никто не мог ему противостоять.

Клищейка 17 лет не исповедовался и за все это время сотворил бесконечно много грехов. Наконец он собрался в день Тела Христова примириться с Богом и для этого утром пришел в Кафедральный собор. Неизвестно, кто ему помешал исполнить задуманное, но он слушал мессу и горячо молился.

Услышав слова псалма, который пел священник, «Мои грехи сковали меня как путы», Клищейка упал на землю, начал биться головой о каменный пол костела, громко рыдать, стонать и кричать, так что, хоть он и упирался, пришлось вывести его из костела.

Когда его спросили, почему он так горько плачет, он ответил:

— Слова псалма напомнили мне, что я грешник великий, что никогда ничего доброго не делал, а совесть меня гложет из-за злых и нечестных поступков.

Выйдя из Кафедрального собора, Клищейка пересек двор замка и вышел за ворота, за которыми был мост через Вильню на Замковую улицу⁶⁹, но едва только ступил на мост, как услышал резкий крик: «Вернись!», и здесь же, на мосту, увидел черта, преграждающего ему дорогу в город. Черт был совсем черный, карлик с толстыми губами, за которыми торчали большие клыки. Огромные красные глаза сверкали зеленым огнем. Рука с острыми когтями показывала в сторону Кафедрального собора, и он гневно кричал: «Вернись! Вернись!».

Клищейка страшно перепугался, не помня себя, вернулся назад и, погоняемый чертом, помчался в Кафедральный собор. Здесь он столкнулся со священником-злодеем, который только закончил мессу и выходил из костела. Схватил он священника в охапку, начал мять, и, как будто желая поцеловать, прижал свои губы к его лицу и вместо поцелуя начал жевать, грызть щеки, нос, лицо священника. Несчастный вырвался и страшно ревя, ввалился в костел, в котором несмотря на раннее утро собралось довольно много народу. Клищейка, догнав его в костеле, острым ножом отрезал ему пальцы, которыми святотатец брал облатку, и опять начал кусать, рвать и душить его. Кровь, обильно сочившаяся из ран, залила лицо, руки, одежду не только жертвы, но и нападавшего.

Люди, бывшие в костеле, бросились на помощь. Но напрасно они пытались вырвать священника из рук бешеного, ибо Клищейка обладал невиданной силой и всех разбросал как перышки в стороны. До тех

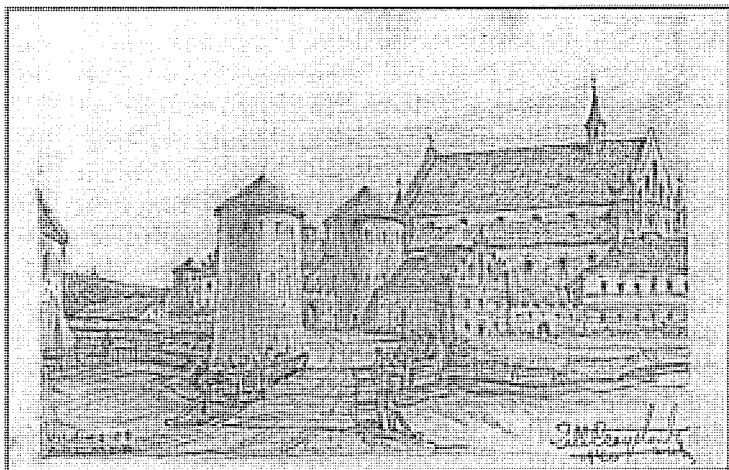
⁶⁹ Раньше Вильня текла по теперешней Королевской улице, через площадь Магдалины (Кафедральную) мимо кафедральной колокольни на Арсенальной улице и рядом с теперешним дворцом Тышкявичюса сливалась с Нерисом. Над ней были построены два моста. Один из этих мостов вел из Нижнего Замка или Замка Жрецов на улицу Сенаторов (сейчас Тилту), а второй мимо ворот Замка на улицу Пилес (Замковую).

пор он рвал свою жертву, пока тот не испустил последний вздох.

Тогда Клищейка опомнился и тихим спокойным голосом рассказал, что убитого священника совсем не знал, никогда не видел, столкнулся с ним впервые, но когда встретил на мосту черта, какая-то сила, какой-то внутренний голос приказал ему убить священника, ибо он святотатец и негодяй.

Клищейка сам отдался суду и попросил приговорить его к смерти. На Ратушной площади ему отрубили голову.

(Записано кс. Нарамовским
(Ks. Naramowski. T. I. С. IV i XXXVI, стр. 135-138))

С. Чайковский. Замковые ворота времен Витаутаса Великого. 1940.
Бумага, карандаш. LDM.

Необыкновенный ребенок

В Вильнюсе, в предместье Лукишкес жил небогатый столяр с женой и тремя маленькими детьми. Честный, добросовестный и трудолюбивый человек, он работал с раннего утра до позднего вечера, но зарабатывал очень мало. Ему едва хватало, чтобы прокормить семью и не умереть с голоду. Между тем они ждали еще одного ребенка. Его приход в мир должен был еще больше осложнить бедственное положение несчастного столяра. Но он не жаловался и не роптал, а стал упорнее работать, сокращая часы сна и отдыха. Жена столяра, видя, как трудно приходится мужу и не будучи в силах ему помочь, очень переживала и тайком от него часто плакала.

Весной у них родился здоровый сын с голубыми глазами. Однажды вечером, через несколько дней после его рождения, столяр в соседнем доме заканчивал срочную работу, а его жена, еще слабая, кормила грудью новорожденного. Мысль о том, что прибавилось еще одно живое существо, которое нужно будет одевать и кормить, сжимало сердце бедной матери. Горькие слезы полились из глаз столярши. Она начала горячо молиться и просить Пресвятую Деву, чтобы Она не оставила их, не дала погибнуть. И вдруг женщина услышала как будто с неба голос:

— Не горюй и верь. Бог дал вам этого ребенка в помощь и утешение.

В тот самый момент ребенок выпустил изо рта грудь, которую сосал, поднял голову и, ангельски улыбаясь, посмотрел матери в глаза, словно подтверждая только что прозвучавшее пророчество.

Столяр, которому жена рассказала все произошедшее, решил, что это галлюцинации, вызванные ее слабостью.

Но стали твориться невиданные, неслыханные чудеса. Новорожденный, которого окрестили Антанасом,

рос и креп с неслыханной быстротой. Через неделю он сбросил пеленки и без посторонней помощи сел, а через две недели начал ходить, заговорил, и сразу же один за другим у него прорезались зубы. Был он очень ласковым и добрым мальчиком, не доставлял родителям никаких хлопот.

Слух о необыкновенном ребенке молниеносно распространился по городу и окрестностям, и толпы людей собирались у столяра на него посмотреть, полюбоваться. Некоторые богатые горожане, знавшие столяра и видя его честную и трудную жизнь, желая помочь, давали ему работу и щедро за нее платили.

А мальчик рос и креп с каждым днем. На шестом месяце он выглядел как пятнадцатилетний подросток. Он заменял отца в работе и каждое поручение выполнял хорошо и прилежно. Работы с каждым днем прибавлялось, и столяр с сыном с трудом успевали выполнять все заказы. Пришлось нанимать нескольких работников со стороны.

В свободные от работы часы Антанелис вырезал из дерева статуэтки, чаще всего святых, и раскрашивал их в разные цвета. И здесь проявились его необыкновенные способности. Вырезанные им статуэтки были неопишуемой красоты и казались живыми, так что все их расхватывали и платили за них большие деньги.

Вырезанные Антанасом статуэтки распятого Христа и Богоматери украшали алтари вильнюсских костелов. Антанас больше всего любил мастерить фигурки Божьей Матери, которую особо почитал. За статуэтки, сделанные для костела, он никакой платы не брал, отдавал их как пожертвования.

В доме столяра поселились счастье и достаток. Он не только заметно расширил свою мастерскую, но и за несколько месяцев сэкономил столько денег, что смог простроить небольшой, но добротный домик.

Столяр и его жена, видя, как чудесно растет их Антанелис, и, радуясь счастью, которое он с собой принес, свято верили, что Господь Бог их пожалел и дал им этого ребенка в помощь, и любили его больше жизни.

И Антанелис был достоин любви. Умный, любезный, скромный, работающий, привязанный к родителям и братьям, жалевший каждого бедняка, он был любим и уважаем не только своими, но и чужими людьми.

Ему еще не было и года, а выглядел он как двадцатилетний юноша. Он был рослый, хорошо сложенный, обходительный и проворный. Но особенно красивыми были его глаза, ясные и полные любви. Многие девушки, встретившись с ним взглядом, краснели, а сердца их начинали учащенно биться. Но Антанас мало обращал внимания на манящие взгляды девушек. Он не чувствовал потребности любить. Ему хватало любви родителей и братьев.

Шли годы. Из бедняка столяр превратился в богатого горожанина, стал старшиной союза и заседателем в магистрате. Но зато Антанас стал меняться.

Его тело понемногу стало чахнуть. Через полгода он выглядел как десятилетний ребенок, а еще через несколько месяцев он сравнялся с пятилетними детьми. В конце года он перестал ходить и говорить и стал младенцем. На втором году жизни ребенок вдруг ослабел и умер на руках у матери, сердце которой от горя разрывалось на части. Видно, он выполнил Божье предназначение и больше был не нужен.

(Записано кс. Нарамовским)

* * *

Кс. Нарамовский передает также другие версии этого предания. В 1671 году в Вильнюсе родился вполне нормальный младенец, но через год начал так расти, что стал великаном (*in molem escrescere giganteam coepit*). Когда ему исполнилось два года, он начал уменьшаться и вскоре уменьшился настолько, что ничем уже не отличался от других детей его возраста.

(Ks. Naramowski. L. I. C. V. 147)

Скряга

В Вильнюсском предместье жила очень скупая бабка. Когда какой-нибудь бродяга просил у нее хоть кусочек хлеба, она не только ему ничего не давала, но и страшно злилась, обзывала его последними словами, а иногда даже собак натравляла. Был у нее единственный сын, который своим поведением совсем не походил на мать. Насколько она была злюка и скряга — настолько он был приветлив и милосерден. Не раз втайне от матери он отдавал свою еду бродягам.

Однажды, когда мать полола грядки в саду, пришел седой как голубь старичок и попросил милостыню. Бабка по своему обыкновению начала злиться, кричать, мерзко ругаться и угрожать, но старичок кротко все терпел и, кланяясь, повторял свою просьбу. Бабка, потеряв терпение, вырвала луковицу с перьями и швырнула ее старику.

Прошло некоторое время. Скряга умерла и после смерти горела в аду. Ее сын, к которому Бог был благосклонен, умолял Его, чтобы Он позволил избавить мать от адских мук. Господь Бог смилостивился, но сказал, что сын может освободить мать, только подав ей перья лука.

Пошел тогда сын на край пропасти, нагнулся над ней, протянул руку и, сказав матери, чтобы она схватилась за перья и крепко держалась, стал ее тянуть вверх.

Увидев это, другие души, горевшие в аду, захотели вместе с ней освободиться из адского пламени. Но старуха, как при жизни была злюкой и завистницей, такой и осталась после смерти, поэтому начала стряхивать и отбрасывать от себя вцепившиеся в нее души, лягать их ногами. Напрасно сын умолял мать быть спокойной, не сопротивляться, но старуха-злюка не слушала его просьб и еще больше брыкалась и толкалась. До тех пор брыкалась, пока перья лука не оборвались,

а злодейка, к большой радости чертей, рухнула на самое дно ада и осталась там навечно. А души, бывшие ближе к краю, вылезли наверх и спаслись из ада.

(I. Karłowicz. Podania zebrane na Litwie)

Камни Шнипишкес

В Вильнюсе, в предместье Шнипишкес, на правой стороне улицы Укмяргес, в садах еще недавно можно было увидеть кучу больших камней странного вида, похожих на людей.

Эти камни лежали кругом, одни из них были похожи на стоящих или сидящих мужчин и женщин, другие казались лежащими людьми. Посередине стоял большой камень, похожий на окаменевших в объятиях мужчину и женщину⁷⁰.

Эти камни связаны с таким преданием.

Одним ясным летним днем в костеле св. Рафаила произошло венчание молодого ремесленника с красивой дочкой горожанина. Созванные на свадьбу гости начали пировать еще до церемонии венчания. Угощались водкой и пивом, пели, плясали, играя на скрипках. Когда отправились в костел, все, включая молодую пару, были сильно навеселе. Во время венчания собравшиеся в костеле вели себя неприлично, несмотря на святое место, делали друг другу замечания, насмехались, издевались над обрядом и старичком священником, который связывал молодых узами брака. Молодые тоже вертелись, часто оборачивались, перекидывались фразами с друзьями и подружками, хихикали и совсем не обращали внимания на обряд. И более того, молодой, поцеловав крест, который ему подал священник, смачно плюнул в сторону. Такое поведение жениха вызвало общий смех.

Задетый этим святотатством, старенький священник обругал собравшихся и, кончая церемонию, сказал:

— Как бы только Господь Бог не покарал вас!

Как только священник произнес эти слова, все горевшие в алтаре свечи погасли.

Шумя и смеясь, участники церемонии вышли из костела и завернули на улицу Укмяргес в дом родителей невесты на свадебный пир.

⁷⁰ Эти камни осматривал А.Х. Киркор, который упоминает о них в путеводителе по Вильнюсу. Изд. 1862 г., стр. 253. (Прим. Захорского)

Впереди шли скрипачи, пилякая веселые мелодии, за ними, окружив молодую пару, притоптывая и напевая грязные песенки, следовали сваты.

Смеялись они над священником и его угрозами, а жених сказал:

— Интересно, как это может Бог нас покарать?

Как только он это произнес, в ясном небе появилось огненное облако и с неопишуемой силой налетело на свадебную компанию. Вдруг, словно удар грома, под самые ноги смеющихся и сквернословящих упал огненный клубок и миллионами искр рассыпался во все стороны. Поднялось облако пыли и всех накрыло. Когда пыль рассеялась, прохожие увидели невиданное, неслыханное зрелище. Многих до костей пробрала дрожь от страха. — Вместо шедших и веселившихся молодых парней и изящных девушек они увидели груду камней. Новобрачные окаменели в объятиях и остались стоять посередине толпы.

(Записано А.Х. Киркором)

Волчья лапа

На юге от Вильнюса, недалеко от города, у гор Панеряй есть местность; называемая Вилкапедис (Волчья лапа, поляки ее называют Wilcza Łapa). Там у дороги, между железнодорожной больницей и железной дорогой на Варену находится большой камень, на котором два следа, будто отпечаток лапы какого-то зверя. От этого камня местность и получила свое название. Он связан с такими преданиями⁷¹.

I

Властелин ада Люцифер послал одного чертенка на землю поохотиться за людскими душами. Тот бродил, бродил по окрестностям Вильнюса, притомился и, увидев большой камень, сел на него отдохнуть. Поскольку ему удалось совратить с пути истинного немало людей и пополнить ими ад, он начал важничать и хулить Творца, хвалясь, что он сильнее и могущественнее Его. Услышав это, Господь Бог послал в то место ангела. Ангел, увидев сидящего на камне черта, сказал:

— Ты хвастаешься своей силой, так покажи ее. Если ты такой силач, то разотри в пыль этот камень, на котором сидишь.

Черт, доверяя своим силам, живо соскочил с камня и уперся в него лапами, — а у него как раз были волчьи лапы. Напрасно он тужился и скулил, пытаясь раздробить камень, даже язык до бороды вытянулся, глаза от большого напряжения на лоб вылезли и кровью налились, а сам весь покрылся вонючим потом. Твердый камень не поддался, только лапа его немного погрузилась в него и оставила след.

Застыдился чертенок, огорчился и, поджав хвост, потащился в ад.

⁷¹ За эти предания я благодарен профессору Станиславу Кошчалковскому, который слышал их от жителей Вилкапедиса. (Прим. Захорского). Эти предания жители Вилкапедиса до сих пор еще рассказывают. (Прим. Вингиса)

II

Другое предание таково:

Прогуливаясь у гор Панеряй, черт здорово проголодался. Здесь он увидел пасущуюся молодую козочку и захотел ее схватить и сожрать. Превратился он в волка и напал на козочку, которая помчалась от него во всю прыть. На дороге лежал большой камень, который козочка никак не могла обогнуть. Сообразительный черт быстро понял, как устроить козочке ловушку, чтобы быстрее ее поймать. заколдовал он камень, превратил его в тесто и подумал, что коза на бегу застрянет в тесте и он ее схватит. Но ошибся хитрец. Проворная и легкая козочка одним махом перепрыгнула через камень. Только задняя нога немного задела его поверхность, оставив след копыта.

Прыгнул через камень и черт и тоже оставил след своей волчьей лапы. В это время козочка успела удрасть, а черт остался ни с чем. Голодный, он потащился в ад, потому что на горах Панеряй слышалось звонкое петушиное

— Ку-ка-ре-ку-у!

Статуя Христа в Шнипишкес

I

Сразу за Зеленым мостом, у улицы Калварию есть небольшая насыпная горка, живописно поросшая сиренью. На ее вершине стоит четырехугольный каменный столб с беседкой под крышей, а наверху поставлен крест. В беседке стоит статуя Христа, несущего на плечах крест.

По преданию эта горка — братская могила погибших под Вильнюсом крестоносцев. А на самом деле в древности на этой горке была построена небольшая деревянная крепость, охраняющая переправу через Нерис. В XVII веке во время войн эта крепость была разрушена. Тогда один житель Шнипишкес построил на горке каменный столб с деревянной статуей св. Иоанна Непомуцкого. Ничем не прикрытая статуя от дождя и снега быстро сгнила, а каменный столб разрушился.

Когда в 1703 году здесь же был построен костел св. Рафаила, несколько месяцев спустя иезуиты на том же месте поставили другой каменный столб с беседкой, чтобы новую статую св. Иоанна, которую начальник иезуитов заказал у одного вильнюсского резчика по дереву, Йонаса, защитить от дождя и снега. За статую договорились заплатить 8 талеров.

Предание так повествует об этой статуе Господа Иисуса. Резчик Йонас с семьей (трое детей и жена) жил в своем домике у улицы Калварию, где была его мастерская.

Получив заказ от начальника иезуитов, Йонас не мог сразу его выполнить, потому что на долгое время должен был уехать из Вильнюса. В 1709 году он вернулся из путешествия и уже собирался взяться за работу, но как раз в это время в Вильнюсе разразилась чума, какой еще никогда там не было.

Немного раньше там свирепствовал голод, который Залускис, его свидетель, описал так: «У нас нужда, какой никто не видывал и в истории ничего подобного читать не приходилось... В июле месяце один монах св. Роха с помощью других начал хоронить умерших, и с июля (1709 года) до самой Великой Субботы (1710 г.) включительно было записано 22.862 умерших... Когда находили где-нибудь издохшую лошадь, или она где-нибудь падала, сбегавшаяся толпа ее тут же раздирала и поедала. Если видели где собаку или кошку — хватали как огромное лакомство. Некоторые бегали по деревням и поджигали хлева, и привязанных обгоревших животных съедали. Недалеко от Вильнюса муж с женой сначала убили своего младенца, потом старшего, семилетнего, приготовили и съели. Другие трупы ели».

Спасаясь от голода, деревенские жители толпами хлынули в Вильнюс, заполняли его улицы, отчаянными голосами просили хлеба и падали замертво как мухи. Груды трупов валялись во дворах, на улицах и площадях. В самом Вильнюсе в это время вымерло 30.000 христиан и 3700 евреев. Страшное впечатление производил город, забитый толпами людей, воющих от голода и умирающих в страшных муках на улицах. От голода и чумы Вильнюс так опустел, что во многих каменных домах не осталось ни одной живой души. Таких домов очень боялись, и они почти 40 лет стояли пустыми⁷².

Кто только мог, бежал из зараженного города.

Так думал сделать и Йонас, желая спасти от страшной чумы себя и свою семью. Однажды ночью во сне, а может и наяву (этого резчик точно сказать не мог) явился ему Христос в красных одеждах, несущий на плечах большой крест, и сказал:

— Йонас, как можно быстрее сделай из этого куска дерева статую, только не другую, а такую, как меня сейчас видишь. Ни тебя, ни твою семью никакая болезнь не тронет, если меня послушаешь. Запомни!

⁷² Как памятный знак этого страшного несчастья на наружной стене костела свв. Петра и Павла написана картина, изображающая голод и чуму в Вильнюсе 1709—1710 годов.

Йонас отказался от решения уехать из Вильнюса, принялся за работу и за год вырезал статую Спасителя, несущего крест.

За все время чумы никто в доме Йонаса не болел, хотя вокруг люди умирали сотнями.

Когда чума закончилась и иезуиты вернулись в Вильнюс, Йонас пошел к начальнику и попросил принять вырезанную им статую Спасителя и поставить на столб в беседке. Согласился даже на меньшую оплату, но начальник отказался и объяснил, что столб предназначен для св. Иоанна.

Вскоре одному монаху-иезуиту, серьезному и всеми уважаемому старику, явился Христос и потребовал взять у резчика статую. Старик пошел к ксендзу-эконому Семпинскому, который его отвел к начальнику, ксендзу Птакасу. Тот, выслушав рассказ старика о явлении Христа и видя его волнение, приказал взять у Йонаса статую и заплатить ему назначенную сумму. Поскольку начальник думал, что не имеет права поставить статую на столб, предназначенный для св. Иоанна, без ведома начальства, то приказал поставить ее в сакристию.

Прошел почти год. Однажды, хлопоча по хозяйству, брат Антанас Рихтерис услышал в хранилище голос:

— Долго вы будете меня держать в этой пещере?

Понял брат, что этот голос он слышит из уст статуи Господа Иисуса, ведь кроме него никого больше в хранилище не было. Испугавшись, побежал он к начальнику и рассказал обо всем случившемся.

Это событие подействовало на начальника, и он решил поставить статую Спасителя в беседке на столб. 9 мая 1720 года статуя была торжественно перенесена.

II

В доме Червинскене⁷³, на углу улиц Вильняус и Траку был сторож, некий Матас Пакулавичюс⁷⁴, 57 лет от роду, у которого несколько лет болели глаза. Он ле-

⁷³ У Захорского — Червинская. (Прим. пер.)

⁷⁴ У Захорского — Матеуш Покулович. (Прим. пер.)

чился у врачей, советовался с заклинателями, пробовал все, что только предлагали, но никто бедняге не помог, и в октябре 1845 г. он совсем ослеп.

В 1847 году накануне Грабничёс⁷⁵, когда Пакулавичюс уже лег и задремал, он услышал голос:

— Приди ко мне и почисть меня, я тебя вылечу, и ты прозреешь!

На следующую ночь он опять услышал тот же голос. Тогда старик осмелел и спросил:

— Куда я должен идти?

На это получил ответ:

— Знаешь столб за Зеленым мостом на горке, там Господь Иисус крест несет. Туда иди и почисть меня, и ты прозреешь. Если не сможешь меня почистить, то зайди в костел св. Рафаила, а когда уже сможешь, тогда приди и почисть.

На следующий день рано утром Пакулавичюс взял лопату и пошел в указанное место. Но горка была так занесена снегом, что старик увяз в нем по колени и насилу выбрался. Огорченный он вернулся домой и обещал почистить горку весной, когда снег немного тает. В тот же день он пошел в ближайший костел Бонифратров и там горячо молился Господу Иисусу, повторяя обещание, что весной действительно очистит горку и поправит столб. Начал он жалобно плакать, а когда вытирал платком льющиеся из глаз слезы, казалось, будто что-то на платке остается, будто мрак, застилавший ему глаза, проясняется. Он стал различать предметы все лучше и через несколько минут совсем прозрел. Обрадовавшись, старик вымыл глаза водой из церковного колодца и счастливый вернулся домой.

Теперь старик уже ходил на работу, накопил несколько рублей. Весной на эти деньги он нанял работников, оштукатурил столб, по-новому перекрасил статую, а горку сам хорошо очистил и починил цепь. Все, что ему было сказано в видении, сделал, а собрав-

⁷⁵ Грабничёс или Грамничёс (по-польски — *N. Panna Gromniczna*) — католический праздник, отмечаемый 2 февраля. В этот день в костелах освящаются свечи, называемые грабничными или грамничными, которые зажигались для защиты от бури и грозы. Название произошло от польского *gromnice*. (Прим. пер.)

шимся людям рассказал о своем чудесном выздоровлении.

С тех пор статуя Христа в Шнипишкес признана чудотворной и благословенной.

(Из сведений о чудотворных изображениях
в Вильнюсе, 1863 г., стр. 31)

И. Хруцкий. Шнипишкес. 1848.
Литография. LDM.

Отец Мельхиор и дьявол

Под Доминиканским костелом св. Духа в Вильнюсе есть большие подземелья, которые когда-то были забиты гробами. 50 лет назад гробы перенесли в один склеп, поставили один на другой до самого верха и наглухо замуровали.

В одном из склепов, среди обломков гробов, разложившихся костей и гнили, еще совсем недавно можно было видеть сидящий в железном кресле труп монаха-доминиканца. Покойник был одет в белую рясу, голова его была опущена на грудь и полностью скрыта под капюшоном.

Рассказывают, что это были останки благословенного отца Мельхиора из Варки, известного проповедника, умершего в Вильнюсе в 1602 году. Умирая, он пел "Subvenite Sancti Dei".

Отец Мельхиор славился своей честностью, образованностью и красноречием. Его проповеди собирали в костел св. Духа (Доминиканского) толпы людей, слушающих, затаив дыхание, вдохновенные слова священника.

Отец Мельхиор всем своим горячим сердцем ненавидел дьявола и объявил ему смертельную войну. Он предупреждал всех о злобе и коварстве, с помощью которых дьявол пытается свести людей с пути истинного, живо изображал ужасы и муки ада, которые ждут грешников.

Силой слова и своим примером набожный священник многих заблудших овец вывел на праведный путь, вырвал из пасти ада и вернул небесам.

Отец Мельхиор также славился тем, что изгонял бесов.

Дьявол в свою очередь бесился и всем своим адским сердцем ненавидел честного монаха. Он испытывал разные средства, чтобы только нарушить спокойствие монаха, и не раз, когда отец Мельхиор в жуткой тишине монастыря в своей маленькой келье у лило-

вой лампы читал книги или был погружен в духовные раздумья, дьявол плел соблазнительные образы перед его глазами. Маленькая келья превращалась в прекрасный дворец с дорогой мебелью, великолепными коврами, множеством прекрасных картин, свечами в серебряных подсвечниках. Стол ломился от вкуснейших блюд, фруктов, вин, лакомств, которые возбуждали у монаха аппетит и вызывали жажду. В других случаях дьявол превращался в девушку неопишуемой красоты, которая нежно протягивала к монаху свои белые руки, манила взглядом и улыбкой.

Однако все способы искушения были напрасны. Отец Мельхиор был непреклонен и только еще пуще молился. Тогда дьявол пытался испугать монаха другими способами, оборачиваясь разными страшилищами, чудовищами, ящерами, жабами, змеями. Но им приходилось убираться восвояси скрежеща зубами, когда отец начинал кропить их святой водой и осенять крестом.

Избавившись от дьявола, отец Мельхиор обнажался по пояс, снимал со стены розги, становился на колени перед распятием, стегал себя и молился до тех пор, пока не изнурял себя окончательно, падал на каменный пол и засыпал.

Однажды дьявол осмелился даже зайти в ризницу, и когда отец Мельхиор пришел и начал готовиться к мессе, он обернулся рыжим псом и хотел помешать ему, путался под ногами, рвал одежду, скулил, рычал. Потеряв терпение, ксендз схватил его за шкуру и так вышвырнул за дверь, что дьявол улетел на самое дно ада, а монах спокойно отслужил мессу.

(Из жизнеописаний святых проповедников)

История о праведно обращенном⁷⁶

(Маасе Гер-Цедек⁷⁷)

Еврейское предание

Жил в Польше важный господин Пот...кий, у которого был умный сын. Когда мальчик вырос, отец послал его для завершения обучения в Париж. Там он встретился и подружился с молодым Зарембой, сыном небогатого дворянина из Жемайтии. Заремба учился в Вильнюсе, а поскольку был очень способным и превосходил в науках своих сверстников, ему дали большую сумму денег и послали в Париж, где он был с большим почетом принят.

Однажды два товарища пошли осматривать достопримечательности Парижа. В одном винограднике они заметили шатер, а в нем сидящего за книгой старого немецкого еврея. Книга была на незнакомом им языке. На вопрос молодых людей старик ответил, что язык этот древнееврейский, и по их просьбе пересказал им содержание нескольких разделов.

И слова Завета вошли в их сердца, и попросили они старика их научить, а сын магната обещал ему щедро заплатить. С тех пор три раза в неделю Пот...кий и Заремба ходили к еврею на уроки и за полгода выучили все Пятикнижие. И стали они другими людьми, обучаясь Ветхому Завету. Они стали пропускать занятия в Академии и не ходили в молитвенный дом.

Однажды пошли они вдвоем прогуляться по полю. И сын магната сказал своему товарищу:

— Брат, я тебе открою все тайны сердца моего, но ты их не разглашай. В глубине души я решил поехать в Амстердам, чтобы принять иудаизм, поскольку вера иудейская истинна, как мы знаем.

⁷⁶ Это предание Вингис не включил в литовский перевод. (Прим. пер.)

⁷⁷ На иврите дословно — «Сказание о праведно перешедшем в иудаизм». Гер — 'человек, родившийся не евреем и принявший иудаизм', Цедек — 'справедливость, праведность'. (Комментарий Керен Дубнов)

И сказал Заремба:

— Как ты, так и я. И я так сделаю, когда у меня будут деньги на дорожные расходы.

И поклялись они, и заключили между собой договор, и сказали:

— Бог нам свидетель!

Сын магната поехал в Рим, чтобы выяснить, какая вера истинна. И Папа принял его с большим почетом, учился он в Папской Академии, и каждую неделю он устраивал пиры для всех господ папского двора, а их слугам дарил дорогие подарки. И от них узнал он о нравах Папы, что вовсе не такой он набожный, каким старается казаться, что совсем он не восходит на небо, как о нем говорят, а просто сидит себе в самой дальней комнате.

И убежал из Рима Пот...кий, сел на корабль и приплыл в Амстердам и перешел в иудейскую веру. Тем временем Заремба закончил обучение в Париже и, не имея от приятеля никаких известий, вернулся на родину. Проезжая мимо доброго гетмана Тыш...ча, который был приятелем его отца и дал ему денег на обучение в Париже, он остановился в его дворце на ночлег. Тыш...ич принял его с большим почетом и задержал на пару месяцев, а когда мудрый Заремба собрался уезжать, сказал ему гетман:

— Открою тебе тайну сердца моего, отдам тебе в жены единственную свою дочь, потому что я тебя полюбил.

И Заремба взял на счастье в жены дочь гетмана, и стал этот молодой человек очень большим господином. И все нужды края стали зависеть от его решений. А когда жена подарила ему сына, целый месяц длились большие пиры, и от радости и упоения забыл Заремба клятвы и обещания, которыми делился в Париже со своим приятелем.

Тем временем пришли из Польши письма, что исчез бесследно сын большого магната Пот...ого.

Когда Заремба это услышал, он очень испугался, что забыл о клятве, решил ее сдержать и поехать в Амстердам, хотя ему и не хотелось расставаться с женой

и сыном. Но жена с ребенком поехали с мужем сначала в Каралячюс (Кенигсберг), где они жили год, а потом в Амстердам, и поселились там в прекрасной квартире.

На следующий день пошел господин Заремба к Раввину, который в специальном помещении обрехал его и его пятилетнего сына.

Жена его, не дождавшись мужа вечером, пошла его искать, а он послал слугу сказать ей, чтобы она его не искала, поскольку он перешел в иудейскую веру. Когда она это услышала, упала без чувств, а очнувшись, пошла туда, где был ее муж, стала плакать, просить и говорить:

— И я перейду в иудейскую веру.

Несколько месяцев училась она у женщин еврейскому закону, а когда хорошо его выучила, Даян, судья, велел женщинам окунуть ее в воду⁷⁸. И стала она иудейкой. И жили они в Амстердаме долгое время, а потом поехали в израильские земли.

А Гер-Цедек (Пот...кий) поехал в Германию, оттуда в Россию, но тоскуя по родине, вернулся в Литву и приехал в город Ильи⁷⁹. Там в синагоге однажды он приструнил мальчика, который себя непристойно вел. Разгневанный отец мальчика пошел к властям и объявил, что здесь находится Гер-Цедек. Послали слуг и, закованного в железные кандалы, отправили его в столицу Вильнюс. И узнали большие вельможи, что он сын магната Пот...ого, схватили его и спрашивали:

— Откуда у тебя такая глупость?

А когда он им ничего не ответил, разозлились и сказали ему:

— Почему не отвечаешь? Ведь речь идет о твоей жизни.

— Вы глупцы. Не отвечаю вам, потому что вы меня назвали не моим именем. Я иудей, мое имя Абрахам, а вы меня зовете Пот...ким, а это гойское имя.

И посадили его в тюрьму. Туда пришел епископ, держа в руках золотой крест, и сказал ему:

⁷⁸ Обряд, совершаемый при переходе женщин в иудейскую веру — вроде крещения. (Прим. Захорского)

⁷⁹ Возможно, имеется в виду Ивье (Ивие), ныне город в Белоруссии. (Комментарий В.В. Мочаловой)

— Отдай мне должную честь.

Он на это ответил:

— Я отдал бы честь и шапку бы снял перед вами, поскольку вы большой господин, а я еврей, человек мелкий и позорный, но поскольку вы держите крест, перед вами шапку не сниму.

Гер-Цедек сидел в тюрьме целый год, даже от большого огорчения стали выходить из него черви. А он возвратил червей назад, говоря:

— Уничтожьте мое тело, поскольку мое тело не из кошерного мяса.

А на второй день праздника Швуэс⁸⁰ вынесли решение его сжечь. Перед сожжением его очень просили, чтобы он обратился в их веру, а он ответил страшными ругательствами, и велели тогда палачу вырезать ему язык и вытянуть его через шею.

А еврей в эти дни испытал большой страх, и никто из них не вышел из своих домов. Только вышел Рабби Лейзер Гисикес, у которого не было бороды, и пришел на место сожжения, подкупил палача и получил от него пепел сожженного тела набожного и чистого человека, а у нескольких гоев взял крови святого.

Одна гойка засмеялась и раскрыла рот, когда палач вырезал его язык и искривлял его святые уста, в тот момент эта гойка онемела, и рот ее скривился навсегда.

Несколько кожевников дали дрова, чтобы сжечь святого. В тот же час сгорели их дома дотла. Так пусть сгинут все Твои враги из-за пролитой крови Твоего слуги.

На следующий день пришло письмо по почте, чтобы его не казнить, но было уже поздно.

(По Крашевскому)

⁸⁰ Троица. (Прим. Захорского) На самом деле этот еврейский праздник ничего общего с христианской Троицей, конечно, не имеет. Это праздник дарования Торы, который празднуется через 49 дней после Песаха, 7 севана, что по солнечному календарю соответствует июню. (Комментарий Керен Дубнов)

Рабби Элия⁸¹

Еврейские предания

I

Большие распри были в Вильнюсе между хасидами и Eulemsze⁸². Дошло до того, что при встрече враги отворачивались, чтобы друг друга не видеть, и переходили на другую сторону улицы, чтобы не столкнуться друг с другом. Женщины не брали из одного колодца воду и в одной лавке мясо.

Причиной распри был выбор раввина, насчет кандидатуры которого никак не могли договориться. Eulemsze хотели, чтобы раввином был праведный Рабби Элия, да будет благословенна его память, которому равных не было во всех семи науках, а хасиды не соглашались с этим и кричали, чтобы раввином был другой хасид.

Началась страшная суматоха. У синагоги собрались толпы хасидов и Eulemsze, противники стали говорить друг другу непристойные вещи, угрожать и кричать так, что поднялся большой шум, а праведный Рабби Элия послал хасидам страшное проклятие — херем. Потом началась драка, у кого была палка в руке, тот бил палкой, у кого не было палки, тот дрался кулаками и дергал противника за бороду и пейсы. Полилась кровь, а шум был такой, что слышно было не только в замке, но и во всем городе.

И схватили Рабби Элию и увели его в замковую тюрьму, и посадили в подвал, а у тюрьмы поставили сильных стражников, чтобы никто не приходил и не говорил с праведным.

⁸¹ Это предание Вингис не включил в литовский перевод. (*Прим. пер.*)

⁸² Последователи, сторонники Элии: [Eylem] — литовский диалект от идишского [oyelem] 'мир, публика' (*комментарий В.В. Федченко*). Еврейские секты в Вильнюсе в XVIII в. Хасиды — секта набожных мистиков, Eulemsze — светская секта. У хасидов власть раввинов была неограниченной, они могли даже изменять Талмуд и его толкование. В конце XVIII в. эти секты поссорились из-за выборов раввина. Дошло до того, что пришлось вмешаться властям и посадить в тюрьму нескольких членов Eulemsze, а вместе с ними их кандидата Рабби Элию. Элия умер в 1797 г. С его смертью закончилась борьба упомянутых сект. (*Прим. Захорского*)

И был Рабби Элия очень голоден, поскольку стражники не разрешали приносить для него из города кошерную пищу, а некошерную, которую ему давали гойи, он принимать не хотел.

Но стал приходить ежедневно в тюрьму прекрасный юноша в белых одеждах и приносить для Элии еду. Это был Ангел, и когда он приходил, стражники его не видели, а двери тюрьмы открывались сами, и охрана не видела этого тоже.

Рабби Элия ел и уже не чувствовал голода. Юноша говорил ему красивые речи, и Рабби уже не грустил, пел псалмы Давида и славил Бога.

II

Праведный Рабби Элия, да будет благословенна его память, был из большой семьи священников, члены которой первыми в синагоге слушают чтение Торы⁸³, никогда не ходят на кладбище и не прикасаются к умершим. Прикасаются только к телам умерших отца, матери и близких родственников.

Не ходил на кладбище и Рабби Элия и не касался умерших. Так было всегда. Но когда умер в Вильнюсе бедный портной Лейзор и везли его тело на кладбище, пошел за ним Рабби Элия. Подошли к нему люди и спросили:

— Что случилось, Рабби? Ты никогда не ходил за умершими, а за портным Лейзором идешь?

— Вы не видите того, что мне дано видеть. Этот человек пел всегда и дома, и в синагоге псалмы Давида. Сейчас царь Давид за ним идет, только никто его не может видеть, а я вижу царя Давида и поэтому тоже иду.

(По Ю.И. Крашевскому)

⁸³ Имеются в виду когены, потомки первосвященника Аарона, которым как потенциальным служителям храма в Иерусалиме запрещается «оскверняться»: они не могут ходить на кладбище, прикасаться к мертвым и т.д. Если в синагоге есть член этого рода, он всегда вызывается читать первую из семи частей недельной главы Торы. В европейской традиции они не читают Тору, а только вызываются к ней. *(Комментарий Керен Дубнов)*

Ю. Камараускас. Старая Вильнюсская синагога. 1899.
Бумага, акварель. LNM.

Наказанный сквернослов

Иезуиты, приглашенные в Вильнюс в конце XVI века для борьбы с распространяющейся реформацией, завладели костелом св. Иоанна и старались как могли расположить к себе людей, пытаясь повлиять на их воображение. Для этого они устраивали торжественные службы, процессии, зрелища и публичные диспуты.

В наружной стене костела св. Иоанна, в том месте, где теперь стоит памятник Хрептавичюсам, иезуиты поставили в нише статую Божьей Матери Лоретской и перед ней часто устраивали торжественные службы.

В 1668 году однажды вечером нишу украсили разноцветными лампадами и цветами. Улица Пилес (Замковая) была забита стоящими на коленях людьми, поющими вместе со священниками литанию Пресвятой Деве.

Еще служба не закончилась, когда среди стоящих на коленях и молящихся людей начал протискиваться один шляхтич-отступник. Но у него не очень получалось, потому что люди стояли тесно, плечом к плечу.

Разгневанный шляхтич остановился перед статуей Божьей Матери, уперся руками в бока, даже шапку не снял и начал громко сквернословить:

— Смотрите на них! Как эти паписты почитают своего идола! Боже милостивый, как Ты можешь терпеть это их идолопоклонство? Никогда в Вильнюсе такого не видывали, не слыхивали, а теперь такая толпа бесстыдно какой-то кукле поклоняется.

Разозлились люди за такое пренебрежение к священному и чуть не разорвали на куски отступника. Сильно избитого его освободили ксендзы.

Но его ждало другое наказание.

По пути к своему дому шляхтич услышал страшный крик и плач. Чувствуя, что случилась какая-то беда, он влетел в дом и увидел труп своего любимого

го и единственного шестилетнего сына, который в то время, пока его отец сквернословил у статуи св. Девы, выпал из окна и разбил голову о камни.

Рано утром примчался из его усадьбы слуга и сообщил, что ночью волк ворвался в овчарню и задрал всех его овец.

Но несчастья на этом не прекратились. В тот же день заболела его шестнадцатилетняя дочь какой-то неизвестной врачам болезнью и через несколько часов умерла на руках безутешных родителей. Не вынес всех этих ударов отступник. Разорвалось его сердце, и сам он умер.

(Записано Ю.И. Крашевским ("Wilno", Т. III))

Костел св. Иосифа и св. Никодима

За Воротами Зари, с левой стороны, во дворе углового дома (Миссионерского) есть двухэтажный каменный жилой дом. В части этого дома сохранились следы церковной архитектуры, а именно фрагмент фасада и абсида.

Когда-то это был костел свв. Иосифа и Никодима, построенный в 1625 г.

В конце XVIII столетия во время бушевавшего в Вильнюсе пожара костел так сильно обгорел, что даже не стали его восстанавливать, просто закрыли, а утварь вынесли. Позже костел превратили в жилой дом.

Жители Вильнюса рассказывают, что иногда около полуночи там слышны звон колоколов, звуки органа и песнопения. Также горит свет. Это умершие настоятели поднимаются из могил и на развалинах костела проводят службы.

(Записано Ю.И. Крашевским ("Wilno", Т. II. 263))

Загадочный чужеземец

Летом 1845 года жители Вильнюса были потрясены странным событием. Однажды рано утром набожные люди, пришедшие в костел св. Иоанна помолиться, нашли сидящего у дверей служителя из ризницы помешанным. Вечером он был еще совсем здоров. Несчастный безумно озирался и улыбался, играя старинными золотыми монетами, которые лежали около него на земле.

Все ломали головы, гадая, от чего мог помешаться служитель и откуда он взял золотые монеты, но никак не могли это объяснить. Всем было только ясно, что его болезнь как-то связана с этими монетами. Большинство предполагало, что он нашел в каком-нибудь склепе, которых было множество под костелом св. Иоанна, большой клад и, должно быть, чего-то очень испугался.

Сообщили полиции, которая начала расследование. Золотые монеты, в основном польские, были XVI и XVII веков. Среди них было несколько более старых и монет других государств. Старательно обыскали костел и склеп, но не нашли ничего, что хоть как-нибудь помогло бы прояснить запутанную ситуацию. Одно только было ясно, что в ту ночь служитель должен был с кем-то драться, поскольку на руках и лице его было множество синяков и ссадин, одежда была смята и местами порвана.

У помешанного ничего нельзя было выпытать, потому что он ни на какие вопросы не отвечал, казалось, он их не слышит. Он только что-то непонятное бормотал под нос, боязливо озирался, иногда подпрыгивал и как бешеный бросался на людей. Пришлось его связать и положить в больницу для помешанных монастыря Бонифратров.

Жена служителя в слезах рассказывала, что вчера вечером зашел к ним какой-то незнакомец, наверное, иностранец, потому что с трудом можно было понять,

что он говорит. Увел он мужа в другую комнату, и там они тихо и долго о чем-то договаривались.

В одиннадцать часов ночи служитель вышел из дома и больше не вернулся.

В те времена Вильнюс не был таким большим и обжитым городом, как сейчас. В нем было всего около 40 тысяч жителей. Вся жизнь кипела на рынке перед Ратушей. Там по утрам собирались люди всех сословий. Там делились всякими новостями и сплетнями.

В тот день, когда был найден у костела помешанный служитель, рынок был особенно оживлен, а настроение толпы было приподнятым. Повсюду говорили о событиях прошедшей ночи, и каждый что-то к ним прибавлял, все обменивались предположениями.

Но вскоре всеобщее внимание привлек к себе слуга гостиницы «Италия»⁸⁴, находящейся напротив Ратуши. Он рассказал, что вчера утром в одной из комнат гостиницы остановился какой-то чужеземец, кажется, итальянец. Весь день он провел в городе. Вечером вернулся в гостиницу и заперся в своей комнате. Неизвестно, что он там делал, только все время был слышен шелест бумаги. Поздно вечером он позвал гостиничного слугу, оплатил счет и, взяв небольшой кожаный чемодан, ушел. По описанию он был похож на того человека, который заходил к служителю костела и его увел. Многие люди встречали его в городе, кто-то видел его в столовой Йодкаса, где он ел макароны, некоторые сталкивались с ним в лавке, когда он покупал дорогие сигары, видели этого чужеземца и в костеле св. Иоанна, когда он с интересом его разглядывал и словно мерил шагами. Словом, каждый шаг иностранца вскоре стал известен, только не знали, куда он попал.

Никто ни на минуту не сомневался, что чужеземцу известно потайное место в костеле, где был спрятан клад. Он, видно, подкупил служителя и с его помощью вошел в костел, украл золото и потом хотел его убить как нежелательного свидетеля.

⁸⁴ Гостиница с таким названием и сейчас есть в Вильнюсе у Большой улицы, недалеко от Ратуши. (Прим. Вингуса)

Полиция опросила свидетелей, еще раз осмотрела костел и его подземелья, комнату в гостинице «Италия», в которой останавливался чужеземец, но нигде ничего подозрительного не нашла, только в гостиничной комнате обнаружила смятую старую итальянскую газету и в печке немного пепла от сгоревшей бумаги.

В тот же день в полицию привезли какого-то неизвестного пьяного до бесчувствия человека. Он был найден утром за ограждениями Погулянки⁸⁵. Вызванный врач привел пьяного в чувства, и тот рассказал, что он извозчик и вчера договаривался с каким-то немцем отвезти его в Тракай. Около часу ночи, как и договаривались, извозчик ждал его в начале улицы Доминиканцев. Тот наконец пришел с улицы св. Иоанна со стороны костела св. Иоанна, неся небольшой кожаный чемоданчик. Но чемодан был такой тяжелый, что они вдвоем едва его погрузили на повозку.

Не доезжая до ограждений Погулянки, немец велел остановиться у какой-то харчевни, где чужеземец сам хорошенько закусил и щедро угостил извозчика. Угощал его водкой, пивом, а в конце приказал ему выпить залпом полный стакан водки. Переехав шлагбаум, извозчик почувствовал, что ему плохо, потерял сознание и больше ничего не помнит. В его кармане нашли несколько золотых монет, но зато пропали бричка и лошадь.

Была поставлена на ноги вся полиция, во все стороны разослали сыщиков, но все было напрасно. Чужеземец как в воду канул.

Прошла пара недель, и понемногу это событие стало забываться. Между тем полиции сообщили, что служитель слабеет и, наверное, скоро умрет, но к нему вернулся разум и он говорит вполне сознательно. Тут же послали в больницу агента полиции, и умирающий рассказал ему вот что:

Когда служитель с иностранцем вошли в костел через боковую дверь, последний вынул из кармана

⁸⁵ Сейчас улица Басанавичюса. В конце улицы стояли два столба, у которых раньше проверялись въезжающие в город повозки. (Прим. пер. по данным А. Juškevičius, J. Maceika. *Vilnius ir jo apylinkės*. V., 1937)

платок, наглухо завязал ему глаза, несколько раз перевернул на месте и начал водить по костелу, поворачивая в разные стороны. Потом остановился и начал что-то делать. Был слышен легкий скрип, потом глухой стук. Незнакомец взял служителя за руку, и они начали спускаться вниз. Чувствовались холод и сырость. Долго они шли по какой-то подземной пещере, меняя направление, пока наконец чужеземец не закричал: «кончено», остановился и развязал служителю глаза.

Они очутились в склепе за железной дверью. Лампа незнакомца бросала слабый свет, в котором можно было разглядеть затворенную железной штангой и закрытую на огромный замок дверь. Когда замок разбили и кое-как общими усилиями открыли дверь, они оказались в небольшой темной комнате. У стены стоял большой железный сундук. Чужеземец открыл его ключом и поднял крышку. Сундук был полон золотых монет, жемчуга, перстней, медальонов и других драгоценностей.

Вид этих богатств привел служителя в исступление. С ножом, который он захватил с собой на всякий случай, он бросился на спутника, однако тот сильным ударом кулака в лицо свалил его с ног и после недолгой борьбы обезоружил его и связал.

Обезопасившись таким образом, чужеземец набил полный чемодан и карманы золотом и драгоценностями, положил несколько золотых монет в карман служителю, потом опять завязал ему глаза, вывел из костела, пользуясь теми же мерами предосторожности, опять повернул его на месте несколько раз и, дав понюхать какой-то жидкости с сильным запахом, оставил служителя, а сам ушел. Служитель вскоре потерял сознание и больше ничего не помнит.

И опять была созвана комиссия, исследовали костел, но и в этот раз ничего не нашли.

Шли год за годом, подошли времена восстания, край залился слезами и пламенем. Не было в Вильнюсе ни одной семьи, которая бы не потеряла кого-то или убитым на поле боя, или повешенным на Лукишской площади, или высланным в Сибирь. Неудиви-

тельно, что случай с иностранцем и служителем храма был забыт. Только иногда старики рассказывают его детям как сказку.

* * *

Исследователи Вильнюса знают, что под костелом св. Иоанна есть настоящий лабиринт склепов и коридоров, идущих во все стороны. Некоторые из них тянутся даже до ближайших домов на другой стороне улиц св. Иоанна и Пилес.

В 1886 году во дворе первой гимназии (теперь двор Университета) провалилась земля недалеко от костела, и открылся вход в подземелье.

Тут же несколько учеников гимназии совершили «учебную экскурсию» в эту пещеру. Взяли сальные свечи, по веревкам спустились вниз, но недолго они там пробыли, поскольку сразу были замечены сторожем и учителями, вытащены из пещеры и за любопытство наказаны карцером. В тот же день дыру замуровали.

Участники «экскурсии» рассказали, что оказались в каменном коридоре примерно двухметровой высоты и ширины. Коридор шел вдоль стены костела, а в конце его была железная дверь, заваленная двумя или тремя штангами и закрытая на большой замок. Как дверь, так и штанги и замки, насколько можно было понять по ржавчине и плесени, не открывались несколько столетий. Никто, даже сторож Виктор об этой пещере ничего не знал, хотя служил в гимназии почти с начала ее основания.

Что это за подземный коридор, куда он ведет и что находится за таинственной дверью, остается загадкой, которую может быть когда-нибудь поможет разгадать исследование этого подземелья специалистами⁸⁶.

(Из «Белорусская жизнь», 30 января 1914, № 14)

⁸⁶ Вингис опустил предпоследний абзац и вставил вместо него следующий: «Недавно газеты сообщили, что оккупационная польская власть в Вильнюсе копалась в горах Вильнюса, подземельях костелов, ища клады, чтобы пополнить свою пустую казну. Но без "помощи" "иностранцев", кажется, они ничего не добьются!». (Прим. пер.)

Привидение в подземельях костела Доминиканцев

Как только в 1863 году в Вильнюс прибыл Муравьев-вешатель, сразу же все тюрьмы Вильнюса оказались забитыми «преступниками», а когда уже не хватило в них мест, в тюрьмы были превращены монастыри Доминиканцев, Францисканцев, Бернардинцев и другие. Жесточайшей во всех отношениях была тюрьма в стенах монастыря Доминиканцев, где размещалась также следственная комиссия.

Под костелом Святого Духа и дворцом монастыря находятся такие большие склепы, что они создают настоящий лабиринт. Неизвестно по какой причине Муравьев приказал, чтобы эти склепы, в которых были только подгнившие гробы и разложившиеся кости людей, охранялись. Так что у входа день и ночь стояла стража, сменявшаяся каждые четыре часа.

Однажды как молния облетела город весть, что в подземельях Доминиканского костела появилось привидение. Весть о привидении передавалась из уст в уста с разнообразными добавлениями и приукрашиваниями.

А на самом деле было так.

Стоящий ночью на страже у входа в склеп молодой военный задумал покурить. Был сильный ветер, и он никак не мог зажечь папиросу. Тогда он вошел глубже в коридор и вдруг увидел перед собой на расстоянии нескольких шагов белый человеческий призрак, который зашевелился и, кажется, приблизился к нему.

Жутко перепугавшийся военный бросил винтовку, помчался со всех ног из склепа, тотчас очутился около дежурного офицера, и, бледный, еле выговаривая слова, рассказал офицеру, что в склепе видел привидение. Было оно прозрачным и с очень страшным лицом. Привидение, поднявшись из гроба, двигалось к нему с вытянутыми руками, желая его схватить. Солдат еще прибавил, что скорее отдастся страшному наказанию, чем пойдет обратно охранять подземелье. Другие во-

енные также отказались идти к этим склепам. С тех пор стража была снята со склепов, а вход в подземелье наглухо замурован.

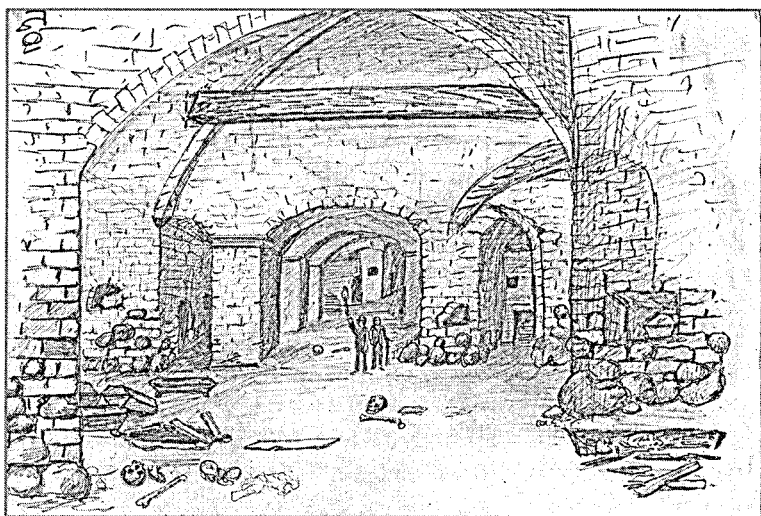
* * *

В 1908 году у меня была возможность рассмотреть то привидение, которое за 45 лет до этого так испугало московского солдата. Когда я, исследуя подземелья под костелом св. Духа, углубился в боковой коридор, сквозняк погасил мою свечу и я оказался в темноте. Когда мои глаза к ней привыкли, я увидел перед собой на некотором расстоянии бледную, светящуюся своим собственным светом человеческую фигуру. Стройная, она казалась прозрачной, слегка шаталась и как будто дрожала. Черт лица, так же, как и конечностей, я разглядеть не мог, так как привидение казалось покрытым белым саваном⁸⁷.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что в стене коридора есть удлиненная вертикальная трещина, через которую просвечивает свет дня или уличной лампы и падает на противоположную стену. Тень действительно производит впечатление призрака человека. Особенно ночью, когда ветер немного качает лампу, кажется, что призрак ходит, двигается, кажется прозрачным.

Не удивительно, что солдат, стоявший ночью на страже в подземелье, заваленном человеческими черепами и костями, почувствовал себя неудобно, поэтому легко поверил, что отразившийся на стене свет — призрак, а от страха и разыгравшейся фантазии рассмотрел и страшное лицо, и вытянутые руки, пытавшие его схватить.

⁸⁷ Этот абзац, написанный Захорским, Вингис в литовском переводе опустил. (Прим. пер.)

В. Захорский. Подземелья Костела Святого Духа в Вильнюсе. Эскиз.
LVIA (f. 1135, ap. 8, b. 10, lapas 102)

Предание от 1923 года⁸⁸

Первая половина зимы 1922—1923 года в Вильнюсе была необычно теплой. Если иногда выпадал снег, то сразу же таял. Дороги к городу размякли, на улицах стояли лужи, как в марте, а по канавам текла мутная вода, смывая разного рода нечистоты с улиц и дворов. Нерис не замерз, а на деревьях появились почки.

В одно такое теплое январское утро ехал в Вильнюс крестьянин из ближайшей деревни и вез с собой маленького поросенка.

Проезжая холм Шешкине, он увидел стоящего у дороги совершенно голого немолодого человека. На бледном лице его и в мутных глазах отражались боль и страдание. Было в нем что-то, что невольно вызывало жалость, сочувствие и желание помочь.

Крестьянин остановил коня и спросил незнакомца, что с ним и почему он без одежды. Не отвечая на вопрос, голый человек сказал:

— Купи мне в городе какую-нибудь одежду, и Бог наградит тебя за доброту.

— Я бы охотно выполнил твою просьбу, но у меня нет с собой достаточно денег для покупки одежды.

— А ты продай поросенка, и будут у тебя деньги.

Крестьянин рассмеялся.

— Того, что мне дадут за этого малютку, едва хватит на пару рюмок водки.

— Сделай так, как я говорю. Я буду тебя ждать на том же месте.

Крестьянин отъехал, пожав плечами, и подумал, что этот голый человек не в своем уме, но каково же было его изумление, когда по мере продвижения вперед поросенок начал расти с необычайной быстротой. Когда они доехали до рынка, на возу вместо маленького поросенка лежал огромный жирный боров.

Вскоре обступили воз купцы и после кратких переговоров заплатили за борова небывалые деньги. Об-

⁸⁸ Это предание Вингис не включил в литовский перевод. (Прим. пер.)

радованный крестьянин купил на Босаках⁸⁹ рубашку, брюки и шапку, удивляясь, что мало заплатил, и поспешил назад.

На прежнем месте у дороги под горой Шешкине его уже ждал голый человек.

Когда он оделся, поблагодарил сердобольного крестьянина и сказал:

— Ты меня спрашивал, кто я и почему хожу голый. Что ж, знай, что я — жертва большевиков, которые, захватив Вильнюс в 1920-м году, сорвали с меня одежду и голого живым закопали в землю, а потому как я умер без исповеди, то только тогда буду спасен, когда какой-нибудь милосердный человек прикроет мою наготу. Ты сжалился надо мной, и Бог тебя вознаградит. На прощание скажу тебе еще, что сейчас зима водой течет, а весна потечет кровью!

⁸⁹ Площадь, называемая Босаками (или *Basokai* по-литовски), находилась на месте разрушенного русскими монастыря босых кармелиток на улице Руднинку. (Прим. пер. по данным А. Juškevičius, J. Maceika. *Vilnius ir jo apylinkės*. V., 1937)

Подписано в печать 24.03.2015. Формат 60x90 1/16.

Гарнитура Baltica. Печ. л. 29.

Тираж 300 экз.

Заказ № 9259.

Отпечатано в цифровой типографии ООО «Буки Веди»
на оборудовании Konica Minolta

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А
Тел.: (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

Собрание включает 45 преданий и легенд, описывающих историю Вильнюса с языческих времен до начала XX века. Настоящее издание опирается на два источника: польские предания о Вильнюсе, собранные историком В. Захорским и изданные в 1925 г., и их (измененный и дополненный предисловием) перевод на литовский, сделанный публицистом П. Вингисом в 1931 г. В книге учтены «разногласия» обоих источников («польское» и «литовское» прочтение вильнюсских сюжетов). Перевод, вступительная статья и комментарии М.В. Завьяловой. Предисловие Томаса Венцловы. Издание предназначено для филологов, историков и всех, интересующихся Балтией, Литвой и Вильнюсом.

